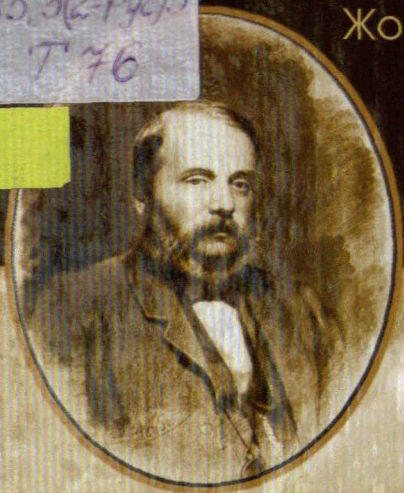

83.3(2=Р4ч)5
Т 76

Жорес Трофимов

Наш Товарищ

Дом губернатора. Симбирск 1900-е гг.

*Посвящаю
лауреату Ленинской
и Нобелевской премий
Жоресу Ивановичу Алферову,
моему тезке
и единомышленнику*

**Жорес Алферов и Жорес Трофимов
во дворе Ленинского мемориала.
Ульяновск. 6 августа 2005 г.**

**Ж. Трофимов у здания бывшего
Московского Коммерческого училища. 2005 г.**

Жорес Трофимов

83.3/2-Рус)5

Т 76

НАШ ГОНЧАРОВ

Поиски. Находки. Исследования

Одному краеведческому
интересу и
библиографическим
сведениям о жизни и
деятельности
с благодарностью за
бескорыстную и всеобщую
помощь в работе
«Ульяновский Дом печати»

2007

Н. Трофимов

28 мая 2007г.

8248701

ББК 83.3(2Рос-Рус)1-8

Т 76

Автор выражает благодарность Генеральному директору ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати» Ю.Е. Вихалевскому за помощь, оказанную в издании книги

Трофимов Ж.А.

Т 76 Наш Гончаров. Поиски. Находки. Исследования. – «Ульяновский Дом печати», 2007. – 400 с.: илл.

ISBN 978-5-901141-87-8

Историк и публицист Жорес Трофимов – автор документальных книг о В.И. Ленине и семье Ульяновых, а также «Д.Д. Минаев и Симбирск», «Симбирский памятник Н.М. Карамзину», «Карамзинская общественная библиотека», «Страницы истории симбирского театра», «В.Н. Андреев-Бурлак: память и наследие», «Родня по вдохновенью (А.С. Пушкин и Н.М. Языков)», «Симбирск и симбиряне», «Поэт-симбирянин Николай Языков», «Симбирские дни Пушкина», «Симбирск литературный», «Симбирские страницы жизни Дениса Давыдова», «Жил и умер джентльменом-поэтом (Д.П. Ознобишин)», «Николай Благов – поэт и гражданин».

Большая часть очерков, вошедших в книгу «Наш Гончаров», посвящены симбирским страницам жизни великого писателя, его связям с Симбирском, увековечению его памяти в родном городе. Издание книги приурочено к 195-летию со дня рождения нашего замечательного земляка и рассчитано на широкий круг читателей – от гончарововеда до старшеклассника.

ББК 83.3(2Рос-Рус)1-8

ISBN 978-5-901141-87-8

© Ж.А. Трофимов, 2007

© Оформление. «Ульяновский Дом печати», 2007

Ульяновская областная
научная библиотека
им. В.И. Ленина

ОТ АВТОРА

Ивану Александровичу Гончарову, творцу уже трех романов — «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва» — поклонники его таланта предлагали темы для нового романа. Знаменитый писатель решительно отказывался от лестных предложений. *«То, что не выросло и не созрело во мне самом, чего я не видел, не наблюдал, чем не жил, — то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунт, как есть своя родина, свой родной воздух, друзья и недруги, свой мир наблюдений, впечатлений и воспоминаний — и я писал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал, — словом, писал и свою жизнь и то, что к ней прирастало»*¹.

Этой животворной нивой для Ивана Александровича был Симбирск: здесь он родился, рос и воспитывался, получил первоначальное образование, сюда он возвращался на каникулы во время одиннадцатилетнего учения в Москве (в коммерческом училище и университете), здесь жил и исполнял роль «подставного» секретаря губернатора в 1834–1835 годах, сюда, к родным, приезжал отдыхать и творить в 1849, 1855 и 1862 годах.

¹ Гончаров И.А. Очерки. Статьи. Письма. Воспоминания современников. — М., 1986, с. 342.

Понятно, что земляки писателя внимательно следили за его творчеством, гордились его замечательным талантом, чттили его, увековечивали память о нем, а краеведы занимались разысканиями материалов о роде и предках Гончарова, составлением комментариев к семейному рукописному «Летописцу», собирали сведения о первых учителях Ванюши Гончарова, о его крестном отце Н.Н. Трегубове, о его учении в заволжском пансионе священника Ф.С. Троицкого, о связях с братом Николаем, сестрами Александрой и Анной и членами их семей, устанавливали прототипов персонажей его романов, очерка «На родине», других произведений.

Вот некоторые вехи из краеведческой картотеки по теме «И.А. Гончаров и Симбирск». 5 марта 1848 года, то есть за месяц с небольшим до официального открытия Карамзинской общественной библиотеки, Иван Александрович высылает для нее 4 экземпляра романа «Обыкновенная история» и томик романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди». В последующие годы было немало и других пожертвований романиста².

Примечательно, что первая публикация «Обломова» произошла в январе 1859 года в «Отечественных записках», а уже в майском номере этого журнала появляется первая обстоятельная статья о гончаровском романе-шедевре, принадлежавшая воспитаннику Николая Александровича Гончарова по симбирской гимназии Н.М. Соколов-

² Красный архив. — М., 1922, с. 257.

скому, молодому юристу и публицисту, другу Д.Д. Минаева. Высокую оценку, данную Соколовским «Обломову», разделяли многие читатели Симбирска. Зримым тому свидетельством стало установление в 1861 году портрета И.А. Гончарова в читальном зале Карамзинской общественной библиотеки.

Во время грандиозного пожара 1864 года, истребившего большую часть центра Симбирска (включая и дом Гончаровых), погибла и эта первая Симбирская публичка. Гибель ее книжных и рукописных фондов Иван Александрович воспринял как огромную потерю и в письме к брату Николаю горестно заметил: «Долго надо плакать об истреблении ее, но я уверен, что она успела уже много сделать добра».

Стремясь содействовать возрождению, а затем развитию общественной публичной библиотеки родного города, он высылал ей собственные творения, а также книги с дарственными надписями ему от Островского, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Писемского, Тютчева, Фета, Полонского, А. Толстого, Соллогуба, Панаева, Бенедиктова, А. Майкова и других авторов. Своим долгом Иван Александрович счел нужным содействовать чествованию 100-летия со дня рождения Н.М. Карамзина в 1866 году, а в следующем – написание «Автобиографии» для «Сборника исторических и статистических материалов Симбирской губернии» 1868 года.

Наш первый гончаровед Михаил Федорович Суперанский при просмотре «Хронологического

каталога» Карамзинской общественной библиотеки подсчитал, что И.А. Гончаров подарил ей к 1882 году 470 томов (316 названий)³. Приношения писателя продолжались и в последующие годы. Сотрудники Дворца книги им В.И. Ленина, в состав которого в 1925 году вошла Карамзинская общественная библиотека, Н. Варламов, М. Быкова и Е. Ложкина в 1939 году выделили из общего фонда около 900 книг и журналов, принадлежавших Ивану Александровичу, и поместили их в отдельный шкаф.

Замечу, что благодарные симбиряне сразу же после кончины великого писателя и выдающегося просветителя ходатайствуют об открытии в Симбирске бесплатной библиотеки-читальни им. И.А. Гончарова, и видной общественной деятельнице Александре Александровне Знаменской, преодолев различные препоны, удалось-таки открыть эту библиотеку, которая станет главной для разночинной интеллигенции и учащейся молодежи⁴.

Знаменательно, что сподвижник А. Знаменской чиновник и литератор М. Суперанский на всю оставшуюся жизнь будет гончарововедом. Он описал «Летописец» семьи Гончаровых, организовал запись воспоминаний родственников Ивана Александровича, разыскал фотографии некоторых его родных, опубликовал в столичных журналах материалы для биографии писателя и обстоятель-

³ Огни. Пгд., 1916, кн. 1, с. 225.

⁴ См. главу «Основательница Гончаровской библиотеки».

ный очерк «Воспитание И.А. Гончарова», сыграл видную роль в подготовке торжеств, связанных со столетием писателя, и в сооружении на Новом Венце Дома-памятника, в котором ныне действуют Краеведческий и Художественный музеи. Важным вкладом М. Суперанского в гончароведение стала публикация в 1916 году, в столичном историко-литературном сборнике «Огни», переписки И.А. Гончарова, очерка о содержателе заволжского пансиона, воспоминаний приемной дочери А.А. Музалевской и др.⁵.

В мероприятиях по увековечению памяти И.А. Гончарова активное участие принимал правитель дел Симбирской губернской ученой архивной комиссии (СГУАК) Петр Александрович Александров. Как отмечал П. Бейсов, это он, поэт, журналист и краевед, многое сделал по сбору материалов о симбирском периоде жизни писателя (о доме Гончаровых, о памятниках на могилах матери, родных по отцу и др.), а также по популяризации в поволжской печати материалов о жизни и творчестве писателя. Весьма удачным оказалось и стихотворение Александрова «И.А. Гончаров», напечатанное в «Волжских вестях» и включенное в программу юбилейных торжеств СГУАК⁶.

Примечательно, что вскоре после окончания гражданской войны, в начале 1920-х годов, краеведы возобновили работу над темой «Гончаров и

⁵ См. главу «Первый гончаровед Симбирска».

⁶ Бейсов П.С. Гончаров и родной край, с. 150.

Симбирск». Так, Н.Н. Столов публикует неизвестные письма писателя в Симбирск, а его коллеги, сотрудники Дворца книги, восстанавливают библиотеку Ивана Александровича. В канун Великой Отечественной войны 1941-1945 годов доцент пединститута Петр Сергеевич Бейсов публикует в Куйбышеве статью «Письма и автографы Гончарова в Ульяновске», а по возвращении с фронта продолжает изучение документов и материалов о писателе и уже в 1951 году издает сборник своих статей «Гончаров и родной край». В 1960 году Куйбышевское книжное издательство тиражом в 3000 экземпляров выпускает новое издание этого сборника. Особое внимание в нем, по словам автора, было уделено «той социальной и общественной обстановке, в которой проходили детские и юношеские годы писателя, зародилось представление об «обломовщине». Включенный в этот сборник библиографический перечень статей по теме «Гончаров и родной край» используется читателями и в наши дни.

Мне довелось полтора десятилетия довольно тесно общаться с Петром Сергеевичем по краеведческим делам; я и сейчас иногда заглядываю в его сборник «Гончаров и родной край». Но уважаемый Петр Сергеевич не имел возможности в первые послевоенные годы изучать документы и материалы о Гончарове, хранившиеся в архивах и библиотеках Ленинграда и Москвы. Да и обязанности заведующего кафедрой, декана литературного факультета и проректора института по научной работе отнимали у него много времени,

лишали его возможности выехать в творческую командировку.

Воздавая должное вкладу Петра Сергеевича в гончарововедение, в создание мемориальной комнаты писателя в Краеведческом музее, в проведение гончаровских чтений и конференций, не могу не сказать и о наших разногласиях в трактовке некоторых вопросов темы «Гончаров и родной край». Я, например, считаю заявление Петра Сергеевича, что И.А. Гончаров «был зачислен осенью 1834 года секретарем канцелярии губернатора», ошибочным, основанным лишь на недостоверных воспоминаниях⁷. Не доверяю и «местному преданию» о том, что замысел «Обрыва» якобы «возник у писателя на волжском обрыве близ деревни Киндяковка» и что Гончаров там жил «вместе с Музалевским целый месяц»⁸. На мой взгляд, губернатора Загряжского не следует причислять к «дряни», которая занимала первое место в симбирском обществе⁹.

Три десятилетия продолжается мое знакомство с писателем Юрием Михайловичем Лощицом, чья книга «Гончаров» (серия «ЖЗЛ») вышла тремя изданиями в «Молодой гвардии». Но это интересное жизнеописание больше похоже на художественное произведение, чем на документальную биографию. Как и его предшественники, Юрий Михайлович берет на веру недостоверное сужде-

⁷ Бейсов П.С. Гончаров и родной край, с. 37.

⁸ Бейсов П.С. Гончаров и родной край, с. 48.

⁹ Бейсов П.С. Гончаров и родной край, с. 34.

ние, будто губернатор А.М. Загряжский – это «авантюрист и ловелас»; остается для него неразгаданной и личность «откупщика», часто бывавшего у губернатора¹⁰.

В моей личной библиотеке имеются книги А.П. Рыбасова «И.А. Гончаров» (1957 и 1962 годов издания), основанные на многолетнем изучении автором творческой биографии Ивана Александровича. Однако с некоторыми суждениями А. Рыбасова не могу согласиться. Он, например, считает, что изучение иностранных языков в Московском коммерческом училище «поставлено было очень плохо»¹¹. На самом же деле, судя по выступлениям Николая Гончарова на годовых актах, он свободно владел французским и немецким языками. А. Рыбасов полагает также, что Иван Гончаров в 1834-1835 годах служил в канцелярии симбирского губернатора.

Довелось мне тщательно штудировать монографию А.Г. Цейтлина «И.А. Гончаров», вышедшую в 1950 году в Москве в издательстве Академии наук СССР. Сам автор предупредил читателей, что его книга «посвящена творчеству Гончарова, а не его жизни, и чисто биографический материал введен в нее в ограниченном размере». Но это «ограничение» доведено до того, что в книге не сказано даже, что в Коммерческом училище с Иваном Гончаровым на протяжении шести лет рядом

¹⁰ См. главы «Губернатор Загряжский» и «Откупщик» Бенардаки.

¹¹ Рыбасов А.П. И.А. Гончаров. – М., 1957, с. 84.

находился его брат Николай и что они вместе поступят в 1831 году в Московский университет... Для А. Цейтлина Симбирск 1835 года – это «маленький провинциальный городок», тогда как он с 1796 года являлся центром огромной губернии.

Важным этапом в увековечении памяти писателя и исследовании темы «Гончаров и родной край» сыграло создание в 1976 году в Ульяновском областном краеведческом музее им. И.А. Гончарова мемориального отдела писателя, а в 1982 году – открытие в его отчем доме Историко-литературного музея И.А. Гончарова. Научные сотрудники музея М.Х. Валкин, М.Б. Жданова, Ю.М. Алексеева, А.В. Лобкарева, И.В. Смирнова и Н.М. Егорова своими исследованиями обогатили разработку темы «Гончаров и Симбирск» и способствовали тому, чтобы наш город стал основным российским центром изучения жизни и творчества великого писателя.

Меня как профессионального историка и публициста, автора книг о В.И. Ленине и семье Ульяновых, Д.И. и Д.Д. Минаевых, Н.М. Карамзине, Н.М. Языкове, Д.П. Ознобишине, Д.В. Давыдове, а также сборников статей и очерков «Симбирск литературный» и «Симбирск и симбиряне» интересовали «белые пятна» и малоизученные эпизоды из жизни великого романиста.

В первую часть книги «Наш Гончаров. Поиски, находки, исследования» вошли очерки, рассказывающие о семье, в которой родился писатель, о заволжском пансионе, в котором он воспитывался, об учебе в Московском коммерческом

училище и в Московском университете, а также о жизни в Симбирске, когда Иван Александрович исполнял роль «подставного» секретаря, о начале его писательской деятельности, о посещениях Симбирска в 1849, 1855 и 1862 годах. Почти в каждом из этих очерков приводятся новые документы и материалы, позволившие мне внести коррективы в гончаровиану.

Возьмем, например, строку из «Автобиографии» Ивана Александровича о его учебе в 1820-1822 годах в пансионе, который, по его словам, «содержал в имении княгини Хованской, за Волгой, сельский священник». Это указание побудило авторов биографических работ о Гончарове к поиску сведений об этом пансионе. Так, А. Рыбасов в 1957 году писал: «Екатерина Петровна Хованская, дочь Ивашева, соратника Суворова, и сестра известного декабриста В.П. Ивашева, для воспитания своих детей пригласила молодого священника Ф.С. Троицкого, который и стал держателем пансиона «для местных дворян» при ее имении». В действительности же в 1820 году, когда Ванюшу привезли в пансион Троицкого, Екатерине Петровне Ивашевой было... 9 лет, и Ванюша Гончаров во время пребывания в пансионе никого из Хованских и в глаза не видел.

После обучения в заволжском пансионе десятилетний Ванюша был помещен, вслед за братом Николаем, в Московское коммерческое училище, о восьмилетнем пребывании в котором у него остались такие тягостные воспоминания, что учеба там даже не упоминается в автобиографии.

Поэтому одни исследователи считали, что он среднее образование получил в каком-то московском частном пансионе, а другие вообще обходили этот период в жизни писателя. Изучение документов, в частности, «Порядка учения в Московском коммерческом училище», позволило мне восстановить картину учебы Вани Гончарова в каждом из классов: состав преподавателей, предметные программы и т.п. Важной находкой стало выявление текста речи, с которой на французском языке выступал Коля Гончаров на публичном годовом акте 31 августа 1827 года. Думается, что приведенные в этой главе сведения о том, что почерпнул Иван Гончаров в Коммерческом училище на уроках рисования, а также сравнение программы этого предмета с воспоминаниями Райского в «Обрыве», как его обучали рисованию и живописи, помогут гончарововедам понять, почему романист в молодости мечтал стать художником.

Следующая глава в книге посвящена учению братьев Гончаровых в Московском университете. Казалось бы, если романист сам опубликовал в 1887 году обстоятельные воспоминания «В университете», то биографам не так уж трудно будет освещать его жизнь в 1831-1834 годах. К сожалению, при обрисовке студенческого быта Иван Александрович не указал, где именно они с братом Николаем квартировали эти три года, какое время они вместе занимались на словесном факультете, когда они выезжали на каникулы в Симбирск, с кем из сокурсников поддерживали дружеские отношения, почему Николай, преуспе-

вавший в Коммерческом училище, занимался в университете шесть лет вместо установленных трех. Ответы на некоторые из этих вопросов гончароведы черпают из статьи О.А. Демиховской «И.А. Гончаров в Московском университете», опубликованной в 1959 году. Существенный вклад в освещение этой проблемы внесла старший научный сотрудник областного Краеведческого музея им. И.А. Гончарова Нина Михайловна Егорова. Она, в частности, установила, что Николай Гончаров сначала учился вместе с братом Иваном на словесном факультете, а потом, уже один, на юридическом. Что касается задержки с окончанием университетской учебы Николая, то она была вызвана болезнью, из-за которой в 1835-1836 годах он пропустил много занятий. Свою скромную лепту в изучение учебы братьев Гончаровых в университете внес и я. Удалось, в частности, выяснить, с кем именно они занимались в Коммерческом училище, а затем и в университете, почему Гончаровы официально значились не студентами, а слушателями, а также состав сокурсников Ивана Александровича.

В главе «Подставной секретарь», тоже впервые в гончароведении, мной приводятся фамилии и имена чиновников, которые в 1834-1835 годах служили в канцелярии губернатора и губернском правлении, а также названы председатели и советники палат, с которыми, по словам самого писателя, он «перезнакомился» во время своего «секретарства». Эти сведения важны для уяснения среды, в которой могла происходить эта служ-

ба. Оказывается, если бы Иван Александрович стал настоящим секретарем, то у него было бы всего двое подчиненных, в том числе князь Юрий Сергеевич Хованский – выпускник Царскосельского лицея, муж сестры декабриста Ивашева, человек, чуждый карьеризму и с чистой совестью.

Вскоре после приезда в город на Неве, при участии либо князя П.А. Вяземского, либо А.М. Загряжского, Гончаров был зачислен переводчиком в Департамент внешней торговли. Свободное время он посвящает литературному творчеству, но только через семь лет почувствует себя профессиональным литератором. В очерке «Переводчик становится писателем» приводятся новые соображения по поводу фельетона «Письма столичного друга провинциальному жениху». Неправомерно утверждение некоторых исследователей, что брат писателя «поразительно близок к образу Леонтия Козлова», что он имел неопрятный вид и т.п. Вместе с тем Николай Гончаров в 1843 году на самом деле был женихом, и вполне возможно, что брат-писатель помогал ему в покупке кареты, сервиза и пр.

В очерках, посвященных пребыванию романиста в Симбирске в 1849, 1855 и 1862 годах, приводятся сведения, обогащающие представления читателей об этих важных событиях в жизни нашего замечательного земляка. Так, в главе «После 14-летнего отсутствия» говорится о тех изменениях, которые произошли в центральной части города за столь длительное время; впервые в литературе дается комментарий к словам Ивана

Александровича, почему ему понравился Дом дворянского собрания, о том, каким был симбирский театр. В главе «Из кругосветного путешествия в Симбирск» приводятся строки из книги «Фрегат Паллада», свидетельствующие о том, что и в водах Атлантического океана, и на острове Мадера он мысленно переносился в далекий Симбирск. Летом 1862 года Иван Александрович в последний раз посетил родной город, и естественно, что я старался выяснить все подробности этого пребывания: о доме Музалевских, в котором он остановился, что писали «Симбирские губернские ведомости», которые редактировал Николай Гончаров, как отразилось эхо петербургских пожаров в Симбирске, о гастролях здесь актера Малого театра В.И. Живокини, с которым писатель был лично знаком по Петербургу.

Если в главах первой части книги жизнь и деятельность Гончарова освещается в хронологической последовательности, то сюжетами очерков, включенных во вторую часть, являются отдельные эпизоды из жизни писателя и его родных, других связанных с ним людей, а также почитателей и исследователей его творчества.

Достойным памяти и глубокого уважения является старший брат романиста – Николай Александрович Гончаров, который в детстве и юности был с ним рядом и который впоследствии как преподаватель русского языка, словесности и иностранных языков оказал благотворное влияние и на своих воспитанников М.Н. Богданова, Г.Н. Потанина, В.Н. Андреева-Бурлака, Н.М. Со-

коловского, Н.М. Соковнина, Д.Н. Садовникова и других будущих ученых и литераторов. Весомый вклад внес Николай Александрович и в культурную жизнь Симбирска: в 1855-1863 годах был редактором неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей», преподавателем воскресной школы для народа, членом комитета Карамзинской общественной библиотеки. Не случайно и то, что в знак благодарности к Н.А. Гончарову, знатоку фольклора и древнерусского языка, Д.И. Минаев посвятил свой стихотворный перевод «Слова о полку Игореве», вышедший в 1846 году в Петербурге. В своих очерках «Н.Г. Чернышевский и Симбирск», «Замечательный чудак» и «О прототипе Леонтия Козлова – персонажа романа «Обрыв» я показал, что этим прототипом являлся не Николай Гончаров, а скорее всего его коллега – гимназический учитель Михаил Иванович Чугунов. В ходе разысканий материалов о Николае Гончарове мне удалось установить, что в марте 1851 года, когда к нему домой заходили Н.Г. Чернышевский и Д.И. Минаев, Николай Александрович проживал со своей семьей в «гимназическом общежитии» – доме, на месте которого теперь находится вестибюль областного драмтеатра¹².

Еще 10 апреля 1976 года в «Ульяновской правде» был опубликован мой очерк «Класс Александра Ульянова», в котором я призвал читателей

¹² Ульяновская правда, 1989, 11 ноября.

принять участие в разгадке фотоснимка, запечатлевшего выпускной класс классической гимназии 1883 года. При этом я подчеркнул необходимость опознания на этом снимке Дмитрия Александровича Гончарова. Через несколько лет мне удалось найти его подлинную фотографию. Я и тогда догадывался, что он состоит в родственных отношениях с семьей знаменитого писателя, но только 20 лет спустя, 18 июня 2000 года, я опубликовал в «Ульяновской правде» очерк «Дмитрий Гончаров – родственник романиста», написанный по материалам областного госархива. В нем указана степень этого родства: Дмитрий Александрович – внук двоюродного брата автора романной трилогии; приведены сведения о родовом фруктовом саду Гончаровых и высказано пожелание, чтобы к 200-летию со дня рождения писателя было составлено полное родословное древо Гончаровых, воссоздан гончаровский сад, начинавшийся на волжском откосе у юго-восточного угла Соборной (ныне Ленина) площади.

В воспоминаниях «На родине» Иван Александрович уделял довольно много места губернатору Загряжскому и его семье, а также «откупщику», который частенько бывал у губернатора и играл видную роль в жизни Симбирска. Но романист при рассказе об этих деятелях опирался на злонамеренные «воспоминания» жандармского штаб-офицера Э. Стогова. Между тем А.М. Загряжский (родственник жены А.С. Пушкина), у которого в сентябре 1833 года останавливался великий поэт во время пребывания в Симбирске, отнюдь не был

взяточником или настырным ухажером, которого, мол, поколотил из ревности некий жених. Но ведь к губернатору Загряжскому с доверием относились Ивашевы, Языковы, Тургеневы, Хованские и другие передовые симбиряне, избравшие его в 1833 году своим ходатаем перед правительством о сооружении в Симбирске памятника Н.М. Карамзину.

Что касается безымянного «откупщика» (деятеля, откупившего у казны монополию на торговлю хлебом, водкой или на рыбные ловли), то мне удалось установить, что в действительности им был отставной поручик российской армии, грек по национальности, Дмитрий Егорович Бенардаки. Его имя навсегда вошло в историю русской культуры, ибо с ним тесно общался Гоголь, который, кстати, вывел его в поэме «Мертвые души» под именем Костанжогло. Бенардаки вошел в историю России и как крупный предприниматель, основатель судостроительного завода в Сормове, хозяин крупного концертного зала на Невском проспекте, владелец картин, которые удостоились чести попасть в Третьяковскую галерею. Из музея завода «Красное Сормово» мне удалось получить фотографию Д.Е. Бенардаки и, таким образом, представить облик «откупщика», с которым Гончаров общался в Симбирске.

В апреле 1835-го Иван Александрович получил долгожданный аттестат об окончании Московского университета, без которого он не мог поступить на государственную службу. Так уж случилось, что это важное для будущего писателя событие

совпало с поступлением из Петербурга предписания, отзывавшего губернатора в распоряжение Министерства внутренних дел и, по приглашению Загряжского, он отправляется вместе с ним в столицу. Недельную остановку в Москве Иван Александрович провел с братом Николаем, продолжавшим заниматься на юридическом факультете университета.

Некоторые небезынтересные штрихи в гончароведение вносит очерк «Д.П. Ознобишин и братья Гончаровы» (Ульяновская правда, 2004, 17 декабря): ведь у «поэта и полиглота» Дмитрия Ознобишина и Николая Гончарова были общие университетские преподаватели, им было о чем поговорить и как лингвистам; и, наконец, Д.П. Ознобишин как почетный попечитель мужской гимназии способствовал Н.А. Гончарову сменить в 1839 году службу в губернаторской канцелярии на преподавательскую работу в гимназии.

Общеизвестно, какое большое значение для творческой деятельности романиста имело пребывание в Симбирске в июне – сентябре 1849 года. Главным источником для освещения этой поры являются письма самого Ивана Александровича к петербургским друзьям. Что касается взгляда «со стороны» на пребывание знаменитого земляка, то в известный сборник «И.А Гончаров в воспоминаниях современников» вошли единственные свидетельства земляка – воспоминания писателя Г.Н. Потанина, являвшегося в годы своей гимназической учебы учителем детей в домах

Д.И. Минаева и Н.А. Гончарова. Но эти воспоминания написаны Потаниным в 1901 году, полвека спустя после пребывания романиста в Симбирске, и они, как отмечалось в литературе, грешат неточностями и фактическими ошибками. Мне удалось установить, что Г.Н. Потанин окончил Симбирскую гимназию в 1845 году и, следовательно, в 1849-м не мог рассказывать И.А. Гончарову, как он готовится к... выпускным испытаниям. В очерке «Плод фантазии Гавриила Никитича?» (Ульяновская правда, 2005, 23 сентября) я счел своим долгом выразить и скептическое отношение к подтверждению Потаниным людской молвы, будто И.А. Гончаров провел один из летних месяцев 1849 года на «даче в усадьбе Киндяковых». Свою точку зрения по этому вопросу более подробно я изложил в очерке «Киндяковка и Киндяковы. К творческой истории романа «Обрыв» И.А. Гончарова» (Ульяновская правда, 2002, 15 июня). Киндяковка безусловно является гончаровским местом, но только потому, что романист, как и многие горожане, бывал в этом живописном месте отдыха.

В очерке «Три визита И.А. Гончарова в фотографию С.Л. Левицкого» (Ульяновская правда, 2000, 1 февраля) рассказывается об обстоятельствах, при которых в 1856 году появилась групповая фотография, на которой запечатлены И. Гончаров, И. Тургенев, А. Дружинин, А. Островский, Л. Толстой и Д. Григорович, а также визитные карточки Ивана Александровича 1856 и 1884 годов.

Гончарововедам давно известно, что критический отклик на роман «Обломов», опубликованный в майском номере «Отечественных записок» за 1854 год, написан Николаем Соколовским. Из очерка «Симбирянин Н. Соколовский – первый критик «Обломова» читатель получит представление об этом молодом юристе и публицисте, воспитаннике Николая Гончарова по гимназии, друге Д.Д. Минаева и близком знакомом Ф.М. Достоевского.

Очерк «...Алаевы встречаются на каждом шагу» – это развернутый комментарий к письму Ивана Александровича от 26 июня 1877 года к сестре А.А. Музалевской, которая, переживала недавнюю кончину мужа, не перенесшего своего разорения из-за покупки «высокодоходных акций» одной из столичных компаний. Приводится, в частности, аргументация, что упоминаемый писателем Алаев – это предприниматель-симбирянин Семен Васильевич Алаев¹³.

Сотрудники музея И.А. Гончарова знают о том, что 24 февраля 1861 года Иван Александрович подарил своим племянницам Кате и Варе Кирмаловым книгу «Собрание чудес» Н. Готорна. В очерке «Автограф Гончарова», опубликованном в «Мономахе» (2005, № 4) я рассказываю о творчестве популярного американского писателя Натаниэля Готорна (1804-1864) и вношу предложение об изготовлении муляжа книги с дарственным

¹³ Ульяновская правда, 2000, 24 октября.

автографом Гончарова (электронная копия титульного листа у меня имеется).

В очерке «Воспитанники И.А. Гончарова» рассказывается о попечении, которым знаменитый писатель занимался по отношению к трем детям покойного слуги Карла Трейгута. Опираясь на письма Ивана Александровича и его друзей А.Ф. Кони и М.М. Стасюлевича, я показываю, с одной стороны, трогательную заботу писателя о детях-сиротах, а с другой – решительно выступаю против слухов и «гипотез» о том, что Саня Трейгут, якобы, была внебрачной дочерью Гончарова.

«Первый гончарововед Симбирска» – это очерк о Михаиле Федоровиче Суперанском, его трудах о великом писателе, а также его поиске документов и материалов о Гончаровых и их симбирском окружении. Трудно переоценить и его вклад в увековечение памяти И.А. Гончарова, особенно в связи со столетием со дня рождения Ивана Александровича, в честь юбилея которого и было возведено на Новом Венце уникальное здание-памятник, в котором теперь размещаются Краеведческий и Художественный музеи.

Исследования о великом романисте, особенно о его связях с Симбирском и судьбах его симбирских родственников, – сложная и вместе с тем увлекательнейшая работа, которая ведется краеведами уже более столетия. Уверен, что за годы, оставшиеся до большого юбилея – 200-летия со дня рождения Ивана Александровича, который будет широко праздноваться в России, да и далеко за ее пределами, в 2012 году, исследователи

порадуют читателей новыми находками. Что касается меня, то я льщу себя надеждой, что предлагаемая книга «Наш Гончаров. Поиски, находки, исследования» окажется небесполезной и для массового читателя, и для историков и литературоведов, стремящихся внести свою лепту в создание научной биографии нашего всемирно знаменитого земляка.

ЧАСТЬ I

Глава 1

РАННЕЕ ДЕТСТВО

6 (18) июня 1812 года в Симбирске в семье городского головы Александра Ивановича Гончарова и его жены Авдотьи Матвеевны родился второй сын. Двухэтажный каменный дом Гончаровых находился в самом центре города и выходил на три улицы: Московскую (ныне – Ленина), Большую Саратовскую (ныне – Гончарова) и Троицкую (ныне – Краснознаменный переулок). Крестили новорожденного 11 числа в стоявшей наискосок старинной Спасо-Вознесенской церкви и нарекли, в честь деда, Иваном. Восприемниками, или как говорят в народе, крестными, были отставной капитан-лейтенант Николай Николаевич Трегубов и вдова Дарья Михайловна Косолапова, представительница известной в городе купеческой династии.

Из «Летописца семьи Гончаровых» видно, что первый представитель этого рода, Лаврентий, попал в Симбирский край еще в 16-м веке, скорее всего в составе стрелецкого полка. Известно также, что его сын Иван Гончаров значился солдатом и в 1710 году у него родился первенец, нареченный тоже Иваном. Вот у него, Ивана Ивановича Гончарова, судьба сложилась удачнее: грамоту и арифметику он освоил в Симбирске, притом так

хорошо, что его назначили подъячим, то есть делопроизводителем учреждения. А в 1733 году, в связи с созданием 2-й Закамской линии крепостей, И.И. Гончаров был призван на службу и назначен писарем штаба Сергиевского ландмилицкого полка, дислоцировавшегося в пригороде Алексеевское (невдалеке от Самары). Через пять лет, за усердную службу, Иван Иванович назначается аудитором (членом полкового суда), а 28 июня 1742-го был удостоен чина поручика. Наконец, в 1746 году, во время прохождения службы в Оренбурге, Иван Иванович Гончаров получил звание капитана. Затем последовала служба в крепостях Магнитной, Танапыцкой, Урдасынской, которыми он командовал¹⁴.

В 1758 году, прослужив 26 лет в армии, он уходит в отставку и возвращается в родной Симбирск, вдовцом и с сыновьями Ильей, Григорием и Александром. По невыясненным еще причинам капитан И.И. Гончаров не получил дворянства, а его дети, уже в Симбирске, были приписаны к купеческому сословию.

Александр Иванович, отец великого писателя, родился в 1754 году в Танапыцкой крепости и пяти лет остался без матери. Трудно сказать, где он получил образование, но известно, что был довольно образованным и уважаемым деятелем, если в 1801-1803 годах его избрали заседателем губерн-

¹⁴ Алексеева Ю.М. Из истории родословной И.А. Гончарова//Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. – Ульяновск, 1992, с. 145.

ской уголовной палаты, а в 1804 году – городским головой Симбирска. К этому времени он был владельцем каменного двухэтажного дома с антресолями, причем в самом центре города, на перекрестке Московской и Большой Саратовской улиц. В том же 1804 году он, будучи пятидесятилетним бездетным вдовцом, женился на купеческой дочери Авдотье Матвеевне Шахториной, которой было около двадцати лет от роду. На дошедшем до нас ее портрете неизвестный живописец искусно изобразил миловидную женщину с округлым лицом, с темными задумчивыми глазами, с выражением природного ума и вместе с тем свойственных ее облику мягкости и покоя. Три их дочери умерли в младенчестве (тогда в России до пяти лет доживала половина детей), а вот Николай, родившийся в 1808-м и Иван, появившийся на свет четырьмя годами позже, а также дочери Александра, 1815-го и Анна 1818 годов рождения, доживут до почтенного возраста.

Александр Иванович обустроивал свой дом и усадьбу основательно. Вот как опишет это владение его великий сын: «Дом у нас был, что называется, полная чаша... Большой двор, даже два двора, со многими постройками, сараями, амбарами, птичником и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки – все это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разного пшена и всяческой провизии для продовольствия нашего и обширной дворни. Словом, целое имение, деревня».

К этому следует добавить, что рядом с основным домом Гончаровых находился принадлежащий им красивый одноэтажный деревянный флигель, который уговорил сдать ему отставной капитан-лейтенант Николай Николаевич Трегубов. Несмотря на свою молодость – ему было 30 лет, Николай Николаевич имел славную биографию. По окончании в 1789 году петербургского Инженерного корпуса он в чине артиллерии лейтенанта был направлен в Севастополь, где поступил в распоряжение адмирала Федора Ушакова. В составе Черноморского флота, которым командовал этот прославленный адмирал, лейтенант Трегубов сражался в 1789-1791 годах с турецкими кораблями, помогал освобождению Италии от французских войск в 1798-1799 годах, потом снова с турецким флотом. Провоевав 8 морских кампаний, он 5 декабря 1799 года, в звании капитан-лейтенанта, вышел в отставку и вернулся в родовое село Покровское Ардатовского уезда Симбирской губернии, а через два года отставной моряк избирается дворянством заседателем губернской палаты уголовного суда и переезжает в Симбирск¹⁵.

Николай Николаевич был довольно состоятельным человеком и, поселившись у Гончаровых, держал здесь своих дворовых людей, свою кухню, имел своих лошадей, карету и коляску. Человек с широкой, доброй натурой, настоящий самородок честности, большой любитель чтения, веселый и остроумный собеседник, он привлекал к себе лю-

¹⁵ Лобкарева А., Смирнова И. Самородок честности. – Ульяновская правда, 1992, 20 июня.

дей. Вот почему городской голова Александр Гончаров не только с удовольствием сдал ему флигель, но и вместе с женой приглашал его быть приемником Николая, а потом и других своих детей.

Иван Александрович родился 6 июня 1812 года, а крещен 11 числа, в находящейся поблизости старинной Спасо-Вознесенской церкви. Восприемницей, вместе с Трегубовым, была вдова Дарья Михайловна Косолапова, представительница известной в Симбирске купеческой династии. И произошло крещение младенца в самый канун вторжения в Россию огромной армии Наполеона.

Каким же был Симбирск в год рождения великого писателя? В литературе о Гончарове его родной город часто называется «сонным», захолустным. В действительности же Симбирск с 1780 года являлся центром огромного наместничества, включавшего в себя Самару, Сызрань и еще десятков уездных городов. Уже в 1783 году в Симбирске имелось 1400 домов, в которых проживали десять с половиной тысяч человек. В 1796 году, в связи с преобразованием наместничества в губернию, Симбирск становится центром губернии, протянувшейся вдоль Волги на 450 верст.

Несмотря на значительную отдаленность от западных границ Российской империи, эхо нашествия Наполеона быстро достигло Симбирска: царский манифест от 6 июля, обращенный ко всем сословиям и состояниям и призывавший «единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений», нарочный курьер вручил 24 числа симбирскому

губернатору князю Алексею Долгорукову. В тот же день было принято решение о сборе в течение месяца шеститысячного вооруженного Симбирского ополчения. И уже 26 октября ополчение, в котором находилось четыре пехотных и один конный полк, общей численностью в 8560 человек, при 6744 лошадях выступило из Симбирска в Малороссию.

В тревожные летние месяцы 1812 года из западных губерний, а также Московской и Петербургской потоки беженцев устремились в Поволжье. Сотни семей дворян стали прибывать и в Симбирский край. Одни из них, местные помещики, поначалу остановились в своих имениях, другие решили приобрести здесь недвижимость в вечное пользование. Для полноты картины, сложившейся в Симбирске, следует учесть, что город являлся основным центром первоначального военного обучения и для соседних губерний.

В такой тревожной обстановке в Симбирске резко подскочили цены на жилье и все жизненные припасы, значительно оживилось строительство, оптовая и розничная торговля, возросло судоходство на Волге и Суре. Как это ни парадоксально, но бедствия войны, по словам современника-симбирянина, «выгодно» отразились на «материальном благосостоянии города: были хорошие урожаи, а хлеб стоял в огромной цене, потому что запрос на него велик и в армию, и разоренную войной часть России»¹⁶.

¹⁶ Прошлое нашего края. Сост. П.Д. Верещагин. – Саратов, 1968, с 72.

Все это драматическое время — от нашествия Наполеона на Россию и до победоносного вхождения российских войск в Париж — городским головой Симбирска оставался Александр Иванович Гончаров. А домашнее хозяйство и воспитание Коли и Ванюши целиком взяла на себя Авдотья Матвеевна. «Мать любила нас не тою сентиментальною, животною любовью, — вспоминал на склоне лет писатель, — которая изливается в горячих ласках, в слабом потворстве и угодливости детским капризам и которая портит детей. Она умно любила, следя неослабно за каждым нашим шагом, и с строгой справедливостью распределяла свою симпатию между всеми нами, четырьмя детьми. Она была взыскательна и не пропускала без наказания или замечания ни одной шалости, особенно если в шалости крылось зерно будущего порока»¹⁷.

В 1814 году, когда Симбирск уже готовился к встрече своего ополчения, возвращавшегося из европейских походов, Александр Иванович, честно прослуживший десятилетие городским головой, вышел в отставку. Портрет его, к сожалению, не сохранился, но есть описание, принадлежащее перу писателя Г.Н. Потанина: «На портрете старик Гончаров изображен видным мужчиной, среднего роста, белокурый, с голубовато-серыми глазами и приятной улыбкой; лицо умное, серьезное; на шее медали»¹⁸.

¹⁷ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7, с. 280.

¹⁸ Исторический вестник, 1903, кн. IV, с. 99.

Освободившись от службы, которая почти не оставляла времени для других занятий, Александр Иванович целиком отдался хозяйственной деятельности: свечному заводу (с тремя рабочими), торговле хлебом и солью. Радостными событиями в семье стали 15 мая 1815 года, когда родилась дочь, названная в честь отца Александрой, и 11 января 1818 года, когда Авдотья Матвеевна подарила еще одну дочь, нареченную Анной.

Наступило время и для учения сыновей. Колю, а потом и Ваню сначала учили дома, затем подошел черед и пансионов. Об одном из них писатель припомнил 29 декабря 1867 года в письме к брату: «Вот ты упомянул и о том, что забыл фамилию какой-то чиновницы, содержавшей пансион, куда нас возили учиться читать и писать... Уж ежели вспоминать фамилию, так не забудь прибавить, что она была рябая, как терка, злая и стегала ремнем по пальцам тех, кто писал криво или высовывал язык, когда писал. Да не забудь прибавить и то, что ты иногда заезжал туда за мной, не затем, собственно, чтоб привезти меня в целости домой, а чтоб доесть оставшиеся от посылаемого со мною обеда сладкие пироги с маком. Причем ты же привозил крашенные бабки в карманах, таскал с собой живых галчат, за что и был нещадно дран за уши нашею, хотя необразованною, но умною и строгою родительницею...»¹⁹.

Впрочем, Ваня порой был тоже не прочь сотворить нечто такое, за что матушка наверняка не

¹⁹ Новое время, 1912, иллюстр. прил. № 13038.

погладит по головке. Он потом вспоминал об этом: «Бывало нашалишь что-нибудь: влезешь на крышу, на дерево, увяжешься за уличными мальчишками в соседний сад или с братом заберешься на колокольню — она узнает и пошлет человека привести шалуна к себе. Вот тут-то и спасаешься в благодетельный флигель к «крестному». Он уже знает, в чем дело. Является человек или горничная с зовом: — Пожалуйте к маменьке! — «Пошел» или «пошла вон!» — лаконически командует моряк. Гнев матери между тем утихает — и дело ограничивается выговором вместо дранья ушей и стояния на коленях...»²⁰.

Было еще одно заветное место в доме, куда Ваня забегал иногда по несколько раз в день — это комната няни Аннушки. «Ему, как и его великому учителю, Пушкину, — заметил в связи с этим М. Суперанский, — судьба послала умную, добрую и ласковую няню, которая всей душой была предана их семье, и которую, по старинному обычаю, до самой ее смерти все «господа» звали *Аннушкой*. Она знала много сказок и была первой музой Ивана Александровича, воспитательницей его фантазии. Он любил свою няню и впоследствии, уже будучи известным писателем, относился к ней с трогательной нежностью... И образ Аннушки нашел себе воплощение в няне Обломова, которая так ласково ухаживала за Илюшей и рассказывала чудные сказки»²¹.

²⁰ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7, с. 281.

²¹ Русская школа, 1912, № 5-6, с. 6.

22 августа 1819 года главе семьи, Александру Ивановичу, исполнилось 65 лет, но ему нездоровилось, и родные отметили юбилей скромно, в своем кругу. А 10 сентября, неожиданно для окружающих, сердце его остановилось, и Авдотья Матвеевна внесла в «Летописец» строку об этом скорбном событии. Похоронили Александра Ивановича на том же кладбище у церкви «Сошествия Святого Духа под горою», недалеко от волжской протоки, там же, где покоился прах его отца, Ивана Ивановича, братьев Григория и Ильи, других близких родственников²².

Александр Иванович видел в своем первенце, Николае, наследника и продолжателя купеческих традиций Гончаровых и хотел в ближайшем будущем определить его в Московское коммерческое училище. Авдотья Матвеевна, выполняя волю мужа, уже через пять месяцев после его кончины, в феврале 1820-го, определила Колю, которому недавно исполнилось 10 лет, пансионером этого училища.

Кончина отца, а потом и отъезд брата, который всегда и везде был его опорой, потрясли впечатлительного Ванюшу. Только весной, когда закончился учебный год в пансионе нелюбимой чиновницы, а крестный отец стал чаще брать его с собой в коляску для прогулки, а заодно и закупить для крестников разных сладостей, он обрел душевный покой. А в начале июля на каникулы приехал Коля, и в течение трех недель они, под присмот-

²² Летописец семьи Гончаровых, с. 287.

ром старших, купались в Свияге, лакомились фруктами из своего сада, любовались с Венца чудными видами на матушку Волгу, с ее островами и песчаными отмелями, на видневшиеся в Заволжье селения. И. затаив дыхание, снова и снова слушали рассказы своего крестного отца о его морских странствованиях, читали из его библиотеки книги о кругосветных путешествиях...

В конце июля Колю отправили в Москву, а в августе Авдотья Матвеевна, после долгих совещаний с Трегубовым и переговоров с Федором Степановичем Троицким, бывшим священником Спасо-Вознесенской церкви, согласилась отправить младшего сына в село Архангельское, где Троицкий вместе со своей супругой содержали пансион для окрестных дворян.

Так кончилось раннее детство 8-летнего Вани Гончарова.

Глава 2

В ЗАВОЛЖСКОМ ПАНСИОНЕ

В конце 1858 года редактор столичного «Художественного листка» академик живописи В.Ф. Тимм обратился к известным литераторам России с предложением прислать автобиографии для последующей публикации в своем издании.

Иван Александрович после некоторых колебаний набросал на нескольких страницах, как он выразился, «кое-какие биографические сведения», оговорившись при этом: «Перехожу молча-нием некоторые подробности детского и юношеского возраста, которые имею в виду употребить в дело в одном из своих будущих сочинений...»²³. Вот почему рассказ автора нашумевшего романа «Обыкновенная история» о своей школьной поре оказался архикратким: «Первоначальное образование в науках и языках, французском и немецком, получил в небольшом пансионе, который содержал в имении княгини Хованской, за Волгой, сельский священник, весьма умный и ученый человек, женатый на иностранке. Там первые книги, попавшиеся Гончарову в руку, вне классов, были сочинения Державина, которые он перепи-

²³ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. — М., 1980, с. 217.

сывал и учил наизусть, потом Фонвизина «Недоросль» («Бригадира» не давали), Озерова и Хераскова..., далее несколько детских книжек естественной истории, наконец, путешествия Кука вокруг света и Крашенинникова в Камчатку. Тут же, находя в лакейской дома у себя сказки о Еруслане Лазаревиче, Бове Королевиче и другие, читал их»²⁴.

Спустя десятилетие, написав биографию уже по просьбе редакции «Сборника исторических и статистических материалов о Симбирской губернии» 1868 года, романист внес существенное добавление о своем учении в пансионе: «Здесь, у жены священника, принявшей православие (с именем Варвары Антоновны. — *Ж.Т.*), он (рассказ ведется от третьего лица. — *Ж.Т.*), положил основание изучению французского и немецкого языков, а найденные в библиотеке священника сочинения Ломоносова, Державина и других, такие описания некоторых путешествий заронили в нем первые — охоту к чтению, а последние — желание... видеть описанные в путешествиях дальние страны». И, наконец, в третьей и последней автобиографии, датированной 1874 годом, Иван Александрович перечислил книги, прочитанные из библиотеки священника — «путешествия (Кука, Крашенинникова в Камчатку, Мунго-Парка в Африку и др.), исторические книги Милота, Карамзина, Голикова, поэтов Державина, потом Карамзина, Ломоносова, Жуковского, тут же и Нахимова, потом

²⁴ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7, с. 217.

Фонвизина, Расина, Тассо, разрозненных Вольтера, Руссо»²⁵.

Разумеется, что священник Троицкий приучал Ваню Гончарова и других пансионеров к употребительным молитвам, рассказывал им эпизоды из библейской истории, Ветхого и Нового завета, водил в церковь на торжественные богослужения. Но он давал также уроки русского языка и словесности, арифметики, российской и всеобщей истории и географии. Следуя рекомендациям педагогики, которую знал прекрасно, Троицкий стремился и к всестороннему развитию телесного организма. Занятия гимнастикой, игры на воздухе, прогулки по живописным окрестностям, наблюдения за флорой и фауной – все это имело место. Можно сказать, что в заволжском пансионе Ваня научился связно рассказывать о прочитанном, с выражением читать вслух стихи, бойко считать в уме, рисовать простые предметы, а главное, усвоил, как надо учиться.

Так уж получилось, что при жизни Ивана Александровича никто из краеведов не расспросил о заволжском пансионе и священнике – обладателе весьма оригинальной библиотеки светской литературы. И только в «Памятной книжке и адрескалендаре Симбирской губернии на 1902 год» в публикации «Из материалов для биографии И.А. Гончарова» указаны фамилии держателей заволжского пансиона: «В имении Головкина был учитель, по фамилии Троицкий, который женил-

²⁵ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7, с. 224.

ся на немке, гувернантке Головкиных, m-lle Лицман. Получив же священническое место, он открыл пансион»²⁶.

В этом сообщении, основанном на преданиях старожилов, достоверными окажутся лишь фамилии священника и его жены. А вот нашему гончарововеду Михаилу Федоровичу Суперанскому, при содействии настоятеля симбирского Вознесенского собора Л.С. Марсальского, удалось получить выписку из клировых ведомостей с краткими биографическими сведениями о Федоре Степановиче Троицком. Оказывается, по окончании Казанской духовной академии, в 25-летнем возрасте, он был в 1817 году назначен вторым священником этого храма (в котором крестили Ванюшу Гончарова), расположенного на центральной улице Симбирска (на этом месте сейчас стоит памятник И.А. Гончарову). Осенью 1818 года Ф.С. Троицкий был переведен священником в заволжское село Репьевку (Архангельское, Ботьма тож) Ставропольского уезда, в 20 верстах от Симбирска. С помощью старожилов М. Суперанский установил, что Ф. Троицкий еще в Симбирске женился на немке Лицман, гувернантке, служившей у помещиков Филатовых, которая «приняла православие с именем Варвары Антоновны»²⁷. В Заволжье чета Троицких перебиралась с годовалой дочкой Сашей.

²⁶ Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии. — Симбирск, 1902, с. 13.

²⁷ Огни, кн. I. Пгд., 1916, с. 170.

«В этом большом селе (Репьевке, Архангельском. — **Ж.Т.**), — говорится в очерке М. Суперанского, — были расположены две усадьбы крупных помещиков, княгини Хованской и Наумова, обширные владения которых прилегали к Репьевке. По сохранившемуся преданию, перевод Троицкого из губернского города в село состоялся вследствие ходатайства перед епархиальной властью княгини Хованской, — которая в лице образованного священника желала иметь наставника для своих детей»²⁸.

Духовная консистория ценила Федора Степановича и несколько раз повышала по службе: в 1833 году он стал благочинным, а в следующем и протоиереем. Время от времени Троицкого как искусного проповедника архиерей выписывал на большие праздники в Симбирск для произнесения поучений в кафедральном соборе. Во время этих побывок в губернском центре проповедник навещался и к родным своего бывшего пансионера, ставшего известным писателем. «В доме Гончаровых, — вспоминал писатель Г.Н. Потанин, — я часто видал протоиерея Троицкого уже стариком, но и тогда он был красавец и щеголь. Одевался в бархат, имел приятный голос, живо и увлекательно говорил, а от братии своей — попов — отличался особенно изящными манерами и умением держаться корректно»²⁹.

²⁸ Огни, кн. I, с. 171.

²⁹ И.А. Гончаров. Новые материалы. — Саратов, 1976, с. 129.

М. Суперанский в очерке о Ф. Троицком отметил, что он «не ограничился преподаванием детям княгини Хованской, а устроил в своем доме пансион для детей окрестных помещиков», где преподаватели «домашние учителя Хованской и других богатых помещиков... Дом, где помещался этот пансион, — указывалось в очерке, — давно сгорел, причем погибла и библиотека, которою пользовался в детстве И.А. Гончаров. Дом этот стоял среди села, на церковной площади, окаймленный старыми парками и помещичьими усадьбами. Из него открывался на запад вид на длинную сельскую улицу, оканчивающуюся полями Заволжья, за которыми синее горы симбирского берега Волги. С северной стороны подходят к селу разливы реки, которую так любил наш писатель, в широкую водную пелену которой он, еще ребенком, мечтательно вглядывался целыми часами...»³⁰.

В этом очерке М. Суперанский сказал несколько слов и о княгине: «Жена камер-юнкера, княгиня Екатерина Петровна Хованская, дочь Петра Никифоровича (сподвижника Суворова) и сестра декабриста Василия Петровича Ивашевых». И хотя в этом очерке М. Суперанского говорится, что дочь священника Троицкого станет женой помещика Павла Алексеевича Наумова, чья усадьба и земельные угодья находились в селе Архангельском, гончарововеды целое столетие уделяют внимание только семье сестры декабриста Ивашева.

³⁰ Огни, кн. I, с. 174.

Так, А. Рыбасов в книге «И.А. Гончаров», вышедшей в 1957 году в популярной молодоговардейской серии «ЖЗЛ», пишет: «Екатерина Петровна Хованская, дочь Ивашева, соратника Суворова, и сестра известного декабриста В.П. Ивашева, для воспитания своих детей пригласила молодого священника Ф.С. Троицкого, который и стал содержателем пансиона «для местных дворян» при ее имении».

В.А. Котельников, автор книги для учащихся «Иван Александрович Гончаров», тиражированной в 1993 году московским издательством «Просвещение», утверждает на 13-й странице, что после домашнего воспитания и учения в частных пансионах Симбирска Ванюшу Гончарова поместили в «пансион священника Федора Степановича Троицкого, находившегося за Волгой, в имении княгини Е.П. Хованской... Занимались с пансионерами и домашние учителя княгини Хованской».

Наконец, в первом томе «Ульяновской Симбирской энциклопедии», вышедшем в свет в 2000 году, В.И. Мельник, повторяя своих предшественников по гончарововедению, пишет, что Иван Александрович «обучался в частном завожском пансионе Ф.С. Троицкого, в имении кн. Е.П. Хованской (с. Архангельское-Репьевка)».

В действительности же в 1820 году, когда Ванюшу Гончарова привезли в пансион Ф.С. Троицкого, Екатерине Петровне Ивашевой было еще только... 9 лет, и проживала она с отцом-генералом летом в родовом имении Ундоры, а зимой – в Симбирске. Следует также учесть, что после

смерти в 1817 году князя С.Н. Хованского его жена покинула имение в Архангельском и Симбирск и переехала с домочадцами в Царское Село, где ее сын Юрий будет обучаться до середины 1820-х годов. Так что Ванюша Гончаров во время двухгодичного пребывания в пансионе Троицкого даже в глаза не видел кого-либо из Хованских и мог только слышать о них как о владельцах красивого особняка, парка, сада, оранжереи, окрестных лесов и земель.

Если Хованские совершенно не нуждались в 1820-х годах в создании пансиона в заволжском имении, то он был крайне необходим их соседу по селу Архангельскому, дальнему родственнику, бывшему уездному предводителю дворянства Алексею Михайловичу Наумову, имевшему детей школьного возраста. Среди них, кстати, была дочь Наталья (будущая жена Александра Михайловича Языкова, брата известного поэта), а также пятерым племянникам – сыновьям секунд-майора Павла Михайловича Наумова.

А вот в середине 1830-х годов, когда у сестры декабриста В.П. Ивашева, Екатерины Петровны, и ее мужа, князя Юрия Сергеевича Хованского, подросли свои дети, то родители их поместили в пансион Троицкого. После же смерти в Сибири Камиллы Ивашевой, а в 1840 году и ее мужа-декабриста В.П. Ивашева, Е.П. Хованская взяла сирот-племянников к себе, и они тоже воспитывались в том же пансионе священника.

Молва о том, что княжеская чета Хованских сердечно опекает детей декабриста, конечно, дош-

ла и до И.А. Гончарова, глубоко интересовавшегося декабристами и считавшего эту тему «самым благодарным предметом для искусства». Во время пребывания Гончарова в родном крае в 1834-1835 годах фамилия Хованских была, как говорится, на слуху, а с Юрием Сергеевичем Хованским, чиновником по особым поручениям симбирского губернатора, писатель виделся неоднократно. Этим и можно объяснить, что романист в своих воспоминаниях об учебе в пансионе священника назовет владелицей имения сестру декабриста Хованскую.

В заключение несколько слов о судьбе священника Троицкого и членов его семьи. Первая его дочь, Александра, родившаяся в 1817 году, еще в Симбирске, скончалась от чахотки в 1856 году, незамужней. В 1859 году, уже после смерти Ф.С. Троицкого, его дочь Варвара стала женой отставного ротмистра Павла Алексеевича Наумова, владельца 12 тысяч десятин земли и лесов. М.Ф. Суперанский полагал, что двое сыновей священника тоже «пошли в духовное звание»³¹. Мне же удалось проследить основные вехи жизни и деятельности одного из них — Николая Федоровича Троицкого, который после учения в домашнем пансионе в Архангельском занимался в светских учебных заведениях и получил диплом юриста.

Неизвестно, встречался ли И.А. Гончаров с детьми и внуками уважаемого им содержателя заволжского пансиона, но вполне вероятно, что во

³¹ Огни. Кн. I, с. 172.

время пребывания в Симбирске в 1862 году писатель мог слышать от родных, что губернский секретарь Н.Ф. Троицкий был столоначальником симбирской палаты уголовного суда, а проживал он на Покровской улице у своего родственника священника Михаила Троицкого. Сестра романиста Анна Александровна, проживавшая вместе с мужем-доктором П.А. Музалевским вблизи Тихвинской церкви, могла рассказывать и о том, что дочь священника, в замужестве Наумова, в 1861 году крестила своего сына Алексея в Тихвинской церкви³².

В связи с образованием Волжского водохранилища село Архангельское оказалось под водой. Возможно, что кто-то из старожилов знаменитого села или поклонников таланта И.А. Гончарова запечатлел на фотоснимках виды села, бывших господских усадеб и окрестностей. Сознывая, что каждый из таких снимков или даже устные описания старожилов представляют неоценимое значение для познания темы «И.А. Гончаров и родной край», юные историки из клуба «Симбирский фотолетописец», работавший при городской детской библиотеке № 25, под руководством Нины Николаевны Жигариной провели увлекательный поиск «Архангельской Атлантиды». Благодаря этим энтузиастам читатели получили возможность познакомиться с несколькими снимками села Архангельское, сделанными до его затопления.

³² ГАУО. Ф. 117, оп. 13, д. 92, л. 15.

Эти и другие снимки помогают представить Заволжье 1820-х годов, с «его простором степи, с помещичьими усадьбами, с парками, садами и прудами». Все это, по справедливому замечанию М. Суперанского, наблюдал впечатлительный Ванюша Гончаров. Тогда еще воспринял он и простор волжского разлива, и тишину степи, и самую интимную сущность старинной деревенской жизни.

Глава 3

В МОСКОВСКОМ КОММЕРЧЕСКОМ УЧИЛИЩЕ

В конце июня 1822 года из Москвы в Симбирск привезли 14-летнего Колю Гончарова, успешно завершившего двухгодичное обучение в 1-м возрасте (классе) Коммерческого училища. Можно представить, каким радостным стало это лето для Авдотьи Матвеевны, Ванюши, крестного отца, Николая Николаевича Трегубова, няни Аннушки да и всех обитателей гончаровского дома у Вознесенья.

Но в этом же июле было решено отправить вместе с Колей в Москву для обучения в Коммерческом училище и 10-летнего Ванюшу, занимавшегося два года в заволжском пансионе священника Ф.С. Троицкого. Трудно сказать, в каких отношениях находились Гончаровы с Анной Чекаловой, взявшей за оформление Ванюши в это училище. В архиве сохранилось лишь изложение ее прошения, поданного директору Коммерческого училища: «Подполковница Анна Чекалова желает отдать, по препоручению симбирской купеческой вдовы Авдотьи Гончаровой, сына ее Ивана, от роду 10-ти лет, в число полных пансионеров Училища, который читать и писать по-русски, немецки и французски умеет и обе части арифметики знает достаточно, обучался тоже закону божью, священной истории, россий-

ской грамматике и основаниям всеобщей географии»³³.

Московское коммерческое училище, как и подобное ему Петербургское, находилось под покровительством Марии Федоровны, матери императора Александра I, и являлось лучшим заведением, предназначавшимся для детей «беднейших купцов и мещан, иногда и родственников не имеющих». В этом училище 40 «штатных воспитанников» содержались на средства Купеческого общества, но за это благодеяние они были обязаны после выпуска «непрерывно посвятить себя какой-либо отрасли коммерции» на целых десять лет³⁴. А вот братья Гончаровы, входившие в число 80-ти своекоштных пансионеров, после выпуска были вправе распоряжаться своей судьбой. Но во время учения в Коммерческом все воспитанники проживали и занимались в одном, внушительного вида трехэтажном с колоннами здании, бывшем дворце главнокомандующего в Москве генерал-аншефа П.Д. Еропкина на Остоженной улице, находившемся юго-западнее Кремля (ныне здесь располагается Московский государственный лингвистический университет). Как и другие закрытые учебные заведения, территория училища была обнесена каменным забором с железными воротами.

³³ Московское коммерческое училище. Сто лет жизни. 1804-1904. Сост. Н. Виноградов. — М., 1904, с. 274.

³⁴ Московское коммерческое училище. Сто лет жизни. 1804-1904. Сост. Н. Виноградов. — М., 1904, с. 137.

Порядки здесь почти не отличались от казарменных: от подъема (его возвещал звон колокола во дворе) до отбоя ребята находились под неусыпным контролем надзирателей, в помощь которым выделялись великовозрастные юноши из выпускного класса. Заправка постелей, укладка форменной одежды и обуви, учебных и туалетных принадлежностей – все это проверялось, и за неаккуратность воспитанники наказывались, вплоть до розог. На утреннюю и вечернюю молитвы ребят водили строем. Строгий порядок соблюдался в столовой, где для шалунов и лентяев стоял особый «штрафной стол». Зато дирекции училища было чем удивить даже царственных особ. Везде чистота и порядок. Церковный хор – один из лучших в округе. Белье у мальчиков менялось дважды в неделю. На торжественных актах воспитанники произносили речи на русском, немецком, французском и английском языках. Внешнее благообразие со стороны производило хорошее впечатление. Но порядки, основанные на жестком регламентировании даже числа «поясных и земных поклонов» во время богослужений и молитв в церкви, постоянные придирки надзирателей, среди которых преобладали личности, не знакомые с передовой педагогикой, не могли не действовать угнетающе на чувствительные натуры. Да и весь процесс обучения происходил без учета индивидуальных особенностей ребенка.

Неудивительно, что некоторые воспитанники училища нелестно отзывались об этом учебном заведении, а Иван Александрович Гончаров вооб-

ще не упоминает об учебе в Московском коммерческом училище в автобиографии, опубликованной в столичном «Художественном листке». Этот пробел, естественно, заметил старший брат, Николай Александрович. И не только он, но и поклонники таланта автора «Обыкновенной истории», «Фрегата «Паллада» и «Обломова», сгруппировавшиеся в 1867 году вокруг секретаря симбирского губернского статистического комитета В.А. Ауновского для подготовки «Сборника исторических и статистических материалов о Симбирской губернии».

В этом сборнике, впервые в истории Симбирска, должны были появиться биографические очерки об И.И. Дмитриеве, Н.М. Карамзине, Н.М. Языкове и других замечательных земляках. В эту памятную галерею почивших знаменитостей решено было включить и жизнеописание здравствующего Ивана Александровича Гончарова, причем в его собственном изложении. С просьбой об этом и обратились к преподавателю мужской гимназии Николаю Александровичу Гончарову его коллеги по комитету. А тот, не мешкая, известил своего брата об этом желании.

Иван Александрович с пониманием отнесся к планам комитета и 29 декабря 1867 года, в день своей отставки с государственной службы, закончил работу над запрошенной автобиографией. Как и первая, она написана от третьего лица, не подписана автором, а по размеру получилась короче прежней. И это несмотря на то, что брат Николай в своем письме специально просил осветить не-

которые страницы жизни, в частности, пребывание в Московском коммерческом училище. В сопроводительном письме в Симбирск Иван Александрович пояснил брату:

«Об училище я тоже не упомянул ничего в биографии, потому что мне тяжело вспоминать о нем, и если б пришлось вспоминать, то надо было бы упомянуть лихом, а я этого не могу, и потому о нем ни слова. По милости тупого и официально-рутинера, Тита Алексеевича, мы кисли там 8 лет, 8 лучших лет, без дела! Да, без дела. А он еще задержал меня четыре года в младшем классе, когда я был там лучше всех, потому только, что я был молод, то есть, мал, а знал больше всех. Он хлопотал, чтоб было тихо в классах, чтоб не шумели, чтоб не читали чего-нибудь лишнего, не принадлежащего к классам, а не хватало его ума на то, чтобы оценить и прогнать бездарных и бестолковых учителей, как Алексей Логинович (Шапошников. — *Ж.Т.*), который молол, сам не знал, от старости и от пьянства, что и как, а только дрался линейкою, или Христиан Иванович (Григориус. — *Ж.Т.*), вбивавший два года склонения и спряжения французского и немецкого, которые сам плохо знал; Гольтеков (Никита. — *Ж.Т.*), заставлявший наизусть долбить «Историю» Штрека и ни разу не потрудившийся живым словом поговорить с учеником о том, что там написано»³⁵.

³⁵ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7, с. 362.

Далее в письме уничижительной характеристике подвергнуто преподавание «так называемой словесности иностранной и русской», сводившееся к долблению тощих тетрадок немца Валентина, плохо знавшего по-французски Тита и отжившего ритора Карецкого. Столь беглое упоминание фамилий было понятно адресату – Николаю Гончарову, лично знавшему этих горе-учителей. А для читателей требуются пояснения. «Валентин» – это учитель немецкого языка Фридрих Фальк-Валентин. Под «Тито» подразумевался надзиратель Иван Иванович Тито, преподававший по совместительству французский язык. «Отживший ритор» – это Федор Матвеевич Карецкий, учитель российской словесности, включавшей и начала риторики.

Элементарные сведения об этих семи наставниках, упоминаемых писателем в письме к брату, исследователи могли почерпнуть из сборника Н. Виноградова «Московское коммерческое училище», вышедшего в Москве в 1904 году. Дополнением к этой библиографической редкости стала публикация Н.М. Егоровой ведомости о размерах жалованья всем чиновникам и служащим училища за 1826 год в «Симбирском вестнике» 1994 года. Однако гончаровиана по-прежнему не дает ответа на вопросы: что же изучал четыре года Ванюша в «младшем классе» и кто именно преподавал в нем? Такие же вопросы относятся и к последующим четырем годам нахождения будущего писателя в училище. Эти «белые пятна» помогает восполнить недавняя моя находка.

Просматривая список литературы, имевшейся в Карамзинской общественной библиотеке, опубликованный в начале 1862 года в «Симбирских губернских ведомостях», я обратил внимание на брошюру «Порядок учения в Московском коммерческом училище с 9-го августа 1826 года по 1-е число августа 1828 года» издания 1826 года. Удивлял сам факт появления этой уникальной брошюры в фондах симбирской публички. Ведь «Порядок учения» предназначался для лиц, непосредственно причастных к Московскому коммерческому училищу той поры, когда в нем учились Николай и Иван Гончаровы. Поэтому можно было не сомневаться, что эта брошюра принадлежала им, и кто-то из братьев (скорее всего Николай Александрович, тесно сотрудничавший с Карамзинской общественной библиотекой) и подарил ей редкое издание.

Во время грандиозного августовского пожара 1864 года, истребившего большую часть центра Симбирска, погибла и наша публичка, и поэтому уточнить обстоятельства, при которых в ее фондах появилась брошюра «Порядок учения в Московском коммерческом училище», невозможно. Зато в декабре 2000 года в читальном зале Российской национальной библиотеки, находящейся в нашей Северной столице, я обнаружил эту брошюру и ксерокопировал все 28 страниц. Но прежде чем приступить к изложению важных подробностей учения Вани Гончарова, напомним, что 8-летний курс обучения в Коммерческом училище подразделялся на четыре «возраста», или класса,

в каждом из которых ученик должен был находиться два года. «Возраст», в свою очередь, подразделялся на 1-е и 2-е отделения, соответствовавшие годам обучения.

Первым предметом в «Порядке учения» значился «закон веры», который вел «катехизитор» священник Михаил Васильевич Соловьев (отец известного историка). В первом возрасте он изъяснял мальчикам «краткую священную историю и первоначальные правила веры христианской», то есть то же самое, что Ванюша Гончаров слышал в течение двух лет в пансионе Ф.С. Троицкого. Но ведь по прихоти «тупого» директора, несмотря на то, что этот ученик «знал больше всех», его оставили в 1-м возрасте еще на два года, и он вынужден был, по существу, в третий раз прослушивать знакомый материал.

Уроки российской грамматики в 1-м возрасте вел Петр Знаменский, который приучал ребят к «правильному выговору при чтении» и произношению «легких стихотворений», диктовал «нравоучительные отрывки из российских сочинителей», задавал заучивать наизусть стихотворения и басни, объяснял «русское словопроизношение» и учил «разбору слов». И эту «грамматику», хорошо знакомую по заволжскому пансиону, на протяжении четырех лет в Коммерческом училище Ванюше Гончарову тоже пришлось проходить дважды.

Учитель «первых правил немецкого и французского языков» Христиан Григориус обучал вновь поступивших ребят первого возраста «азбуке,

складам и чтению на немецком и французском языках, также писанию букв, складов и речений, задавая притом заучивать наизусть употребительнейшие в общежитии слова и приучая из выученных слов составлять фразы». На втором году обучения учитель практиковал диктанты, заучивание кратких басен и анекдотов в прозе, обращая оные в разговор. Предусматривались также разборы частей речи и легкие переводы с немецкого и французского на русский. Но ведь такие же знания Ванюша уже получил в заволжском пансионе и продемонстрировал их при поступлении в Коммерческое училище. И эту «науку» он тоже вынужден был проходить здесь дважды. На уроках географии и истории, которые в первый год обучения вел Никита Гольтеков, Ванюша прослушал лишь «краткое обозрение всеобщей географии», а на втором году к повторению этого предмета появились «некоторые прибавления». Что касается всеобщей истории, то учитель ограничился «изложением чертежа всеобщей истории по таблицам Германа». Такие же, если не большие, знания по истории и географии любознательный и начитанный Ваня Гончаров имел еще при поступлении в Коммерческое училище. Так что и с этими предметами была та же история.

Небогатой была и программа по «коммерческой арифметике», которую вел в 1-м возрасте Алексей Шапошников. На первом году учения Вани Гончарова он объяснял «свойства чисел и действия в простых и составных числах с дробями, с показанием практических сокращенных способов». А на

втором – рассказывал о «содержаниях и пропорциях и тройных правилах, простых и сложных, с решением принадлежащих к ним задач, а также сокращенными способами». (Нелишне припомнить, что в прошении подполковницы Чекаловой, поданном в Коммерческое училище о принятии Ивана Гончарова, указывалось, что он «обе части арифметики знает достаточно».)

Последними в «Порядке учения» значились чистописание, рисование, церковное пение и танцевание. В первом возрасте чистописание вел Егор Классик, и учил он ребят «прямым, косым и фактурным писаниям букв, слогов и речений на четырех языках (русском, немецком, французском, английском), преподаваемых в училище, а также изображению цифр». Учитель церковного пения Петр Знаменский выбирал ребят первого возраста для поступления в «певческий класс». И для начала проходил с ними основания пения, а потом, уже всем классом, разучивал духовные песни для «литургии и всенощного бдения», а также концерты известных сочинений гг. Бортнянского, Дегтярева и др. Уроки танцевания ребятам первого возраста давал итальянец Гаetano Мунаретти, который учил их «правильной и приятной позитуре в танцах». А старшеклассникам, скажем, Николаю Гончарову, показывал «все новые контрдансы, кадрили и проч. И поправлял фигуры танцующих, приучая соединять легкость с ловкостью в танцевании»³⁶.

³⁶ Порядок учения в Московском коммерческом училище, с. 3-27.

Повторное обучение в 1-м возрасте было трудным временем в жизни 13-14-летнего Вани Гончарова: ведь подневольное повторение уже знакомого материала приносило немало огорчений и подрывало интерес к учебе. Архивные документы подтверждают обоснованность обиды писателя на то, что его держали в младшем классе аж четыре года. Ведь педагогическая конференция в 1824 году оставила его на повторный курс «по малолетству». Но та же конференция 1 июля 1826 года словно забыла об этом и упрекнула подростка уже как бы за то, что он... переросток: «Иван Гончаров по числу баллов и заслуживал бы награждения, но, как пробыл в классе вместо одного два двухлетия, и, как по сему, так и по летам своим долженствовал бы казать лучшие успехи пред всеми учениками этого класса, в коем находился, и притом шалостлив, — то конференция, не признавая его достойным отличия, почитает справедливым и достаточным переместить токмо во 2-й возраст»³⁷.

Но сам факт перехода в следующий класс уже действовал на Ивана ободряюще: впервые за последние годы и каникулы на сей раз прошли веселее. Что касается Николая, то он после шести лет обучения перешел в последний, 4-й возраст и пользовался репутацией одного из лучших воспитанников училища. В начале августа 1826 года они с братом вернулись с каникул из Симбирска в Моск-ву и приступили к занятиям.

³⁷ Виноградов Н. Московское коммерческое училище. — М., 1904, с. 2.

На уроках закона веры и российской грамматики Ивану многое было уже знакомо, а вот учитель немецкой грамматики Андрей Пеше преподавал этимологию только на немецком, часто практиковал диктанты, изустные и письменные переводы. А во втором отделении этого возраста Пеше объяснял синтаксис, требовал заучивания немецких басен и нравоучительных анекдотов, ведения разговоров на немецком. Француз Антон Дюссе вел уроки грамматики, причем полную этимологию объяснял на французском. Упражнял он учащихся в письме под диктовку, в словесных переводах из хрестоматии и письменных переводах с русского, а также в ведении разговоров по-французски. Нелюбимый воспитанниками Никита Гольтеков вел уроки «древней географии и новой всеобщей географии» (по учебнику директора училища Каменецкого). Причем во втором отделении он требовал умения чертить карты и знания краткой российской истории (по книге Васильева). Учитель Павел Сергеев на уроках алгебры и геометрии рассказывал о десятичных дробях, об «общем большом делителе алгебраических количеств», о решении уравнений первой степени с одним неизвестным. А во втором отделении Ивану Гончарову довелось уже решать уравнения со многими неизвестными.

Что касается искусств, то во втором возрасте учитель чистописания Егор Классик продолжал упражнять учащихся в «прямом, косом, фрактурном и фигурном письме», объяснял пропорции букв и цифр, их наклонение, отношения и связь

между собою. Итальянец Гаetano Мунаретти продолжал вести уроки танцев, добиваясь у воспитанников «правильной и приятной позы в танцах». За успехи учения во 2-м возрасте Иван Гончаров 20 июля 1828 года, при переводе Советом в 3-й возраст, был «единогласно признан достойным награждения книгой».

Необыкновенно большое место среди учебных занятий занимали уроки рисования. В 1-м возрасте (классе) Ване Гончарову довелось заниматься рисованием каждую среду и субботу, причем с 8 утра до 12 часов дня, то есть 8 часов в неделю – больше 300 часов в год. А так как, по воле начальства, со ссылкой на «малолетство» Вани, ему пришлось программу 1-го класса проходить дважды, то есть вместо двух лет четыре года, то за это время он занимался на уроках рисования более 1000 часов. Во втором классе рисование предусматривало два двухчасовых урока в неделю, или около 150 часов за учебный год. Столько же времени Иван Гончаров занимался рисованием в 3-м классе. Таким образом, во 2-м и 3-м классе рисование заняло еще около 600 часов. В брошюре «Порядок учения в Московском коммерческом училище» приводится подробная программа по рисованию и архитектуре, которую прошел Ваня Гончаров. А теперь посмотрим, чему же его учили на этих уроках.

В 1-м классе «служащий при императорском Московском театре живописцем» Павел Баранов учил «начальным правилам рисования, как-то: линий прямых и кривых, зрачков, глаз, носов,

губ, ушей и овалов с размером для познания правильного разделения головы», а затем и тушеванию. Во время второго года обучения этого же класса живописец занимал ребят «рисованием головы, присовокупив к этому рисование рук, ног, лиц и целых голов, употребляя в тушевании оных штрих для приобретения твердости в руке». Во 2-м классе продолжалась практика в рисовании «частей голов и тела человеческого, оттушевывания рисунков штрихом, эстампом, тушью и бистром. Более успешные ученики начинают рисовать ландшафты». В 3-м классе уроки рисования вел художник 14-го класса Василий Баранов, который упражнял воспитанников в «рисовании голов, фигур, ландшафтов, цветов и плодов тушью, бистром и корпусными красками, а также обучал составлению колеров и употреблению оных».

В 4-м классе Ивану Гончарову заниматься не довелось, но курс этого выпускного класса заканчивал старший брат Николай, поэтому он был свидетелем того, как тот рисовал «исторические картины», чертил пять орденов архитектуры и копировал рисунки машин, применявшихся на фабриках и заводах. Замечу также, что во всех классах Коммерческого училища преподаватели использовали методы и наглядные пособия, «употребляемые в императорской Академии художеств». Лучшие рисунки учащихся выставлялись на ежегодных актах, а картины видных мастеров украшали конференц-зал училища.

Знакомство Ивана Гончарова с живописью, графикой и скульптурой продолжалось и в даль-

нейшем, по выходе из Коммерческого училища — в здании Московского университета (где он потом учился), украшенном великолепными картинами, во время посещения театров, музеев, выставок, салонов. Да и в 1834-1835 годах, в период своего «подставного» секретарства у симбирского губернатора А.М. Загряжского, будущий романист видел немало прекрасных картин, в том числе и симбирских мастеров кисти, и, конечно же, в художественной мастерской Н.А. Майкова в Петербурге. Как и следовало ожидать, бывшие занятия рисованием и живописью нашли отражение в творчестве писателя, и прежде всего в «Обрыве» (роман первоначально назывался «Художник», «Художник Райский»). И как тут не вспомнить строки из романа о Борисе Райском:

«Искусство давалось ему лучше наук. Правда, он и тут затеял пустяки: учитель недели на две посадил весь класс рисовать зрачки, а он не утерпел, приделал к зрачку нос и даже начал было тушевать усы... К рисованию пристрастился и, через месяц после «зрачков», копировал кудрявого мальчика, потом голову Фингала. Золотой мечтой его была женская головка, висевшая на квартире учителя. Она поникла немного к плечу и смотрела томно, задумчиво вдаль... Нарисовав эту головку, он уже не знал предела гордости. Рисунок его выставлен с рисунками старшего класса на публичном экзамене, и учитель мало поправлял, только кое-где слабые места покрыл крупными, крепкими штрихами, точно железной решеткой, да в волосах прибавил три, четыре

черные полосы, сделал по точке в каждом глазу — глаза вдруг стали смотреть точно живые.

...И много ставил он потом штрихов и точек, все хотел схватить эту жизнь, огонь и силу, какая была в штрихах и полосах, так крепко и уверенно начертанных учителем. Иногда он будто и ловил эту тайну, и опять ускользала она у него. Но чертить зрачки, носы, линии лба, ушей и рук по сто раз — ему было скучно...»

Думается, что даже беглое сопоставление программ по рисованию, согласно которым профессиональные художники обучали Ивана Гончарова в течение восьмилетнего его пребывания в Московском коммерческом училище, с рассказом о становлении Бориса Райского как художника-дилетанта позволяет утверждать, что эти страницы в романе «Обрыв» определенно автобиографичны. И не подтверждением ли этому служит эпизод из воспоминаний писателя И.И. Ясинского, произошедший в 1880-х годах в кабинете Ивана Александровича: «Я спросил у Гончарова, не занимался ли он живописью, и он ответил: «Да, в молодости искал себя». А поводом для него послужила висевшая над диваном привлекательная картина — женская головка... Впрочем, отголоски занятий романиста рисованием и живописью в молодости проявляются и в других его произведениях, скажем, в «Обломове». Стоит припомнить эпизод любования Ильи Ильича полными красивыми руками Агафьи Матвеевны: «Как у вас хороши руки, — вдруг сказал Обломов, — можно хоть сейчас нарисовать».

Хорошо складывались дела в Коммерческом училище у Николая Гончарова. Его не задерживали специально в младшем возрасте, и, несмотря на склонность к шалостям да еще и природную рассеянность, он, обладая замечательной памятью, трудолюбием и добродушным характером, к выпускному четвертому возрасту приобрел всеобщее уважение. Немаловажную роль в этом сыграли его неординарные успехи в языках – русском, французском, немецком и английском, а также в словесности и риторике. Своими отличными переводами с русского на французский и прекрасной декламацией старший Гончаров завоевал прочную репутацию преуспевающего воспитанника. Недалом училищное начальство на публичном годовом испытании 31 августа 1827 года поручило 19-летнему Николаю Гончарову, пансионеру 4-го возраста, произнести на французском языке речь, обращенную к почтеннейшим посетителям – руководителям Московского купеческого общества и благотворителям. Изъявив «чувство глубочайшего почитания» императрице Марии Федоровне, покровительнице Коммерческого училища, молодой оратор продолжал: «Ничто столько не унижает человека, как невежество. Окружая его от колыбели мраком предубеждений, ослепляя предрассудками, расставляя ему на каждом шагу сети обольщения, оно заключает его в тесные пределы существа совершенно физического, и в будущем готовит ему самые горестные дни. Не больно ли, не прискорбно ли провести всю свою жизнь в борьбе со страстями, не имея средств к отраже-

нию оных, — среди заблуждений и недостаточного просвещения, препятствующих к достижению истины? Какое несчастье! Но таков однако ж жестокий жребий, нас ожидавший, ибо наши родители, не имевшие к тому способов, или весьма обремененные домашними заботами, могли бы дать нам токмо несовершенное воспитание.

Но дух мудрости и прозорливости, наследственный в августейшем доме Государей наших, бодрствовал над нами. Монархи наши, ревнуя о счастии своих подданных, чувствовали, что вернейший путь, ведущий народы к благосостоянию, есть воспитание юношества, основанное на благочестии, любви к Отечеству и сыновней преданности к предрежащей власти... Осмелившись привести Вам сие на память, мы хотели только показать, что и воспитанники сего Училища умеют удивляться доблестям своих Монархов и чувствуют цену Ваших благодеяний».

После Николая Гончарова с «Рассуждением о происхождении, правах и обязанностях российского купечества» выступил на русском языке его товарищ по выпускному классу Ефрем Барышев, а затем, на французском, произнес ее Николай Гончаров. Дебют оказался настолько удачным, что на следующем годичном акте, выпускном, эта же пара выступила снова. Сначала Барышев произнес на русском речь «О влиянии крестовых походов на европейскую торговлю», а потом, на французском, — Гончаров. Об успешной учебе Николая свидетельствует выпускной «Аттестат», в котором отмечалось, что он «при весьма хорошем поведе-

нии оказал в законе веры, французском и английском языках весьма хорошие, в русском же и немецком языках, коммерческой географии и статистике, истории коммерческих сведений, русском законоведении и рисовании – хорошие, в естественной истории и технологии – средственные, а в алгебре, геометрии и физике слабые успехи и 2 июля сего 1828 года после публичного испытания выпущен с привилегиею носить шпагу...».

Можно себе представить, как радовался почетному финишу старшего брата 16-летний Иван Гончаров и переживал, что после шести лет пребывания в училище ему самому предстоит еще долгих четыре года жить в полуказарменной обстановке...

В очерке «Учение братьев Гончаровых в Москве» я, поверив утверждению Н. Виноградова в монографии «Московское коммерческое училище» о том, что будущий романист «курса 3-го возраста не проходил», высказал мнение, что после каникул 1828 года он остался в Симбирске и в Коммерческом училище больше не появлялся. Однако, имея уже под руками брошюру «Порядок учения в Московском коммерческом училище», я пришел к выводу, что Иван Гончаров все-таки проходил двухлетнее обучение в 3-м возрасте. Дело в том, что в давно известном исследователям «Свидетельстве», выданном Авдотье Матвеевне Советом Московского коммерческого училища, говорилось, что ее сын Иван Гончаров «уволен из 3-го возраста, или класса, не окончив курс уче-

ния», и эти слова истолковывались как подтверждение верности мнения Н. Виноградова, будто он в 3-м возрасте не учился вовсе. Теперь же, размышляя над данными «Свидетельства» об успехах Ивана Гончарова в изучении «немецкого синтаксиса», «этимологии английского языка», «коммерческих сведений» и «российского законовещения» — четырех предметов, изучавшихся в 3-м и 4-м возрастах, я пришел к выводу, что будущий писатель занимался в 3-м возрасте и, таким образом, находился в стенах Московского коммерческого училища 8 лет — с августа 1822-го по июль 1830 года.

Замечу также, что в 3-м возрасте Иван Александрович получил высшие баллы по немецкому, французскому и английскому языкам, а также российскому законодательству и хорошую оценку по рисованию. Появилась теперь реальная перспектива того, что и 4-й возраст он прошел бы успешно и в 1832 году удостоился бы аттестата, открывающего дорогу в коммерцию. Но эта радужная для других перспектива ни его, ни брата Николая уже не устраивала, и во время каникул 1830 года они начали подготовку к вступительным экзаменам в Императорский Московский университет.

Глава 4

В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Меня влекут просто воспоминания о лучшей поре жизни – молодости – и об ее наилучшей части – университетских годах.

Так писал И.А. Гончаров в воспоминаниях «В университете». И действительно, все их содержание говорит о том, что они – самые светлые в его жизни, что «благороднее, чище, выше», чем воспоминания о студенческих годах, у него не было³⁸. И слова, что дух студента университета «расцветал под лучами свободы, падшими на него после школьной или домашней педагогической неволи», – автобиографичны, особенно если учесть, что восьмилетнее пребывание в Московском коммерческом училище, с его казарменными порядками, да и спецификой присущего ему профиля образования, было для него безрадостным.

Вместе с тем в воспоминаниях писателя имеются и недомолвки, которые порождают у гончароведов различные толкования тех или иных эпизодов, связанных, скажем, с поступлением Ивана Александровича в университет. «Я и мой брат, и еще некоторые прежние школьные товарищи, –

³⁸ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7, с. 245.

рассказывает он, — вместе готовились к вступительному экзамену и вместе подали просьбу ректору университета. Это было в августе 1831 года: 1830-й — был холерный год и лекций не было... Брат и я поступали — он в юридический факультет, а я в филологический, или, как тогда назывались они, первый — «этико-политический», а второй — «словесный».

Исходя из этих строк, А. Рыбасов утверждает в книге «И.А. Гончаров»: «Летом 1830 года Гончаров не ездил на каникулы домой, а остался в Москве, чтобы подготовиться к поступлению в университет. Но осенью в Москве началась холера... В Московский университет стремились поступить и некоторые школьные товарищи Ивана Гончарова, и брат его Николай. Вместе с ними Гончаров стал тщательно, «издалека», готовиться к экзаменам. Впереди был целый год»³⁹.

Но писатель не учел документов, связанных с тем, что Николай Гончаров после окончания в 1828 году Коммерческого училища жил в родном Симбирске, где, желая помочь матери-вдове, в октябре-ноябре 1830 года пытался устроиться на службу в Симбирскую удельную контору. Что касается Ивана Гончарова, то матушка, ссылаясь на «трудную болезнь» Николая, просила дирекцию Коммерческого училища исключить сына Ивана, который должен «безотлучно находиться» при своем брате. И Иван находился в отчем доме в сентябре 1830 года, когда из Коммерческого учи-

³⁹ Рыбасов А. И.А. Гончаров. — М., 1957, с. 37.

лица пришло «Свидетельство» об учении и поведении.

Итак, с лета 1830 года Николай и Иван Гончаровы готовились к поступлению в университет. Необходимые предметные программы и учебники они штудировали дома, по крайней мере, до снятия холерного карантина и разрешения свободного въезда в Москву. В Симбирске об этом стало известно во второй половине декабря, и в первых числах нового, 1831 года братья Гончаровы, с прочным запасом съестных припасов, в своем крытом возке двинулись в Первопрестольную. Там они вместе со «школьными товарищами» и завершали подготовку к вступительным экзаменам в университет.

Гончароведы А. Цейтлин, А. Рыбасов, В. Котельников и другие авторы не пытались выяснить, что это были за «школьные товарищи», то есть соученики по Московскому коммерческому училищу, с которыми братья Гончаровы вместе готовились к поступлению. А установить это удалось при сличении списков учеников Коммерческого училища со списками студентов и слушателей Московского университета, окончивших курс обучения в 1834-м и последующих годах.

Товарищем по Коммерческому училищу и по университету Иван Александрович называет купеческого сына Ефрема Ефремовича Барышева, которому уже в юности были присущи «пытливый ум, многосторонние познания и непрерывный труд». В будущем он станет поэтом, драматур-

гом и известным переводчиком Корнеля и Байрона⁴⁰.

А товарищем Николая Гончарова по выпуску из Коммерческого училища, а затем и учебе в университете был родной брат Ефрема – Иван Ефремович Барышев⁴¹. Весьма вероятно, что вместе с братьями Гончаровыми готовились сын купца Михаил Турунов и сын чиновника Матвей Бибиков, дружеские связи с которыми сохраняются у Ивана Александровича на долгие годы. Не исключено, что и Федор Алексеевич Кони (драматург, отец знаменитого юриста), после окончания медицинского факультета, с 1831 года посещал лекции на словесном. Завязавшиеся между Гончаровым и Кони дружеские отношения тоже окажутся долголетними.

Экзамены проходили вечером 3 августа в конференц-зале, где заседали профессора и адъюнкты. Вызываемые по списку подходили по очереди к экзаменаторам, а те задавали несколько вопросов или задач, например, из алгебры или геометрии, которые тут же приходилось решать. Вот как об этом рассказывал романист: «Профессор латинского языка молча развертывал книгу, указывая строки, которые надо было перевести, останавливал на какой-нибудь фразе, требуя объяснений. Француз и это не делал: он просто поговорил по-французски, и кто отвечал свободно на том же

⁴⁰ Н.И. (И.А. Гончаров). Некролог Е.Е. Барышева //Порядок, 1881, 15 октября.

⁴¹ Московское коммерческое училище, с. 16.

языке, он ставил в своем списке балл и любезным поклоном увольнял экзаменуемого. Немец давал прочесть две-три строки и перевести, и если студент не затруднялся, он поступал, как француз». Так же легко Иван Гончаров решил задачу по алгебре и ответил на вопрос историка. Поволноваться пришлось при сдаче по греческому языку. Известный профессор-эллинист С.М. Ивашковский, в связи с тем, что экзамены по его предмету были введены всего лишь несколько месяцев назад, предложил Ивану Гончарову прочесть отрывок из труда Ксенофонта «Отступление десяти тысяч греков». Он заметил и неправильное ударение, и затруднения с переводом, но в общем-то отнесся снисходительно и отпустил с миром. «Веселыми ногами», по выражению писателя, вышел из конференц-зала и брат Николай: сказалась их многомесячная подготовка в Симбирске и Москве и, конечно же, свободное владение французским и немецким, отчасти английским и латынью.

Казалось бы, оба брата, обладавшие незаурядными способностями, и поступят вместе на словесный факультет, где новые и древние языки являлись главными предметами. Однако Иван Александрович в своих воспоминаниях указывает, что сам он поступил на словесный, а брат — на юридический. И на сей раз память подвела писателя. Гончарововед Н.М. Егорова, изучая архив Московского университета, обнаружила, что в 1831-1832 учебном году братья Гончаровы учились вместе на словесном факультете. Кроме того, она установила, что Николай на 1-м курсе занимался и на

юридическом факультете, который в конце концов и станет для него основным. В своей статье «На двух факультетах» Н.М. Егорова привела любопытную помету в одной из учебных ведомостей об источниках содержания Николая Гончарова в университете: «на благотворительном содержании» и высказала предположение, что эту благотворительную помощь оказывал Н.Н. Трегубов⁴².

Замечу, что принадлежность братьев Гончаровых к «купеческому званию» сказалась и на официальном распределении абитуриентов в различные разряды. В «список казеннокоштных студентов и воспитанников» словесного факультета 1832 года входили дети дворян (в том числе В.Г. Белинский) и духовенства. Список «своекоштных студентов и воспитанников» подразделялся на список «студентов» (в него входили дети дворян и духовенства) и список «слушателей», включавший Гончаровых и других детей купцов, мещан и вольноотпущенных (бывших крепостных). Таким образом, они официально не могли называть себя студентами...

Иван Александрович в своих воспоминаниях говорит, что первый курс учения на словесном факультете «был чем-то вроде повторения высшего гимназического класса. Молодые профессора, адъюнкты заставляли упражняться в древних и новых языках. Это были замечательно умные, образованные люди, например, – француз Курте-

⁴² Сборник материалов научной конференции, посвященной 190-летию Симбирской губернской гимназии. – Ульяновск, 1999, с. 98.

нер, немецкий лектор Геринг, профессор латинского языка Кубарев и греческого – Оболенский. Они много помогли нам хорошо подготовиться к слушанию лекций высшего курса...».

Некоторые гончароведы восприняли эти мажорные строки как указание писателя на то, будто начало его университетской учебы было безоблачным. «Первый курс дался ему на удивление легко, – пишет В. Константинов в книге «И.А. Гончаров», – поскольку главное внимание уделялось штудированию древних и новых языков...».

В действительности же дело обстояло гораздо сложнее. Ведь Иван Александрович не учился в «высшем гимназическом классе» (как и в высшем классе Коммерческого училища). Латынь и греческий они вместе с братом познавали частным образом и наспех, и вступительные экзамены в университет (особенно греческий) они сдали благодаря снисходительности членов испытательной комиссии.

Насколько непростым было учение Ивана Гончарова на первом курсе, видно из «Списков об успехах» за 1831-1832 годы, которые ввела в научный оборот О.А. Демиховская⁴³. Так, по латыни он получил на экзамене у проф. Алексея Михайловича Кубарева двойку (2), а по греческому проф. Василий Иванович Оболенский выставил ему нуль (0). И даже по французскому, который

⁴³ Демиховская О.А. И.А. Гончаров в Московском университете. Ученые записки Ленинград. пединститута им. А.И. Герцена, 1959. Т. 210, с. 3-26.

Иван Александрович знал превосходно, экзаменатор Федор Федорович Куртнер выставил в таблице двойку. И только на экзаменах по немецкому у лектора Иогана Геринга и по английскому у лектора Эдуарда Гарве он был удостоен четверок (4), то есть высших баллов.

Преподаватель «вспомогательных исторических наук» (они включали в себя географию, хронологию, геральдику, нумизматику и генеалогию) Михаил Степанович Гастев нашел познания Ивана Гончарова достойными тройки (3). А вот 60-летний профессор Петр Васильевич Победоносцев (отец реакционера К.П. Победоносцева), известный схоласт и педант «старой школы», ответы Ивана Гончарова по российской словесности оценил лишь на двойку. В этом не было ничего удивительного: годом раньше такую же оценку получил Виссарион Белинский и еще сорок(!) его сокурсников⁴⁴.

Весьма скупым на оценки оказался протоиерей профессор кафедры богословия и церковной истории Петр Матвеевич Терновский: по нравственно-богословию он выставил Ивану Гончарову двойку. Причины его появления помогают понять гончаровские воспоминания, в которых он подчеркивал, что Терновский был не то что «добрый батюшка», а строгий профессор. «Он читал скоро и много: в час начитает листов шесть писанных и, кончая, даст программу прочитанного. На следующей лекции он вызовет кого-нибудь пересказать

⁴⁴ Литературное наследство. Т. 56. – М., 1950, с. 328.

прочитанное в прошлый раз. Этого боялись и прятались за спины товарищей, чтобы не вызвал. Отметкам его придавался особый вес. Получивший у него единицу не переводился на следующий курс. Его подробные, ученые и сухие лекции как-то мало вязались с жизнью. Они выучивались к экзамену и потом забывались»⁴⁵.

Но двойка, даже Терновского, по четырехбалльной системе, действовавшей в университете, считалась все же удовлетворительной отметкой, и Иван Гончаров в июле 1832 года был переведен на второй курс. Полвека спустя он назовет это время (август 1832 – август 1833 г.) «лучшим и самым счастливым».

Коренным образом, причем к лучшему, изменился состав преподавателей. «Среди профессоров первым считали мы, – вспоминал Гончаров, – и по старшинству лет, и по достоинствам – М.Т. Каченовского. Это был тонкий, аналитический ум, скептик в вопросах науки и отчасти, кажется, во всем. При этом – строго справедливый и честный человек. Он читал русскую историю и статистику, но у него была масса познаний по всем частям...

Вместе с Каченовским наши уважение и симпатию разделял профессор теории изящных искусств и археологии Н.И. Надеждин. Это был человек с многостороннею, всем известною ученостью по части философии, филологии... Это был самый симпатичный и любящий человек в обращении, и как профессор он был нам дорог своим

⁴⁵ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7, с. 267.

вдохновением, горячим словом, которым вводил нас в таинственную даль древнего мира... А тут еще Шевырев, такой молодой, свежий человек, принес нам свой тонкий и умный критический анализ чужих литератур, начиная с древнейших до новейших западных литератур...

С меньшей симпатией или, говоря правду, вовсе без симпатии относились мы к профессору русской литературы, хотя в своем роде знаменитому, — И.И. Давыдову. М.П. Погодин читал нам всеобщую историю и статистику, и то под конец, на третьем курсе»⁴⁶.

Как-то на лекции Давыдова, которую он читал для 2-го и 3-го курсов в большой словесной аудитории, — это было 27 сентября — зашел министр просвещения С.С. Уваров вместе с Александром Пушкиным. Иван Александрович однажды, мельком, в церкви на обедне, видел автора «Евгения Онегина», «Полтавы» и других шедевров, и вдруг, — с благоговением вспоминает он, — «этот гений, эта слава и гордость России — передо мной в пяти шагах».

Профессор Давыдов в это время, оканчивая лекцию, вел речь о «Слове о полку Игореве». Оказавшийся рядом Каченовский, не признававший подлинности «Слова о полку Игореве», стал горячо спорить с Давыдовым. «Подойдите ближе, господа, — это для вас интересно», — пригласил нас Уваров, — писал в своих воспоминаниях Гончаров, — и мы тесной толпой, как стеной, окружили

⁴⁶ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7, с. 255.

Пушкина... Я не припомню подробностей их состязания, – помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса...».

А в конце этого же месяца московский цензор подписал разрешение на печатание очередного, 15-го номера журнала «Телескоп», издаваемого профессором Николаем Ивановичем Надеждиным. В этом номере были напечатаны две главы из романа французского писателя Эжена Сю «Атар-Гуль», переведенные 20-летним студентом Иваном Гончаровым. Правда, тогда об этом знал лишь профессор Надеждин и ближайшие друзья переводчика.

В основе выбранного для перевода эпизода для романа Э. Сю – остросюжетная коллизия: добрый по отношению к аборигенам колонист-рабовладелец со своим семейством и секта отравителей, состоящая из негров-мстителей; невинная девушка-европейка – и «дикий» герой, приносящий ее в жертву, повинуюсь зову крови своего убитого белыми отца. По мнению специалистов, перевод Гончарова отличается большой точностью⁴⁷.

А вот учебные успехи Ивана Гончарова на 2-м курсе оценивались преподавателями довольно скромно: М. Каченовский выставил по российской и всеобщей истории за первый семестр единицы, а за второй – двойки. Профессор С.М. Ивашевский оценил познания по греческому единичей, профессор Кистер, читавший историю немецкой литера-

⁴⁷ Гончаров И.А. Полн. собр. соч. в 20 томах. Т. 1. – СПб., 1997, с. 824.

туры, выставил в табеле двойку. По остальным трем предметам успехи оказались гораздо лучше: профессор И.И. Снегирев, преподававший курс «латинской словесности и древностей», поставил твердую тройку, профессор Декамп по истории французской литературы – тоже, а Н.И. Надеждин познания в теории изящных искусств и археологии оценил тройкой и четверкой. Но гораздо больших успехов Иван Гончаров достигал в самообразовании, нежели в академической учебе. «Мы в нашей группе товарищей, – вспоминал он полвека спустя, – читали все, что попадалось под руку... Приходилось, что называется, из кожи лезть, знакомиться с теми, у кого были запасы книг на дому, или сообщая, вскладчину, покупать новые издания».

В добывании книг, а затем и приобщении Ивана Александровича к театральной жизни Москвы важную роль сыграл Федор Алексеевич Кони, который студентом уже стал автором водевилей, пользовавшихся успехом у публики. Это он ввел Гончарова и в литературный салон популярной актрисы Малого театра Марии Дмитриевны Львовой-Синецкой. Это знакомство, в свою очередь, укрепило любовь Гончарова к театру вообще и к игре великого П.С. Мочалова в частности⁴⁸.

На третьем курсе успеваемость Ивана Александровича оказалась более высокой, нежели на втором: двойки он получил по греческой словесности и древностям да у М. Погодина, читавшего россий-

⁴⁸ Русская старина, 1911, с. 35.

скую историю по Карамзину⁴⁹. Зато С. Шевырев и даже М. Каченовский оценили его познания высшими баллами.

Всего по результатам девяти экзаменов Иван Гончаров набрал 28 баллов. Если сравнить с Е. Барышевым, который имел 27 баллов, то его результат выше, а вот их общий товарищ М. Турунов удостоился 34 баллов. Вместе с тем 28 баллов давали право Ивану Александровичу на получение первой ученой степени – «действительного студента отделения словесных наук». Для кандидатской же степени надо было еще представить диссертацию и сдать специальные экзамены. Но в тогдашней России степень кандидата наук не гарантировала даже должности старшего преподавателя гимназии. Да учительская служба и не привлекала Ивана Александровича, ибо она предусматривала преподавание не только русского языка и словесности, но и древних языков. А главное, он уже был увлечен литературным творчеством и мечтал, чтобы оно стало главным делом его жизни. А пока он решил на несколько месяцев отправиться в родной Симбирск, до получения из Москвы аттестата об окончании университета.

⁴⁹ Шевырев С. История Императорского Московского университета. – М., 1855, с. 545.

Глава 5

«ПОДСТАВНОЙ» СЕКРЕТАРЬ

В известных воспоминаниях «На родине», написанных в 1887 году, Иван Александрович подробно рассказав, что он видел и наблюдал после окончания университета в родном Симбирске. В предисловии к этим воспоминаниям он подчеркнул, что это — не мемуары, где «требуется строгая фактическая правда», но и не плод только фантазии. Другими словами, все описываемое «не столько было, сколько бывало»⁵⁰.

С учетом этих оговорок исследователи по-разному рассматривают и так называемую «службу» будущего писателя в канцелярии симбирского губернатора. Читаем у А. Цейтлина: «Вскоре после своего приезда в Симбирск Гончаров поступил в канцелярию губернатора Загряжского (в воспоминаниях он назван Углицким). Служить Гончарову было необходимо: правительство с подозрением взидало на всякого, кто уклонялся от своего «долга»⁵¹. П.С. Бейсов думает иначе: «У нас нет определенных данных о причинах, побудивших Гончарова остаться на службе в родном городе. Однако несомненно, что здесь не последнюю роль играло желание «разогнать немного

⁵⁰ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. — М., 1952, с. 272.

⁵¹ Цейтлин А.Г. И.А. Гончаров. — М., 1950, с. 26.

тзму, стремление к живому делу»⁵². В.А. Котельников в книге «Иван Александрович Гончаров», вышедшей в 1993 году в издательстве «Просвещение», пишет: «Знакомство с губернатором А.М. Загряжским неожиданно переменило его положение: уже совсем было собравшись в Петербург, сделав прощальные визиты, Гончаров соглашается поступить на службу секретарем губернской канцелярии и остается в городе»⁵³.

В действительности картина выглядела иначе. По окончании в июне 1834-го университетской учебы Иван Александрович вернулся на родину, впервые за 12 лет(!) не на месячные каникулы, а надолго, – ведь аттестат об окончании университета ему выдадут только после того, как Правительствующий Сенат исключит его «из купеческого звания», а эта процедура длилась по полгода, а то и больше. А без аттестата о высшем образовании он не мог поступить на государственную службу. Поэтому Иван Александрович рассматривал летние месяцы пребывания на родине как время настоящего отдыха, который он проведет в кругу любимых родных, на лоне прекрасной волжской природы. Однако Николай Николаевич Трегубов (в воспоминаниях он выведен под фамилией Якубов), под влиянием своих понятий о приличиях, настоял на том, чтобы его крестник представился «губернатору, архиерею и всем губернским властям, и вообще людям с чином, с весом в губер-

⁵² Бейсов П.С. Гончаров и родной край. – Куйбышев, 1960, с. 32.

⁵³ Котельников В.А. Гончаров. – М., 1993, с. 26.

нии». Так, выполняя желание дорогого старика, Иван Александрович оказался в кабинете губернатора Загряжского, который не преминул познакомиться с его и со своей супругой, а та, осмотрев его с головы до ног, бесцеремонно заметила вслух на французском: «Этот господин очень представительен». Затем обратилась к Гончарову: «А вы, когда начнутся вечера, будьте нашим гостем. Вы танцуете, и верно хорошо?» И в ответ слышала: «Большой охотник! В Москве на вечерах я всегда начинал мазурку». Тогда губернаторша позвала 15-летнюю дочь Лизу и заявила ей: «Вот у нас еще танцор: он будет твоим кавалером на наших вечерах, вместо неуклюжего Миши Лопарева...» Припомнив этот эпизод, писатель продолжал: «Еще до наступления зимы я успел перезнакомиться со всеми губернскими властями, председателями, советниками палат, членами разных правлений и многими приехавшими на житье в город помещиками»⁵⁴.

Словом, жизнь в Симбирске была приятной во всех отношениях. Летом Иван Александрович, по его словам, излазил «по всем обрывам крутого нагорного берега, купался, отправлялся со своим целым домом на зеленый остров, пить, между сеном и осокой, чай, иногда обедать, удить рыбу», и даже пострелять из ружья пернатую дичь. Успел также «перезнакомиться со всеми, у кого были библиотеки, за неимением публичной, читал все, что выписывал Якубов...»

⁵⁴ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7, с. 299.

С наступлением зимы он – желанный гость на званых вечерах, где с успехом танцует с дочкой губернатора и другими девицами. Но наступил день, когда Иван Александрович решил завершать свой затянувшийся отпуск и стал готовиться к отъезду в Петербург. Следуя традиции, он запасся рекомендательным письмом от управляющего удельной конторой Андрея Васильевича Бестужева, давнего знакомого своего крестного, к влиятельному чиновнику Департамента уделов. Пока он собирался и делал прощальные визиты, губернатор прислал просить его к себе. Встретил он любезно, а затем, усадив рядом с собой на диван, мастерски рассказал о процветании взяточничества среди чиновников и неожиданно предложил стать его секретарем, невзирая на ссылки Ивана Александровича на свою неопытность и отсутствие университетского аттестата. «Так вот что мы делаем, – горячо перебил Углицкий, – вы вступите в отправление должности с завтрашнего же дня, а когда получите аттестат, мы вас утвердим с этого числа».

Итак, нежданно-негаданно, на другой день Гончаров вступил «на службу» в губернаторскую канцелярию. «Родным моим, – вспоминал он, – очень улыбалось удержать меня дома: мать мечтала со временем женить меня и нянчить внучат; сестра приобретала домашнего кавалера для вечеров; слуги радовались, сами не знали чему. Особенно няня утешалась, что я не пропаду с глаз навсегда, и смотрела на меня кротко и любовно».

При появлении Ивана Александровича в канцелярии, находившейся в губернаторском особняке, «предместник» его Добышев представил по очереди всех чиновников: столоначальника Труссецкого, Милиановича и даже сторожа Чубука. Как же проходили его деловые часы? Читаем в воспоминаниях писателя: «Утром едешь в канцелярию, прочитаешь присланную сверху, то есть от губернатора, почту, потом «исполняешь» бумаги «к подписанию его превосходительства». С этими последними, часов в 12, являешься к нему наверх, в кабинет». А там Добышев заканчивает свой доклад, в котором говорилось о постройках, заготовках, подрядах, но, по словам Ивана Александровича, он в эти дела «не вникал вовсе», как и не знал об «особых бумагах», которые Добышев показывал только губернатору. «Что это у вас, бумаги? – спросит, поздоровавшись с Гончаровым, Углицкий. – Есть что-нибудь важное? – И, не дождавшись ответа, велит обыкновенно положить на бюро. – Мы уже с Егорьевым (домашним чиновником) разберем: я подпишу и пришлю в канцелярию. А теперь давайте завтракать». Услышав отказ, губернатор предлагает: «А теперь вы пройдите туда, к жене, или с Сонечкой поговорите. Выберите ей что-нибудь, пожалуйста, по-русски читать: она любит. А я еще слова два скажу Ивану Ивановичу и потом приду». Они остались вдвоем, как это часто случается, совещались о чем-то друг с другом, но меня в эти совещания не посвящали, а я и не напрашивался»⁵⁵.

⁵⁵ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7, с. 299.

Во время зимнего сезона Ивану Александровичу, как и другим молодым людям, пришлось бывать на многочисленных балах, где иногда приходилось танцевать и с губернаторшей, Марьей Андреевной. «Как я был подставной секретарь у ее мужа, – говорилось в воспоминаниях Гончарова, – так, если не был, то числился ее кавалером... Мне доставалась эта честь иногда на вечерах у нее самой, когда, уступая арену гостям, она сама оставалась без кавалера.

...Но вот зимний сезон кончился, прошел и великий пост. Из города стали разъезжаться, и к празднику оставались почти одни только служащие, купцы и другие постоянные городские жители. Я с тоской, чуть не с ужасом, ждал наступления лета и, наконец, стал намекать губернатору, что мне нужно съездить в Москву, за аттестатом, и, кстати, повидаться с братом (Николаем. – **Ж.Т.**) и воротиться вместе с ним. Губернатор удерживал, говорил, что хотел сам проситься в отпуск, обещал взять меня с собой»⁵⁶.

Но неожиданно для всех стало известно, что губернатор причисляется к министерству внутренних дел. Загряжский расценил этот перевод в Петербург как следствие интриг жандармского штаб-офицера... И предложил Гончарову ехать вместе с ним в столицу. Такое же предложение губернатор сделал и своему чиновнику по особым поручениям Андрею Петровичу Пряхину.

Таким в моем архикратком пересказе очерка Гончарова «На родине» выглядит его пребывание

⁵⁶ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7, с. 331.

в Симбирске после окончания Московского университета, а главное, – его «служба» у губернатора. Для краеведов и исследователей научной биографии Ивана Александровича очень важно, что на самом деле «было», а что, говоря словами писателя, «бывало», то есть представлено им в очерке в беллетризованном виде. Так как одним из главных героев воспоминаний является А.М. Загряжский, то в документальном очерке «Губернатор Загряжский» (Ульяновская правда, 1993, 20 февраля) я показал недостоверность утверждений бывшего симбирского жандармского штаб-офицера Э.И. Стогова об обстоятельствах, при которых состоялось назначение Николаем I Загряжского начальником Симбирской губернии, а также баек о его проделках при ухаживании за дочерью Баратаева и т.п. Замечу также, что писатель при рассказе о своем общении с губернатором называет его «превосходительством», но тот в 1835 году был еще статским советником и его титуловали «высокоблагородием».

Иван Александрович, воссоздавая детали своей «службы» у губернатора, изменил фамилии всех чиновников. Но, кроме того, в его памяти не сохранилось, какой была структура губернской администрации, и если бы Гончарова действительно назначили секретарем канцелярии, то к нему при знакомстве с чиновниками не явился бы «столоничальник Трусецкий», ибо такой должности не было в губернской администрации. В этом легко убедиться, когда познакомимся со штатом Симбирской губернии на 1834 год: гражданский губер-

натор – статский советник Александр Михайлович Загряжский, кавалер орденов св. Анны III и IV степени и прусского Железного креста, медалей 1812 и 1814 годов. «При нем: секретарь, титулярный советник Александр Александрович Раев. Чиновники по особым поручениям: коллежский асессор Петр Александрович Потехин и губернский секретарь князь Юрий Сергеевич Хованский»⁵⁷.

Как видим, у «подставного» секретаря могли быть только два чиновника по особым поручениям, и уж они-то отнюдь «почтительно» не «щелкали ногу об ногу» и не смотрели с любопытством на 22-летнего Ивана Гончарова, который и приказом не был введен в штат канцелярии. Ведь князь Юрий Хованский, женатый на дочке суворовского ветерана генерал-майора П.Н. Ивашева, сестре декабриста Василия Ивашева, принадлежал к древнему дворянскому роду, являлся воспитанником Царскосельского лицея, другом М.И. Глинки, одним из инициаторов создания в Симбирске памятника Н.М. Карамзину и Карамзинской общественной библиотеки, владельцем имения в селе Архангельском, где продолжал действовать пансион священника Ф.С. Троицкого – тот самый, в котором учился в свое время Ванюша Гончаров... Словом, Юрий Хованский являлся деятелем, который, во-первых, по возрасту был на шесть лет старше будущего писателя, а, во-вторых, высоко-

⁵⁷ Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1834 год. Часть вторая. – СПб., 1833, с. 240.

образованным и честным чиновником, который, конечно же, взятки не брал, ни перед кем не подхалимничал и пользовался огромным авторитетом в семьях Ивашевых, Языковых, Ознобишиных, Столыпиных.

Наряду с губернской канцелярией действовало «губернское правление», в штат которого входили советники – титулярный советник Яким Сергеевич Светухин (кавалер ордена св. Анны III степени и знака за «15 лет беспорочной службы»), Иван Афанасьевич Виноградов и Иван Андреевич Симбирский. В штате также состояли ассессор титулярный советник Николай Александрович Львов (он же член губернской строительной комиссии) и секретари: коллежский регистратор Петр Яковлевич Крестовский и Петр Васильевич Татаринов. Далее в штате значились: губернский прокурор надворный советник Александр Емельянович Заварицкий, стряпчие уголовных дел титулярный советник Алексей Сергеевич Турчанинов и казенных дел титулярный советник Аполлон Васильевич Ардатовский. В губернское правление входили также землемер коллежский ассессор Петр Александрович Воейков, а также землемер при чертежной титулярный советник Сергей Ефимович Прокофьев. Последним значился губернский архитектор, в чине 10 класса, Иван Николаевич Лизогуб, вошедший в историю Симбирска как автор первого проекта памятника Н.М. Карамзину, городской больницы (ныне это восточный корпус областной клинической больницы № 1) и руководитель строительства Гостиного

двора (на этом месте ныне находится Центральный универмаг)⁵⁸.

Вполне вероятно, что с этими чиновниками «подставной» секретарь Гончаров мог общаться по делам службы. Но в воспоминаниях «На родине» писатель говорит, что он перезнакомился со всеми председателями и советниками палат. Поэтому уместно назвать хотя бы наиболее заметных из них. Председателем казенной палаты, являвшимся одновременно вице-губернатором, был статский советник Иван Дмитриевич Огнев. Видным чиновником палаты являлся губернский контролер Петр Сергеевич Пазухин, один из инициаторов проведения подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. Ассессором при палате значился титулярный советник Михаил Максимович Кирмалов, 42-летний капитан в отставке, муж 20-летней сестры Ивана Гончарова Александры, отец его крестника. Наверное, в это время, живя в одном доме, они сблизились настолько, что перешли на ты.

Уголовную палату возглавлял статский советник Ефим Федорович Андреев, с легендарной биографией, ибо состоял на государственной службе уже 60 лет! Начал он службу в Московском гусарском батальоне, не раз участвовал в боевых кампаниях и вышел в отставку в 1801 году. В Симбирске Ефим Федорович пользовался таким авторитетом, что однажды на время замещал

⁵⁸ См. мой очерк «Архитектор Лизогуб» (Ульяновская правда, 2001, 30 июня).

губернатора. Забегая вперед, замечу, что с его сыном Николаем охотно будет общаться Н.Г. Чернышевский, а внук, Василий Андреевич Андреев-Бурлак, стал гениальным актером и талантливым писателем⁵⁹.

Председателем гражданской палаты был коллежский советник Александр Ильич Татаринov — известный и уважаемый деятель. С ним поддерживал тесные связи Александр Иванович Тургенев, охотно встречался поэт Николай Языков. А в числе заседателей палаты значился титулярный советник Константин Иванович Коренев, который занимался и поэтической деятельностью. После переезда в Петербург он опубликует в «Отечественных записках» 1844 года стихотворение «Воспоминание», начинающееся знакомыми для многих из нас строками:

*Я не забыл тебя, далекий,
Но сердцу близкий городок,
И Волги берег твой высокий,
И тротуары из досок...*⁶⁰

На глазах Ивана Гончарова проходили в декабре 1834-го дворянские выборы, во время которых и был главный сезон званых обедов и балов. Самой колоритной фигурой этих собраний был губернский предводитель дворянства князь Михаил

⁵⁹ Трофимов Ж. В.Н. Андреев-Бурлак: память и наследие. — Ульяновск, 1995, с. 17.

⁶⁰ Трофимов Ж. Симбирск и симбиряне. — Ульяновск, 1997, с. 187.

Петрович Баратаев. Этому активному участнику Отечественной войны (его упоминал в своих «Записках» Денис Давыдов), европейски известному нумизмату, главе местной масонской ложи Иван Александрович уделил в своих воспоминаниях несколько страниц, правда, изменив его фамилию на «Бравин». Среди депутатов дворянского собрания от Сызранского уезда обращал на себя внимание отставной штаб-ротмистр Петр Александрович Бестужев, сосед Дениса Давыдова по имению, муж сестры поэта Николая Языкова, один из инициаторов создания памятника Н.М. Карамзину и Карамзинской общественной библиотеки. Просвещенной личностью был и предводитель дворянства Симбирского уезда отставной флотский капитан Гавриил Иванович Нейков, тоже принимавший всемерное участие в увековечении памяти историографа государства Российского на его родине⁶¹.

В тогдашнем Симбирске находилось довольно много лиц военного ведомства. Достаточно сказать, что в батальоне военных кантонистов имелось 1200 воспитанников. Кроме того, в городе находилось военно-сиротское отделение, инвалидная и жандармская команды, комиссия военного суда и комиссариатская комиссия. Если учесть, что тогда население Симбирска составляло немногим более 13 тысяч человек, то нетрудно представить, насколько значительной была военная

⁶¹ Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1834 год. Ч. 2. — СПб., 1833, с. 242.

прослойка в городе. В числе офицеров, посещавших зимой балы, Иван Гончаров мог встречать 28-летнего поручика Дмитрия Ивановича Минаева (будущего переводчика «Слова о полку Игореве») с красавицей-женой Елизаветой Ивахниевной, которая в ноябре 1835 года подарит мужу сына Дмитрия, будущего известного поэта-сатирика.

Иван Александрович был свидетелем завершения строительства Гостиного двора (он был виден из окон губернаторского особняка). На Соборной площади, хотя и медленно, продолжалось сооружение кафедрального Троицкого собора в память победы в Отечественной войне 1812 года. С 1829 года в Симбирске действовал один из трех в России заводов сельскохозяйственных машин купца Андреева. Сборная ярмарка, проходившая во время великого поста, стала одной из крупнейших в Поволжье. Происходили сдвиги в лучшую сторону в образовании. В 1834 году в Симбирске были открыты уездное училище, а также пансион при мужской гимназии. С легкой руки известного геолога и горного инженера Петра Михайловича Языкова, брата знаменитого поэта, началась работа по созданию губернского музеума. В губернскую канцелярию стали поступать из министерств и Академии наук издания для публичной библиотеки.

Как и в былые годы, Иван Александрович с наслаждением любовался с Венца могучей матушкой Волгой, несущей парусные суда, баржи с дровами, плоты. Но по всему было видно, что на смену тягловой силе бурлаков идут пароходы, которых с каждым годом становилось все больше.

Из расписания «о днях прихода и отхода почты», которое имелось и в губернаторской канцелярии, были точно известны дни и часы работы «обыкновенной», «Оренбургской тяжелой», «Сибирской легкой» и «Оренбургской экстренной» почт. Письма и посылки, газеты и журналы поступали в Симбирск строго по расписанию. Так что Иван Александрович имел возможность оперативно следить за литературной жизнью обеих столиц и не чувствовать себя как в какой-то дикой глуши.

Но, как указывалось выше, сразу же после исключения Гончарова Правительствующим Сенатом из «купеческого звания» и получения им из Московского университета аттестата Иван Александрович едет в Петербург в компании с бывшим губернатором Загряжским и его семьей.

Роль «подставного» секретаря, которую будущий великий писатель исполнял безвозмездно, еще не являлась государственной службой, а лишь подготовкой к ней. И, судя по воспоминаниям самого Ивана Александровича, он и полвека спустя не слишком сожалел об этой деятельности. Кроме того, он, уже начинающий литератор, впервые в жизни так близко и глубоко познакомился с губернской административной машиной, жизнью обитателей губернского центра и наиболее заметными деятелями из флотских и армейских офицеров, помещичьей аристократии. Здесь, в Симбирске, значительно пополнилась гончаровская «копилка» человеческих черт и характеров, намечались образы будущих героев «Обыкновенной истории» и «Обломова».

Глава 6

ПЕРЕВОДЧИК СТАНОВИТСЯ ПИСАТЕЛЕМ

В известной статье «Лучше поздно, чем никогда», Иван Александрович подтвердил предположения некоторых критиков, что в романе «Обыкновенная история» он имел в виду себя и себе подобных, «учившихся дома или в университете, живших по затишьям, под крылом добрых матерей, и потом — отрывавшихся от неги, от домашнего очага, со слезами, с проводами (как в первых главах «Обыкновенной истории») и являвшихся на главную арену деятельности, в Петербург»⁶².

А кто именно помог 23-летнему «действительному студенту», да еще выходцу из «купеческого звания», не очень-то почитаемого в чиновном Петербурге сословия, поступить в мае 1835 года на первую ступеньку государственной службы? Сам писатель в очерке «На родине» вскользь сказал, что рекомендательное письмо в Департамент уделов (личных имений царской семьи) ему дал управляющий Симбирской удельной конторой (одной из крупнейших в России) Андрей Васильевич Бестужев. Но в это престижное ведомство Гончаров не поступил, а, согласно личному прошению, 18 мая был определен приказом директора

⁶² Гончаров И.А. Литературная критика. Письма. Воспоминания современников. — М., 1986, с. 298.

Департамента внешней торговли Министерства финансов в число «канцелярских чиновников сего Департамента... на средний оклад жалованья»⁶³.

В журнале «Новое время» в 1891 году указывалось, что Гончаров попал на эту службу «благодаря вице-директору Департамента, поэту и другу Пушкина, князю П.А. Вяземскому». Но учитывая, что определение на службу произошло в считанные дни после приезда в столицу Ивана Александровича вместе с отозванным в МВД из Симбирска губернатором А.М. Загряжским, логично допустить, что этот сановник способствовал своему «подставному» секретарю в устройстве на службу. Да и в очерке «На родине» Гончаров говорит, что он обещал симбирскому губернатору помощь своим «пером» и в Петербурге, что отношения между ними поддерживались и годы спустя.

Так или иначе, а служба Ивана Александровича в столице началась, можно сказать, на редкость удачно. Вот как он рассказывал об этом другу-сенатору А.Ф. Кони: «Я был маленьким чиновником – «переводчиком» при министерстве финансов. Работы было немного, и я для себя, без всяких целей, писал, сочинял, переводил, изучал поэтов и эстетиков... Но над всем господствовал Пушкин. И в моей скромной чиновничьей комнате, на полочке, на первом месте стояли его сочинения, где все было изучено, где всякая строчка была прочувствована, продумана... И вдруг при-

⁶³ Утевский Л.С. Жизнь Гончарова. Воспоминания. Письма. Дневники. – М., 2000, с. 43.

шли и сказали, что он убит, что его более нет... Это было в департаменте. Я вышел в коридор и горько-горько, не владея собою, отвернувшись к стенке и закрывая лицо руками, заплакал... Тоска ножом резала сердце, и слезы лились в то время, когда все еще не хотелось верить, что его уже нет, что Пушкина нет... И я плакал горько и неутешно, как плачут по получении известия о смерти любимой женщины... Нет, это неверно – о смерти матери»⁶⁴.

В самом начале службы Ивану Александровичу повезло, ибо правителем канцелярии Департамента оказался Владимир Андреевич Солоницын, являвшийся в то время помощником редактора-издателя «Библиотеки для чтения» О.И. Сенковского. Будучи человеком опытным, он сразу же оценил переводы Гончарова – в них явно просматривались незаурядные литературные способности. А коль так, то Солоницын счел долгом ввести нового молодого сотрудника в семейство живописца Николая Аполлоновича Майкова.

Вот как отзывался об этом семействе литератор А.В. Старчевский: «Это было во всех отношениях прекрасное и образцовое семейство... Семейство Майковых состояло из шести членов, но, начиная с обеда до поздней ночи, там почти ежедневно собиралось порядочное общество. Глава семейства Николай Аполлонович Майков был женат на дочери московского золотопромышленника Гу-

⁶⁴ Утевский Л.С. Жизнь Гончарова. Воспоминания. Письма. Дневники. – М., 2000, с. 44.

сятникова, Евгении Петровне. Еще в Москве Н.А. Майков стал заниматься живописью, как любитель-самоучка. В Петербурге он посвятил себя ей вполне... Старший сын, Аполлон Николаевич, рано обнаружил поэтический талант, который доставил ему известность впоследствии. Второй сын, Валериан, был наделен большими публицистическими способностями... Третий сын, так называемый старичок, по своему тихому и спокойному нраву, – Владимир Николаевич, менее даровитый, был тогда еще гимназистом. Леонид Николаевич (впоследствии известный историк литературы. – *Ж.Т.*), был тогда ребенком».

В литературный салон Н.А. Майкова Гончаров поначалу вошел как учитель его сыновей Аполлона и Валериана – преподавал им латинский язык, риторику и пиитику, а из словесности – знакомил их с Ломоносовым, Державиным, Озеровым и другими классиками. Но очень скоро молодой учитель вообще стал своим человеком в доме и принимал участие во внеучебных занятиях, в частности, в издании рукописных журналов. По воспоминаниям самого Ивана Александровича, он «перевел и переделал с иностранных языков несколько разного содержания статей и поместил в журналах без подписи имени», а также несколько повестей «шуточного содержания». Кроме Солоницына, Гончарова и молодых Майковых, в рукописном журнале «Подснежник» участвовали поэты В.Г. Бенедиктов и И.П. Бороздна, а также основатель «Отечественных записок» П.П. Свиньин. В 1839 году взамен «Подснежника» стал вы-

пускаться рукописный альманах «Лунные ночи», в котором был помещен рассказ Ивана Александровича «Счастливая ошибка».

Однако из этих и других проб пера только очерк «Иван Савич Поджабрин», написанный в 1842-м, увидит свет, но шестью годами позже. А роман «Старики», над которым шла работа с 1843 года, Гончаров (несмотря на уверения Солоницына, что в этом произведении обнаруживается «прекрасный талант») так и не решился отдать в печать. Как мне представляется, к 1843 году относится и фельетон «Письма столичного друга к провинциальному жениху», появившиеся в 1848 году за подписью «А. Чельский» в №№ 11-12 журнала «Современник».

В 1-м томе 20-томного академического полного собрания сочинений И.А. Гончарова, подготовленного научными сотрудниками Пушкинского дома (ИРЛИ РАН), в комментариях к этому фельетону подчеркивается, что Иван Александрович и ранее сотрудничал с редакцией «Современника»: в № 5 за 1847 год напечатана его рецензия на книгу Д.И. Соколова «Светский человек, или Руководство к изданию правил общежития». Исследователь напоминает, что форма «переписки между петербуржцем и провинциалом» использовалась еще Ф.В. Булгариным для фельетонов «Северной пчелы». А в «Современнике» подобные фельетоны помещали И.И. Панаев и А.И. Кроненберг, и они, мол, и оказали своими фельетонами влияние «на текст Гончарова «Письма столичного друга к провинциальному жениху», а сме-

хотворно-серьезный, псевдопоучительный тон Чельского – во многом, несомненно, та же пародия «на резонерствующие фельетоны других авторов»⁶⁵.

Профессор В.И. Мельник полагает, что в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» Гончаров «пытается открыто решать те проблемы, которые остались в подтексте его первого романа «Обыкновенная история», что в этих «Письмах» Иван Александрович излагает «этический, нравственный идеал» современного ему цивилизованного человека⁶⁶. Конечно, с помощью обрисовки двух условно-негативных типов («франт», «лев») и двух условно-позитивных («человек хорошего тона», «порядочный человек») Гончаров выносит на суд читателей и свой «нравственно-этический идеал».

Однако еще в 1940-х годах Ю.Г. Оксман не исключал и «биографического» оттенка «Писем столичного друга...», полагая, что в них прослеживаются отдельные мотивы будущего «Обломова»: «неопрятный вид и халат». «Образ провинциального жениха, – говорит исследователь 1990-х годов, – поразительно близок к образу Леонтия Козлова в «Обрыве», что объясняется, по мнению Оксмана, их общим прототипом...». И в сноске к этому мнению указывает: «Это старший брат писателя – Николай Александрович Гончаров,

⁶⁵ Гончаров И.А. Полн. собр. соч. в 20 томах. Т. 1. – СПб., 1997, с. 787.

⁶⁶ Гончаров И.А. Полн. собр. соч. в 20 томах. Т. 1. – СПб., 1997, с. 788.

который, по воспоминаниям сына, «имел вид чисто провинциального чиновника, невысокого роста, рано обрюзгший, мало занимающийся собой»⁶⁷.

Эти и подобного рода утверждения, будто бы старший брат романиста «поразительно близок к образу Леонтия Козлова» — не выдерживают критики. Но тем не менее Николая Александровича Гончарова можно рассматривать как «провинциального жениха». Он действительно в 1843 году готовился к бракосочетанию с Елизаветой Карловной Рудольф, дочерью врача — участника Отечественной войны 1812 года, миловидной, образованной и начитанной девушкой. Семьи Гончаровых и Рудольф проживали в Симбирске по соседству, и Иван Александрович знал, что невеста брата интеллигентна, с тонким вкусом, с любовью ко всему изящному, и искренне, по-дружески советовал ему выглядеть внешне привлекательным, и обстановку в квартире благоустроить в соответствии со вкусами передовой интеллигенции и т.п. Так что изложенные в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» советы о том, какой сервиз или карету следует приобретать в Петербурге, — это, наверное, реальные советы, которые Иван Александрович давал брату в 1843 году. В подтверждение своего мнения приведу текст объявления, напечатанного в «Симбирских губернских ведомостях» 15 апреля 1850 года: «Продается двухместная петербургской ра-

⁶⁷ Гончаров И.А. Полн. собр. соч. в 20 томах. Т. 1, с. 792.

боты карета с дорожным, если понадобится, набором. Видеть ее и о цене оной узнать можно в доме гимназии, в квартире Н.А. Гончарова». Как видим, брат внял совету писателя и приобрел в начале своей семейной жизни карету петербургского мастера. Более обстоятельный разговор о предыстории создания Иваном Александровичем «Писем столичного друга к провинциальному жениху» еще предстоит впереди.

Роман «Обыкновенная история» был задуман в 1844 году, писался в 1845-м, а в 1846-м, по словам автора, ему осталось завершить несколько глав. Но прежде чем отдать роман в печать, Иван Александрович решил прочитать его в доме Майковых и выслушать замечания именно молодого, чуткого, откровенного и не стесняющегося сказать правду в глаза поколения. Чтение это, по свидетельству А.В. Старчевского, продолжалось несколько вечеров сряду и произвело хорошее впечатление⁶⁸. Разумеется, писатель внимательно слушал замечания и предложения и вносил необходимую правку. А в один из вечеров передал Михаилу Александровичу Языкову, близкому другу «неистового Виссариона» рукопись «Обыкновенной истории». Языков, не будучи писателем, прочел и чуть ли не через год(!) сказал Некрасову: «Кажется, плоховато, не стоит печатать». Зато Николай Александрович, прочтя несколько страниц из рукописи, сразу заметил, что это — произведение, выходящее из ряда обыкновенных, и передал ее Белинскому, а тот попросил автора,

⁶⁸ Исторический вестник. 1886, № 2, с. 377.

чтобы он прочел сам вслух. Писатель И.И. Панаев, вспоминая об этих чтениях, писал: «Белинский все с более и более возрастающим участием и любопытством слушал чтение Гончарова и по временам привскакивал на своем стуле, со сверкающими глазами в тех местах, которые ему особенно нравились. В минуты роздыхов всякий раз обращался смеясь к Языкову и говорил: Ну, что, Языков, ведь плохое произведение – не стоит печатать?..»⁶⁹.

Трудно даже представить, как переживал Иван Александрович в тот год, когда рукопись романа лежала у Языкова... И радость, когда в февральской книжке «Современника» за 1847 год появилась «Обыкновенная история». А как только закончилась необыкновенная история продвижения рукописи романа и читатель познакомился с ним в журнале, то автор сразу же был причислен некоторыми критиками к когорте замечательных писателей России. «Повесть Гончарова произвела в Питере фурор, – сообщал 17 марта Белинский В. Боткину, – успех неслыханный!.. А какую пользу принесет она обществу! Какой она страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму!»⁷⁰

Даже гончаровские стихи, некогда появлявшиеся в рукописном майковском «Подснежнике», а теперь намеренно ухудшенные Гончаровым и

⁶⁹ Панаев И.И. Литературные воспоминания. – Л., 1928, с. 502.

⁷⁰ Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 томах. Т. 9. – М., 1982, с. 634.

помещенные им в «Обыкновенную историю» как творения молодого Александра Адуева, удостоились похвалы Белинского. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» великий критик заметил добродушно: «Стихи нашего романтика гладки, блестящи, не лишены даже поэтической обработки; хотя в них и довольно риторической водицы, однако в них местами проглядывает чувство, иногда даже блеснет мысль... — словом, заметно что-то вроде таланта». Александр Рыбасов прав, утверждая: «О, если бы знал тогда Белинский, что стихи Адуева были когда-то, в пору романтического увлечения стихотворством, поэтическими опытами самого автора «Обыкновенной истории»! Как бы он от души посмеялся вместе с Гончаровым над тем, что ими самими было пережито в прошлом и что они теперь так страстно и беспощадно преследовали и высмеивали в нравах и литературе».

Сам же Иван Александрович в статье «Лучше поздно, чем никогда», с присущим ему умением архилаконично изложить сущность романа, заявил: «Адуев кончил как большая часть тогда: послушался практической мудрости дяди, принялся работать в службе, писал и в журналах (но уже не стихами) и, пережив эпоху юношеских волнений, достиг положительных благ, как большинство, занял в службе прочное положение и выгодно женился, словом, обделал свои дела. В этом и заключается «Обыкновенная история»⁷¹.

⁷¹ Гончаров И.А. Очерки. Статьи. Письма. Воспоминания современников. — М., 1986, с. 302.

В оживленной полемике, которую вызвал роман 35-летнего Ивана Гончарова, преобладали высокие оценки его мастерства. Критик Аполлон Григорьев в отклике, появившемся в марте 1847-го в «Московском городском листке», назвал «Обыкновенную историю» лучшим произведением русской литературы, а «первый опыт молодого таланта» — достойным по простоте языка статья «после повестей Пушкина и почти наряду с «Героем нашего времени» Лермонтова». Зато критик болгаринской «Северной пчелы» Я. Бранд обвинил Гончарова в стремлении «опошлить всякое сердечное движение, всякий порыв чувств»⁷². Но Иван Александрович спокойно реагировал на нападки — он встречал их как нечто неизбежное и всегда был, как говорится, наготове ответить на адресуемые к нему вопросы, в том числе и из обыденной жизни. Показателен в этом отношении его ответ Ю.Д. Ефремовой в письме от 6 ноября 1847 года, когда он, отвергнув измышления о своей «бесчувственности», пишет: «Помилуйте, в Симбирске и холера и беспрестанные пожары, а там у меня самого живут мать, брат и две сестры: как не потревожиться?»⁷³.

Можно себе представить, как трудно переживал он горестное известие из Симбирска о смерти своего крестного, Николая Николаевича Трегубова, скончавшегося в апреле 1849 года на 78-м году

⁷² Рыбасов А. И. А. Гончаров. — М., 1957, с. 148.

⁷³ Гончаров И.А. Очерки. Статьи. Письма. Воспоминания современников. — М., 1986, с. 348.

жизни. И, не мешкая, стал готовиться к поездке на родину, которую оставил «действительным студентом», радовавшимся тогда, что по приезде в Петербург получил место чиновника-переводчика. А возвращался теперь к матери популярным автором «Обыкновенной истории» и только что напечатанного в некрасовском «Литературном сборнике с иллюстрациями» первого варианта «Сна Обломова».

Глава 7

ПОСЛЕ 14-ЛЕТНЕГО ОТСУТСТВИЯ

В 1849 году, когда я сам был на Волге — и хотя я там родился, но тут как будто в первый раз увидел этот край и людей.

Эту поездку на Волгу, в Симбирск, после 14-летнего отсутствия, Иван Александрович предпринял в начале июня. От Петербурга до Москвы двухдневное путешествие в просторном и уютном дилижансе оказалось даже приятным. В Белокаменной, где здравствовали двое-трое друзей еще по университетской скамье, писатель пробыл только неделю, ибо, по его словам, «все тянуло домой».

А вот от Москвы до Казани пришлось ехать пятеро суток в большом тарантасе по соседству с надоедливой и вздорной женщиной. От Казани до Симбирска он хотел плыть по Волге, да знатоки отсоветовали: если поднимется противный ветер, так и в две недели не сделать двухсот верст. «Нечего делать, — сообщал он в письме в Петербург Майковым, — я пустился один на тележке, на перекладных... Чашу дорожных страданий я выпил до дна, а наслаждений не испытал. Погибли навсегда для меня, как я вижу, поэзия тройки, ямщика, колокольчика и т.п.».

Рассказывая, какой радостной была встреча в Симбирске с родными, Иван Александрович описал, как они выглядели: «Маменька встретила

просто, без эффектов, так почти с немой радостью... Славная, чудесная женщина. Она постарела менее, нежели я ожидал... Сестра из 18-летней худенькой девушки, какой я ее оставил, превратилась в толстую, тридцатилетнюю барыню, но только милую, чудесную барыню; ни ум, ни понятия ее не заросли в глуши: по-прежнему бойкая, умная и насмешливая... У брата моего брюшко лезет на лоб, а на лице постоянно господствует выражение комической важности... Но как все это любит меня, как радуется моему приезду».

Неудивительно, что после долгого отсутствия писатель едва узнавал родной город. Внешний облик центральной части Симбирска действительно очень преобразился. И, во многом благодаря императору Николаю I, побывавшему здесь в августе 1836 года, – причем изменился к лучшему. Частные усадьбы, находившиеся западнее губернаторского особняка, были снесены. Зато к губернаторской резиденции был сделан пристрой («новый фас») в сторону Никольской церкви. Ветхий Дом городского магистрата, расположенный недалеко от дома Языковых на Спасской улице, был снесен, и на его месте воздвигнуто приличное каменное двухэтажное здание городского общества. А на возникшей новой площади в августе 1845 года был сооружен величественный памятник Н.М. Карамзину⁷⁴.

⁷⁴ Трофимов Ж. Симбирский памятник Н.М. Карамзину. Известное и неизвестное. – Ульяновск, 2006, с. 19-20.

Во исполнение царских повелений был благоустроен весь Венец — от здания присутственных мест до дома вице-губернатора (бывшего Карамзиных). Закончилась отделка Троицкого кафедрального собора, сооруженного в память победы России в Отечественной войне 1812 года. И, наконец-то, на месте каменных флигелей чертежной, типографии и архива, стоявших севернее губернаторского особняка, на Новом Венце, был воздвигнут изящный белокаменный Дом дворянского собрания, в левом нижнем крыле которого 18 апреля 1848 года была открыта Карамзинская общественная библиотека. А между парадным фасадом этой новостройки и Троицким собором был устроен «публичный сад» (будущий Николаевский сад). Отрадные преобразования произошли на Новом Венце: начались работы по устройству удобного спуска к Волге (будущего Петропавловского, ныне Степана Разина). А на южном окончании Большой Саратовской улицы, вблизи Бараньей слободки (ныне улица Минаева) кондитер А.М. Слепнев, при финансовой помощи полковника в отставке М.М. Наумова, возвел в 1845 году добротное деревянное здание театра. Если учесть, что подвергся реконструкции Гостиный двор, а через овраг речушки Симбирка шло возведение большой дамбы, значительно облегчавшей сообщение ярмарочной площади со всей территорией, где ежегодно проходила Сборная ярмарка, одна из крупнейших в Поволжье.

Так что романист был совершенно искренен, заявляя, что он как будто в первый раз увидел

родной ему город. Созвучно этому впечатлению и заявление, сделанное Иваном Александровичем в письме от 13 июля 1849 года петербургским друзьям Екатерине и Николаю Майковым в начале своего пребывания в Симбирске: «Был я здесь в клубе, который кроме Английского разве, лучше всех столичных. И помещение прекрасное, и люди порядочные. Первое лицо, которое попало мне, был Анненков. Мы обрадовались друг другу; на другой день он был у меня; ели стерляжью уху, осетрину. Зимой и осенью, говорят, здесь много порядочных людей собирается»⁷⁵.

Под «клубом» Гончаров подразумевал Дом дворянского собрания. А вот его описание, сделанное литератором-симбирянином в № 8 журнала «Москвитянин» за 1850 год: «Представьте себе беломраморную залу шириною в 6 сажен, вышиною в 4,5 и длиною в 12 сажен, исполненную в афинском вкусе, всю изукрашенную лепною работою самого высокого стиля и удивительной отчетливости, освещенную тысячами свечей в 5-ти огромных люстрах и 28-ми бра отличной работы... Зала соединяется шестью арками, против которых устроены портики с хорами, с пышною по убранству гостиною и аванзалом: первая для дам, вторая для любителей виста, и весьма часто для вечернего пиршества или ужина, на котором 250 человек могут свободно поместиться».

А вот какие впечатления остались у придворных сановников К. Победоносцева и И. Бакста,

⁷⁵ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8, с. 274.

сопровождавших путешествовавшего по Поволжью наследника престола: «Залом и убранством ее нельзя было не любоваться. Есть, без сомнения, в других городах более обширные и пышнее отделанные; но симбирская зала благородного собрания отличается изяществом постройки и пропорциональностью частей, которые не часто встречаются. Она вся белая; плафон отделан тоже белой лепною работой, нисколько не нарушающей общей простоты. Присмотревшись к физиономии многих других зал, — продолжали царедворцы, — мы были поражены видом этой, и всякий пожелал узнать имя ее строителя. Оказалось, что строитель ее архитектор Бенземан (Иван Адольфович. — **Ж.Т.**), тот же самый, что строил около Карамзинской площади недавно возобновленную церковь Николая Чудотворца, обратившую на себя внимание Великого князя при самом въезде в Симбирск оригинальностью и красотою рисунка. Зала, сама по себе изящная, была убрана с большим вкусом»⁷⁶.

Иван Александрович не уточнял, где именно он встретился с Анненковым, — в зале, к которой примыкали комнаты дворянского клуба с карточными и бильярдными столами, читальней и буфетом, или в Карамзинской общественной библиотеке, располагавшейся в комнатах первого этажа. Скорее всего они, любознательные литераторы и книголюбы, осмотрели все помещения Дома дво-

⁷⁶ Победоносцев К., Бакст И. Письма о путешествии. — М., 1964, с. 254.

рянского собрания. Очень важно, что Гончаров и Анненков — оба обрадовались этой неожиданной встрече. Ведь Павел Васильевич вслед за Белинским высоко оценил роман «Обыкновенная история». А вот повесть «Иван Савич Поджабрин», появившуюся в 1848 году в «Современнике», не одобрял и даже публично заявил, что «талант Гончарова клонится к упадку». Зато появление в некрасовском «Литературном сборнике» отрывка из романа «Сон Обломова» критик встретил благосклонно.

Что касается творчества Анненкова, особенно его «Провинциальных писем», написанных по материалам поездок по Поволжью и Прикамью, то Гончаров их читал с удовольствием. Ко времени встречи в Симбирске с Иваном Александровичем Анненков уже работал над подготовкой издания собрания сочинений Александра Пушкина, и этот важный труд получил горячее одобрение Гончарова. Можно себе представить, какой многогранной была беседа Анненкова с Иваном и Николаем Гончаровыми во время званого обеда в их отчем доме. Уместно припомнить что с образованием российского Литературного фонда, где Анненков исполнял секретарские функции, оба брата Гончарова станут его членами.

Иван Александрович, говоря в письме к Майковым о посещении симбирского клуба, подчеркнул, что здесь бывают и «люди порядочные». Что это за люди? П.С. Бейсов вполне резонно причисляет к ним Н.П. Огарева, который в это время внедрял на Тальской писчебумажной фабрике

реформы, улучшающие положение крестьян и облегчающие их труд. А Павел Васильевич в своих воспоминаниях говорит о дружеском общении с Григорием Михайловичем Толстым, троюродным братом декабриста В.П. Ивашева, знакомым Н.В. Гоголя, Н.М. Языкова, С.Т. Аксакова, В.А. Соллогуба, а также К. Маркса и Ф. Энгельса, М. Бакунина, одним из инициаторов увековечения памяти Н.М. Карамзина в Симбирске. К числу очень порядочных знакомых Анненкова в Симбирске принадлежал Александр Николаевич Татариннов — друг поэта Н.М. Языкова, твердый противник крепостничества, инициатор сооружения памятника Н.М. Карамзину и Карамзинской общественной библиотеки. В эту же когорту передовых симбирян входили братья Петр и Александр Языковы, поэт Дмитрий Петрович Ознобишин, губернский предводитель дворянства Николай Тимофеевич Аксаков, ученый-землемер и краевед Александр Павлович Яровой, чиновник по особым поручениям симбирского губернатора, питомец юридического факультета Михаил Николаевич Островский, младший брат знаменитого драматурга. К числу просвещенных симбирян 1849 года принадлежал и Петр Михайлович Грибовский — известный либерал.

Упомянул Иван Александрович в этом же письме к Майковым и о новехоньком храме Мельпомены: «Был в здешнем театре: это «было бы смешно, если бы не было очень скучно». Симбиряки похлопывают, хотя ни в ком нет и признака дарования. Но я рад за Симбирск, что в нем есть

театр, какой бы то ни было. Глупо бы было мне, приехавши из Петербурга, глумиться над здешними актерами, и оттого я сохранил привычную важность, пожевывая исподтишка». А вот столичный чиновник и начинающий драматург граф В.А. Соллогуб, побывавший в том же 1849 году в Симбирске, оценил здание театра, украшенное еще и «навесом для выезда лошадей», как «весьма порядочное». А после того как побывал внутри, граф с удовлетворением отметил: «не велик, но выстроен умно; два ряда лож, партер, места за креслами – все чистенько. Кондитер (А.М. Слепнев. – **Ж.Т.**) мастер своего дела»⁷⁷.

Что касается игры актеров, то следует отметить, что в Симбирске – городе с давними театральными традициями – во времена посещения театра И.А. Гончаровым постоянной труппы не было, как, впрочем, их не имелось и в Казани, Саратове, Пензе и других губернских центрах. А гастролирующие труппы в Симбирске давали за зимний сезон 75 разных спектаклей⁷⁸. Если учесть, что в каждом городе антрепренер привлекал для постановки спектаклей исполнителей и музыкантов из числа любителей, то такому избалованному театралу, каким со студенческих лет являлся Иван Гончаров, приходилось во время представления «пожевывать исподтишка».

В письме к Майковым не может не интриговать и такое признание писателя: «Встретил кое-кого

⁷⁷ Сочинения графа В.А. Соллогуба. Т. 3. – СПб., 1856, с. 4.

⁷⁸ Трофимов Ж. Страницы истории симбирского театра. – Ульяновск, 1994, с. 12.

из старых знакомых, весьма порядочных людей, но встретил без всякого удовольствия; некоторые из новых лиц пожелали познакомиться со мной, я найду и этим страшно смущаю и компрометирую брата, который обещал познакомить меня с этими лицами, сказал им даже, что я за честь имею и т.д.». Некоторых из «старых знакомых» можно определить при сличении списка чиновников во время «подставного» секретарства Ивана Александровича у губернатора Загряжского с таким же списком 1849 года. Так, в 1834-1835 годах в губернском правлении служил титулярный советник Яким Сергеевич Светухин, а спустя 14 лет он в чине коллежского секретаря служит в том же правлении, но уже в должности старшего советника. Или: коллежский асессор Николай Петрович Скобельцын в 1834-1835 годах был чиновником по особым поручениям в казенной палате, а в 1849-м — он в той же палате, но в должности советника.

Вполне вероятно, что эти старые знакомые были порядочными людьми, но закреплять знакомство с ними, обмениваться визитами — на это у писателя, который приехал в Симбирск с намерением заняться творческой работой, не было ни желания, ни времени. Ему, как и в былые времена, хотелось и побродить по окрестностям, порыбачить на Волге, съездить в завожское село, где занимался в пансионе у священника Троицкого, и взглянуть на прекрасные дубовые леса в окрестностях села Архангельского. Но писатель не был вполне свободен распоряжаться собой, и любопытным свидетельством этому служат строки из пись-

ма к Майковым: «Около меня бегают два шалуна, раздается непривычный для моего слуха призыв: дяденька, дяденька! Это братнины дети. Сестра привезет с собою (из села Хухорево. — **Ж.Т.**) еще шестерых».

Но в целом он был доволен пребыванием в Симбирске и в письме к Юлии Дмитриевне Ефремовой, родственнице Майковых, он заявил: «Здесь я ожил, отдохнул душой и даже помолодел немного... Мне и не скучно пока, и не болен я, и нет отвращения к жизни... Вспомнить не могу, что надо ехать туда (в Петербург. — **Ж.Т.**), опять приняться за хождение на службу, за обычную тоску и лень. Какая разница между здешнею и петербургской ленью...».

А в письме от 25 сентября к редактору «Отечественных записок» А.А. Краевскому Иван Александрович чистосердечно признался, что не привезет обещанной рукописи «Обломова», хотя, мол, и «запирался в своей комнате, садился каждое утро за работу... А дни все шли да шли и наконец пришли к тому, что послезавтра я еду в Петербург и не везу с собой ничего, кроме сомнительной надежды на будущие труды, сомнительной потому, что в Петербурге опять не буду свободен по утрам...»

Гончаровские слова в письме к Ефремовой о том, что он в Симбирске «ожил, отдохнул душой и даже помолодел немного», во многом порождены увлечением, а затем и глубоким чувством, которое он испытал к гувернантке детей сестры Александры Кирмаловой, приехавшей из Хухорева. Эта симпатичная и веселая девушка, Варвара

Лукинична Болтунова, была хорошо образованна, любила и знала художественную литературу и держала себя с достоинством. Не прилагая усилий, она так заинтересовала Гончарова, что после ее отъезда с семьей Кирмаловых в Хухорево он стал тосковать. В один из приступов грусти он заявил в письме к Ю.Д. Ефремовой: «Прав Байрон, сказавши, что порядочному человеку долее 35 лет жить не следует. За 35 лет живут хорошо только чиновники, как понаворуют порядком да накупят себе домов, экипажей и прочих благ».

И после долгих раздумий 37-летний Иван Александрович, распрощавшись с родными, выехал в Петербург, но через Ардатовский уезд, через село Хухорево, — с намерением сделать предложение 22-летней Варваре Лукиничне. И сделал, но... получил отказ: девушка поблагодарила за оказанную ей честь, сказала, что уважает его, но не готова связать с ним свою судьбу. Отказ глубоко огорчил Гончарова, но он не отчаивался и сохранил дружеские отношения с предметом своей неудавшейся любви.

По возвращении в Петербург он высылает сестре в Хухорево комплект «Современника» за 1849 год, а в подарок Варваре Лукиничне — подписку на этот журнал на 1850-й. Не оставил писатель без подарка и мужа сестры, Михаила Максимовича Кирмалова, который давно и прочно обосновался в Хухореве (имении, подаренном Александре Александровне ее крестным Н.Н. Трегубовым), но и в деревне продолжал интересоваться литературой и столичными новостями. Памятуя

об этом, Иван Александрович выслал зятю две статуэтки работы известного художника-карикатуриста Николая Степанова – свою и Фаддея Булгарина. Михаил Максимович поблагодарил за подарок и приложил к своему письму и деньги за него.

Иван Александрович пожурил зятя за деньги и пообещал прислать новые статуэтки – Н. Кукольника и В. Соллогуба. А затем разразился саркастической тирадой по адресу Фаддея: «Булгарина вышла тоже другая статуэтка: старая свинья разворчалась за свое безобразие, как будто художник виноват, и начала блевать на него хулу из своего подлого болота – «Северной пчелы» – что-де все труды художника никуда не годятся, да и дорого их продает и т.п. Художник переделал его, и он тотчас же начал толковать, что художник очень хороший и статуэтка продается как нельзя дешевле. Фу ты мерзавец такой». И далее писатель заключил, что в прежней карикатуре Булгарина художник как нельзя лучше схватил редкое его свойство – «походить наружно и на человека, и вместе на свинью», и попросил беречь статуэтку Булгарина как одно из лучших произведений художника. К счастью, обе статуэтки – Гончарова и Булгарина – сохранились и ныне экспонируются в Ульяновском музее И.А. Гончарова.

Казалось, что за время почти четырехмесячного пребывания писателя в отчем крае связи его с родными и знакомыми окрепли настолько, что теперь-то он чаще будет сюда наведываться, но жизнь сложится по неожиданному сценарию.

Глава 8

ИЗ КРУГОСВЕТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ – В СИМБИРСК

Государственные служащие России не обладали правом на ежегодный отпуск. Уже поэтому Иван Александрович не мог планировать новую поездку в Симбирск в ближайшем будущем. Со смертью же матушки, скончавшейся в шестидесятипятилетнем возрасте 11 апреля 1851 года, исчезла и важнейшая причина для скорого вояжа на родину. В письме к сестре Александре Александровне в Симбирск от 5 мая он писал: «Больно и мучительно, как подумаешь, что ее нет больше... Горжусь, благодарю бога за то, что имел подобную мать. Ни о чем и ни о ком у меня мысль так не светла, воспоминание так не свято, как о ней!...»⁷⁹.

А летом следующего года происходит резкий поворот в жизни писателя: он принимает приглашение занять должность секретаря начальника кругосветной экспедиции на военном фрегате «Паллада» вице-адмирала Ефима Васильевича Путятина. Так нежданно-негаданно сбылась не только его собственная мечта посетить дальние страны, но и мечта крестного, Николая Николаевича Трегубова, бывалого моряка, часто говари-

⁷⁹ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. – М., 1952, с. 278.

вавшего во время его детства: «Ах, если бы ты сделал хоть четыре морских кампании (морскою кампаниею считается каждые полгода, проведенные в море), то-то бы порадовал меня!»... Если бы он предвидел, – воскликнет Иван Александрович, вспоминая этот эпизод, – что со временем я сделаю пять кампаний – да еще вокруг света!»⁸⁰

«Все конечно удивились, – пояснял Иван Александрович в письме к Е.А. Языковой, что я мог решиться на такой дальний и опасный путь, – я, такой ленивый, избалованный! Кто меня знает, то не удивится этой решительности. Внезапные перемены составляют мой характер, я никогда не бываю одинаков двух недель сряду...»⁸¹.

В преддверии дальнего плавания он с радостью предвкушает: «Я буду в Китае, в Индии, переплыву океаны, ступлю ногою на те острова, где гуляет в первобытной простоте дикарь, посмотрю на эти чудеса – и жизнь моя не будет праздным отражением мелких, надоевших явлений. Я обновился; все мечты и надежды юности, сама юность воротилась ко мне».

Первые недели плавания оказались настолько трудными, что Иван Александрович с отчаяния хотел даже оставить экспедицию и вернуться в Россию. Но, отдохнув в Англии от тревожений, он продолжил путешествие. В письме к Майковым от 17 марта 1853 года с мыса Доброй Надежды он с оптимизмом сообщал: «У меня было немало дел.

⁸⁰ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. – М., 1952, с. 283.

⁸¹ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. – М., 1952, с. 279.

Я вел и веду общий журнал, прохожу словесность с гардемаринами по просьбе адмирала... Материалов, то есть впечатлений бездна, не знаю, как и справиться, времени не хватает...»⁸². Однако, к удивлению знакомых, Гончаров с честью выдержал нелегкие испытания путешествия вокруг Европы, Африки и Азии к дальневосточным берегам России. А главное – благодаря острому наблюдению, под богатыми впечатлениями он сумел создать такое дельное и талантливое описание странствования вокруг света, что оно навсегда войдет в золотой фонд мировой литературы.

Но везде, где довелось побывать, в памяти Гончарова вставал образ родной страны. «Мы так глубоко росли корнями у себя дома, что куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоят ее», – писал Иван Александрович, когда «Паллада» бороздила воды океана. И, конечно же, он вспоминал завораживающе увлекательные рассказы своего крестного, настоящего «морского волка», о кругосветных путешествиях. И в самом начале плавания на фрегате «Паллада» рождаются строки о далеком симбирском прошлом: «Я все мечтал – и давно мечтал – об этом вояже, может быть, с той минуты, когда учитель (Трегубов. – *Ж.Т.*) сказал мне, что если ехать от какой-нибудь точки безостановочно, то воротиться к ней с другой стороны: мне захотелось поехать с правого берега Волги, на котором я родился, и

⁸² Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. – М., 1952, с. 282.

воротиться с левого; хотелось самому туда, где учитель указывает пальцем быть экватору, полюсам, тропикам»⁸³.

Во время путешествия писатель увидел в Европе, в частности, в Англии, немало занимательного и поучительного. А с каким интересом он вглядывался в экзотические виды на острове Мадера (Мадейра. — *Ж.Т.*) среди Атлантического океана, принадлежавшем Португалии. Но и здесь, в «госпитале Европы», он невольно вспоминал свой Симбирск! «Много рассказывают о целительности воздуха Мадеры; может быть, действие этого воздуха на здоровье заметно по последствиям; но сладостью, которой он налит, упиваешься, лишь только ступишь на берег. Я дышал, бывало, воздухом нагорного берега Волги и думал, что нигде лучше не может быть. Откроешь утром в летний день окно, и в лицо дунет такая свежая прохлада. На Мадере я чувствовал ту же свежесть и прохладу волжского воздуха, который пьешь, как чистейшую ключевую воду...»⁸⁴.

Упоение воздухом Мадеры происходило 18 января 1853 года. И наблюдательный писатель невольно припоминал опять Симбирск: «А кто же это порхает по кустам, поет? Не наш ли летний гость?» А весной того же года, уже на берегу Южной Африки, когда в гостях у английского военного доктора Гончарову подали чай, он стал припоминать, на что похож его вкус и запах:

⁸³ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 2. — М., 1978, с. 12.

⁸⁴ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 2. — М., 1978, с. 99.

«Помню, что в детстве, вместе с ревенем, мятой и бузиной, ромашкой и другими снадобьями, которым щедро угощают детей, давали какую-то траву вроде этого чая»⁸⁵. А в летнем Сингапуре, любуясь пламенным закатом, Иван Александрович мысленно переносится на милую родину: «Я вспомнил косвенные, бледные лучи, потухающие на березах и соснах, остывшие с последним лучом нивы, влажный пар засыпающих полей, бледный след заката на небе... и вдруг захотелось туда, в милую страну, где... холоднее»⁸⁶.

И какой любовью к отчему краю проникнуты строки, написанные Гончаровым за тысячи верст от него: «Однообразные картины родного Поволжья милее и ближе... в них есть что-то даже материнское...».

А в те минуты, когда одолевала лень или тоска, Иван Александрович принимался читать русскую печать или книги знакомых авторов. В письме от 15 декабря 1853 года, посланном из Исландии петербургским приятелям Языковым, он делится чувствами, возникавшими при чтении тургеневских «Записок охотника»: «Заходили передо мной эти русские люди, запестрели березовые рощи, нивы, поля и — что всего приятнее — среди этого стоял сам Иван Сергеевич... Кланяйтесь ему и скажите это от меня. И Павлу Васильевичу (Анненкову. — **Ж.Т.**) кланяйтесь: так он издает Пушкина! Как я рад, я, жаркий и неизменный

⁸⁵ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 2. — М., 1978, с. 151.

⁸⁶ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 1. — М., 1978, с. 292.

поклонник Александра Сергеевича. Он с детства был моим идолом, и только один он...»⁸⁷.

Летом 1854 года, в устье Амура закончилось двухлетнее плавание фрегата «Паллада», и Гончаров дальнейший путь решает совершить через Сибирь. Но вначале на шхуне «Восток» они с группой офицеров мимо острова Сахалин приплыли в Охотское море и бросили якорь у поселка Петровское зимовье, расположенного в десяти с половиной тысячах верстах от Петербурга. Первые письма с сообщением об этом Иван Александрович шлет с друзьями в Москву, Петербург и, конечно, родным на Волгу.

Во время этого путешествия, продолжавшегося четыре месяца, по его словам, он «переживал, если не страшные, то трудные, иногда и опасные в своем роде минуты». Верхом на лошади, в черкесском седле, Иван Александрович и его спутники, вслед за якутом-проводником, то пробирались по горным тропинкам, то ехали по руслу горных речек, которые в дожди бурлят так, что лошади, переходя вброд, уходили по уши. Случалось, Гончарова вели в гору два якута — один вел его на кушаке, другой поддерживал сзади. Был и такой день, когда он провел в седле 11 часов, а потом пришлось ехать по топким болотам, где лошади вязли по брюхо.

В Якутск Иван Александрович прибыл с больными ногами — в результате простуды они опухли — и, по настоянию врача, задержался здесь на

⁸⁷ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. — М., 1952, с. 286.

два месяца, до того момента, когда Лена замерзла. А затем, в лютые морозы, продолжил путешествие по Лене (три тысячи верст) до Иркутска, куда приехал с обмороженным лицом в самый праздник Рождества Христова.

Затем Иван Александрович подлечился, отдохнул и перебивал (по приглашению Д.Н. Свербеева) у всех декабристов – Волконских, Трубецких, Якушкина и Педжио, которые жили вне города в крестьянских избах. В одном из писем, переданных ему Волконским для доставки в Москву и Петербург, Гончаров характеризовался как умный и увлекательный рассказчик. 14 января 1855 года Иван Александрович наконец-то двинулся в путь далее на запад, через Барабинскую степь, по маршруту Екатеринбург-Казань-Симбирск. Так что возвращение домой совершалось, говоря словами Гончарова, «с медлительностью, истинно одиссеевскою» и оно очень измотало его физически, истомило нравственно и материально. И можно себе представить его состояние, когда после короткой остановки в Казани он сел в повозку, идущую в Симбирск, где его уже не ждали ни любимая матушка, ни добрый «морской волк» Трегубов... Но была встреча с другими родными и долгожданным Симбирском.

Остановился он у сестры Анны Александровны и ее мужа-доктора Петра Авксентьевича Музалевских. У них уже была приемная семилетняя дочь Дуня, которая впоследствии в своих мемуарах отметила прибытие дяди-писателя следующими строками: «В моей памяти сохранились лишь

кое-какие отрывочные воспоминания о нем. Помню только, что он много рассказывал о своем путешествии, из которого привез нам всем подарки, между прочим, замечательные японские картинки на рисовой бумаге. Он был в очень хорошем настроении, был любезен и внимателен ко всем. Он рассказывал много, но в конце говорил моей матери, что она лучше всего может прочесть то, что он рассказывает в его «Путевых заметках»⁸⁸.

Иван Александрович выполнил свое обещание, и его книга «Русские в Японии в конце 1853 г. и в начале 1854 г. Из путевых заметок. СПб., 1855 г.» с надписью «Петру Авксентьевичу и Анне Александровне Музалевским от брата» экспонируется в наши дни в Музее И.А. Гончарова. Не забыл он и старшую сестру, Александру Александровну Кирмалову, в письме к которой от 20 апреля 1856 года он сообщил из Петербурга: «С Анненковым (Павлом Васильевичем) я послал к сестре Анне Александровне еще по две брошюры своих путевых заметок, напечатанных в феврале и марте в журналах, и ты получишь от нее обе статьи. Когда-нибудь, лежа в постели с этими книгами, услышишь, как неистово воеет буря на дворе, хоть такая, в какую я приехал к тебе, и представишь себе, как брат твой испытывал все это на морях — право испугаешься»⁸⁹.

Во время этого пребывания в Симбирске писатель обговорил со старшим братом, Николаем

⁸⁸ Огни. Вып. 1, с. 179.

⁸⁹ Бейсов П.С. Гончаров и родной край, с. 64.

Александровичем, и такое столь деликатное дело, как раздел имущества, доставшегося им согласно завещанию покойной матушки. Речь шла, прежде всего, о доме, в котором они оба родились. В составленной маклером «Раздельной записи» на этот дом указывалось: «имение дробности по закону не подлежит и потому мы предположили дом принять мне, Николаю Гончарову, – в единственное мне владение и распоряжение... Иван Гончаров согласился получить от брата Николая за следующую за имение часть денежное удовлетворение – тысячу двести семьдесят один рубль 43 копейки серебром»⁹⁰.

По пути из Симбирска в Москву писатель заехал в Хухорево, чтобы провести сестру Александру с детьми и няню Аннушку. Со времени убийства в 1850 году главы семьи Михаила Кирмалова минуло около пяти лет, и Александра Александровна сама вела большое хозяйство и поднимала детей. Сын Виктор, при помощи писателя, получил место службы в Петербурге, Владимир – уже студент Московского университета, а Катя и Варя – воспитанницы частного пансиона в Москве.

Дорога от Хухорева до Белокаменной несравненно короче и лучше, нежели те маршруты, которые Ивану Александровичу довелось преодолевать недавно в Сибири и Приуралье. А от Москвы до Петербурга теперь добираться было совсем легко: начала действовать Николаевская железная дорога.

⁹⁰ Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова, с. 319.

Вспоминая о своем возвращении в Петербург, Гончаров отметил: «Там я застал весь литературный кружок в сборе: Тургенев, Анненков, Боткин, Некрасов, Панаев, Григорович. Кажется, тогда уже явился и граф Лев Николаевич Толстой, сразу обративший на себя внимание «Военными рассказами». Если не ошибаюсь, тогда же был в Петербурге и другой граф, Алексей Константинович Толстой (впоследствии автор «Смерти Иоанна Грозного»). Я познакомился с обоими... Граф А. Толстой потом уехал, а Лев Николаевич... оставался тут и сходил с нами почти ежедневно — опять все у тех же лиц — Тургенева, Панаева и проч. Говорили много, спорили о литературе, обедали шумно, весело, словом, было хорошо».

Но веселье в то время было относительным: ведь Иван Александрович вернулся в Петербург 13 февраля, всего лишь через неделю после кончины Николая I, во время обороны Севастополя от англо-франко-турецких армий и флотов, время напряженных ожиданий перемен в социально-экономической жизни страны, особенно в положении крепостного крестьянства. Осложнилась обстановка и у самого Ивана Александровича. Его повысили в должности — он стал начальником отдела, и, следовательно, дел по службе прибавилось; адмирал Путятин торопил с написанием отчета обо всей экспедиции и даже обратился к директору Департамента с просьбой предоставить Гончарову два месяца для этой работы. Сам же Иван Александрович зондировал возможность сменить службу на другую, которая бы позволяла иметь боль-

ше времени для творческой работы, чтобы готовить к печати «Очерки путешествия» и завершить «Обломова».

А осенью, в одно из посещений квартиры Майковых, он встретил там Елизавету Васильевну Толстую, которая бывала здесь и 12 лет назад, шестнадцатилетней девушкой. Теперь она выглядела красавицей, прекрасно образованной и начитанной. Иван Александрович был настолько очарован ею, что, впервые в жизни, превратился в страстного поклонника. Но, увы, эта любовь останется неразделенной: Елизавета Васильевна, уезжая в Москву, дала ясно понять, что не намерена идти дальше дружбы с ним. 23 декабря 1855 года в письме к Толстой Иван Александрович пожелал ей счастья «и в новом году, и всю жизнь». Это — достаточно известная в гончароведении история. А для меня как краеведа важным оказалось и другое заявление, сделанное в этом письме. Иван Александрович сообщает Толстой, что если назначение старшим цензором не состоится, то у него «есть план удалиться года на два на Волгу, к сестрам» и попробовать, может ли он еще исполнить свои прежние литературные задачи...⁹¹

Однако 19 февраля 1856 года определение на должность цензора Петербургского цензурного комитета состоялось. Материальное положение писателя заметно улучшилось, но и неотложных и серьезных служебных дел стало гораздо больше. Так что времени для работы над заветным рома-

⁹¹ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. — М., 1952, с. 293.

ном не прибавилось. И только летом 1857-го в немецком Мариенбаде, куда он прибыл для лечения, рукопись «Обломова» стала быстро продвигаться. В письме к И.И. Ольховскому от 2 августа он с радостью поведал, как это случилось: «...Я приехал сюда 21 июня нашего стиля, и мне было так скучно, что я через три дня хотел уехать, дня три-четыре писал письма к Вам, к Языкову, в Симбирск – не знал, что делать, а числа эдак 25 или 26-го нечаянно развернул «Обломова», вспыхнул – и 31 июля у меня написано было моей рукой 47 листов! Я закончил первую часть, написал всю вторую и въехал довольно далеко в третью часть»⁹².

А через девять дней работа и над этой частью была завершена. Делясь с Ю.Д. Ефремовой этой новостью, Иван Александрович объяснил и причину столь быстрого финала: «С этим романом я жил еще в молодости, десять лет тому назад, иначе бы я не выдумал всего теперь, что там есть». Можно не сомневаться, что при этом он имел в виду и последнее пребывание в Симбирске.

Обработка рукописи «Обломова» продолжалась в Петербурге, и только 20 ноября 1858 года в письме к брату Николаю в Симбирск он смог сообщить: «Готовлю в печать свой роман... Ты, верно, читал объявление об издании «Отечественных записок» в будущем году: там сказано, что и мой роман будет напечатан там же... Если кто будет интересоваться моим новым сочинением, то посо-

⁹² Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. – М., 1952, с. 299.

ветуй не читать первой части, она написана в 1849 году и очень вяла...»⁹³. Неизвестно, что и как советовал Николай Александрович землякам, но небезынтересен факт, что первым критиком «Обломова» в столичной печати станет его воспитанник по гимназии, юрист и публицист симбирянин Николай Соколовский.

⁹³ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. – М., 1952, с. 306.

Глава 9

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕБЫВАНИЕ НА РОДИНЕ

После публикации романа «Обломов» в «Отечественных записках» 1859 года, а затем и выхода в том же году романа отдельным изданием Иван Александрович занял одно из почетнейших мест в русской литературе и стал европейски знаменитым писателем. Даже в небольшом немецком курортном городке Мариенбад, где он летом 1860 года лечился целебными водами, ему не давали покоя. «Сюда наезжает много русских, и почти все делают мне честь желать со мною познакомиться, — сообщал он в июне 1860 года профессору-литератору А.В. Никитенко. — Можете себе представить, как это по моему характеру веселит меня! Вот уже я познакомился с одной княгиней, с двумя князьями, с двумя начальницами институтов, и оттого меньше хожу, меньше пишу, даже от тоски меньше ем и сплю»⁹⁴. А ведь он мечтал здесь уединиться и поработать над «Обрывом», который, по его словам, зачался в 1849 году во время «посещения берегов Волги», то есть Симбирска.

В письме от 7 января 1861 года к сестре Александре Александровне, давно проживавшей в симбирском селе Хухореве, Иван Александрович

⁹⁴ Русская старина, 1914. Кн. 2, с. 416.

с грустью подвел невеселые итоги прошедшего года: «Я бросил службу (цензорскую. – *Ж.Т.*), потом не совсем удачно съездил за границу, пил воды, купался в море, а осенью опять возобновились припадки печени, желчь и полнокровие не дают покоя»⁹⁵.

Но в январе-феврале того же года «Отечественные записки» опубликовали отрывки «Бабушка» и «Портрет», и писатель нашел в себе силы и волю для продолжения работы над «Обрывом». Но обнародование царского манифеста об освобождении от крепостной зависимости и последовавшие за ним крестьянские волнения, а также студенческие «беспорядки», обострение в печати борьбы между крепостниками и либералами – все это не могло не волновать Ивана Александровича, глубоко любившего свою родину и верившего в ее великое будущее.

Взвесив все за и против о месте своего отдыха, он решил провести его летом 1862 года на Волге и, получив предварительное согласие младшей сестры Анны Александровны Музалевской и ее мужа-доктора, в мае выехал из Петербурга в Симбирск, чтобы повидаться с родными и в спокойной обстановке продолжить работу над «Обрывом». Перед отъездом Иван Александрович зашел в известное в Петербурге фотоателье Карла Бергамаско, сфотографировался и заказал, наверное, с дюжину карточек визитного размера, чтобы одарить ими родных и знакомых.

⁹⁵ Вестник Европы, 1908, № 12, с. 422.

Одна из этих визиток хранится в Ульяновском музее И.А. Гончарова, и вот как этот снимок описан в Каталоге: «Поколенный. Прямоличный. В светлом расстегнутом пиджаке, темном жилете, галстук бантом. Сидит, положив правую руку на столик, в левой трость и сигара». К этому можно добавить, что на этой фотографии, сделанной в канун 50-летия писателя, он выглядит молодцевато, взгляд его выражает решимость продолжать свою многотрудную писательскую деятельность, а также чувство собственного достоинства.

На сей раз Иван Александрович выехал из столицы по недавно построенной железной дороге, но в Твери покинул вагон, отправился на пристань и на пароходе доплыл до Нижнего Новгорода, где, после короткой остановки, он сел на настоящий волжский пароход. В Симбирске его ждали с нетерпением сестра Анна Александровна с мужем Петром Авксентьевичем и 14-летней приемной дочерью Дуняшей, которая впоследствии рассказывала в воспоминаниях о дяде-романисте:

«Ему, разумеется, отдали самую лучшую комнату в доме и предоставили сад, в котором он проводил большую часть времени, беспрепятственно работая в беседке. Он был очень доволен всем, говоря, что не столько дорожит комфортом, сколько тишиной и свободой для своей работы, что немыслимо для него получить в Петербурге. Дядя был удивительно изящен во всем: в манерах, в разговоре, даже в отдельных выражениях, что мне

особенно нравилось... Дядя придерживался строго определенного режима, вставал в 8 часов, делал себе холодные обливания и, окончив свой туалет, отправлялся гулять, а после прогулки приступал к своему обычному завтраку, состоявшему из бифштекса, холодного ростбифа и яиц с ветчиной, – все это он запивал кофе или чаем. В остальное время, он придерживался нашего домашнего режима»⁹⁶.

В своих воспоминаниях дочь Музалевских не назвала адреса, по которому проживали родители, и, конечно же, ей неизвестно было, куда именно «отправлялся гулять» писатель. Что касается дома Музалевских, то краеведы А.И. Титовский и И.В. Смирнова пришли к выводу, что он находился в районе областной стоматологической поликлиники № 1 на нынешней улице Кузнецова. Мне же представляется, что дом Музалевских стоял ближе к Тихвинскому спуску и Зотовскому переулку. К сожалению, дом этот не сохранился, и пока неизвестно даже, как он выглядел, когда там проживал писатель. Известно только, что нижний этаж был каменным, верхний – деревянным, а в большом саду усадьбы имелась беседка с прекрасным видом на Волгу, в сторону сельца Киндяковка⁹⁷.

Что же касается ежедневных прогулок Ивана Александровича, то несомненно, что он не раз наведывался к брату Николаю, проживавшему с

⁹⁶ Огни. Вып. 1, с. 178.

⁹⁷ Ульяновская правда, 2001, 16 июня.

женой Елизаветой Карловной и 9-летней дочерью Ольгой в гимназическом доме, в 15-ти минутах ходьбы от усадьбы Музалевских. Помимо родственных и будничных житейских дел братья обменивались мнениями по поводу общественных проблем эпохи падения крепостного права. Николай Александрович, уже седьмой год являвшийся редактором неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей», получал газеты и журналы и с удовольствием снабжал ими брата-писателя. Конечно же, он рассказывал и обо всех важнейших событиях политической и культурной жизни Симбирска и губернии.

В письме к сестре Анне Кирмаловой, проживавшей в Ардатовском селе Хухорево, Иван Александрович попросил захватить с собой в Симбирск и няню Аннушку. Просьба эта была выполнена. Сестра привезла дочерей Катю и Варю, недавних выпускниц московского частного пансиона, и ослепшую Аннушку, которую он окружил трогательным сыновним вниманием и любовью. Не медля, он отвез любимую няню в фотоателье, чтобы иметь ее фотографию в своей петербургской квартире.

Вот в такой многолюдной обстановке Иван Александрович написал профессору А.В. Никитенко 17 июня письмо в Петербург, придав ему юмористический оттенок: «Живу я среди своих, собравшихся тесной семьей около меня, в маленьком домике, набитом, как улей, все родными обитателями. Мне тут приятно, привольно, покойно и мирно-скучно. Эту мирную скуку и тихий сон

души будят подчас неистовые, долетающие оттуда, от Ваших мест дикие вопли, плач и скрежет зубов с пожарищ. Что за ужас, что за безобразие! Хотелось бы послушать правды, узнать, в чем дело, кто, что, как? А здесь узнать нельзя: газеты на что-то намекают и недоговаривают, изустная молва городит такие чудеса, что береги только уши!»⁹⁸

Иван Александрович имел в виду громадный пожар Апраксина рынка в Петербурге 28 мая 1862 года и обвинения реакционной прессой передовой молодежи и студентов в воспитании «поджигателей». В реакционной печати появились и требования о закрытии воскресных школ для народа, ибо там тоже якобы раздавались призывы «жечь Петербург»⁹⁹. И уже 13 июня 1862 года столичная газета «Северная почта» сообщила, что правительство «за вредное направление» решило закрыть воскресные школы в Петербурге. Нетрудно представить, какие чувства обуревали редактора Николая Гончарова, когда он готовил перепечатку этого постановления для «Симбирских губернских ведомостей»: ведь он сам ратовал недавно, в 1861 году, за развитие таких школ в Симбирске и преподавал в воскресной школе при гимназии. Забегая вперед, замечу, что 7 июля Н.А. Гончаров опубликует в «Симбирских губернских ведомостях» предписание попечителя Казанского учебно-

⁹⁸ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8, с. 339.

⁹⁹ Никитенко А.В. Дневник в 3 томах. Т. 2. – М., 1955, с. 277.

го округа о закрытии воскресных школ, в том числе в Симбирске, Сызрани и Ардатове.

Эхо петербургских пожаров докатилось и до Симбирска. 23 июня «Симбирские губернские ведомости» на первой странице опубликовали сообщение: «Государь Император высочайше соизволил разрешить Главным начальникам и начальникам губерний руководствоваться, в случае обнаружения злонамеренных поджогов в пределах вверенных им губерний, теми же правилами для производства дел о поджигателях, которые установлены для С.-Петербурга. На сем основании все виновные в поджогах подлежат военному суду по полевым уголовным законам». А из письма К. Гавриловой, отправленного из Симбирска 26 июня 1862 года в Петербург своему земляку-публицисту Н.М. Соколовскому, видно, что она возмущена закрытием на 8 месяцев «Современника». «В Симбирске все по-прежнему, — продолжает она. — Софья Ивановна, как всегда, ругает вас, даже уверяла меня, что с приездом Соколовского к Минаевым выгорел Петербург, кто же виноват, как не они, губители своего отечества»¹⁰⁰.

О высказываниях такого рода, безусловно, знал Николай Гончаров, ибо в прошлом году он вместе с Соколовским преподавал в воскресной школе, а Гаврилова входила в дружеский кружок его коллег по гимназии. В интеллигентской среде открыто говорили, что острообличительные сеансы «Губернской фотографии», публиковавшиеся в сто-

¹⁰⁰ ЦГА РФ. Ф. 109, 1 эксп., 1864, д. 287, л. 1.

личном журнале «Гудок», редактировавшемся поэтом Дмитрием Минаевым, – это, мол, дело рук симбирской «шайки нигилистов».

Иван Александрович немало раздумывал над тревожными событиями в общественной жизни, но внешне старался выглядеть спокойно. Утром обычно трудился в садовой беседке, куда и являлась отчитаться за данные им уроки дочь Музалевских. «Я очень порядочно говорила по-французски, – вспоминала она впоследствии, – и дядя заставлял меня часто читать ему вслух лучшие отрывки из французской литературы, всегда выбирая их сам или направляя мой выбор. Попадались иногда в чтении слова, смутно понимаемые мной, и дядя объяснял мне их очень полно, наглядно и ясно»¹⁰¹. Дуняша тогда брала уроки немецкого языка у другого своего дяди – Николая Александровича, а также по всем предметам школьного курса у других учителей гимназии. Постепенно, по мере проверки ее познаний, писатель пришел к выводу, что Дуняшу следует поместить в тот московский пансион, который только что окончили ее кузины Вера и Катя Кирмаловы.

Почти в каждом номере «Симбирских губернских ведомостей» появлялась хроника событий культурной жизни города. Так, 29 мая в городском театре, содержавшемся кондитером А.М. Слепневым, гастрольная труппа под руководством Карла Велле дала представление в пользу «бедных благородного состояния». Примечательно, что

¹⁰¹ Огни. Вып. 1, с. 182.

Софья Петровна Давыдова, племянница поэта Николая Языкова и невестка Дениса Давыдова, распорядилась вручить вверенную ей часть выручки Николаю Александровичу Гончарову «для раздачи, кому следует»¹⁰².

Возможно, что писатель по каким-то причинам и не посетил этот благотворительный спектакль. Но вряд ли он удержался от посещения представлений московских артистов, которые дали в Симбирске драматический актер Василий Живокини и «первый тенор» Михаил Владиславлев: ведь, по сообщению газеты, «все ложи и кресла в театре были полны». На музыкально-литературном вечере 15 июня Живокини читал отрывок из книги «Об умирающих» Н. Щедрина, пел комические куплеты, романс Глинки и отрывок из оперы Верди. А 20 июня он сыграл главную роль в спектакле «Стряпчий» И. Докучаева, а потом прочел «Рассказ о Гарибальди» А. Суворина.

Для Ивана Александровича Василий Игнатьевич Живокини – не только талантливый актер и коллега Михаила Семеновича Щепкина, многих других корифеев московской сцены, но и добрый личный знакомый, с которым довелось даже сидеть за одним столом и слушать произносимые им остроумные анекдоты или шутки по адресу общих знакомых, наслаждаться его заразительной веселостью. (Родился Михаил Игнатьевич в 1808 году, был сыном итальянца, приехавшего в Россию с архитектором Растрелли, и русской крепостной

¹⁰² Симбирские губернские ведомости, 1862, 2 июня.

танцовщицы.) Не без влияния И.А. Гончарова, являвшегося одним из редакторов литературного сборника «Складчина» (в пользу пострадавших от неурожая крестьян Поволжья), будет включен очерк П. Боборыкина о В.И. Живокини. Описание актера в этом очерке дано так живо, что уместно привести хотя бы несколько строк, чтобы получить представление, каким увидели актера симбиряне 15 и 20 июня 1862 года:

«Фигура комика, его круглое, подвижное и необычайно-смехотворное лицо, задевающий исключительно струны комизма и смеха с легким носовым оттенком, отчетливая, сочная интонация, в которой каждое слово производит свой эффект, сказано ли оно просто или с особым ударением — все это сливалось в Живокини в один живой аппарат, не знавший себе отдыха в деле жизненных проявлений веселости, смеха и комической энергии... Он и Щепкин — вот две силы, посредством которых русская сцена окончательно породнилась с Европой».

О взаимоотношениях И.А. Гончарова с Живокини дают представление строки письма романиста к приятелю Николаю Петровичу Боткину, посланного из Петербурга в Москву и начинающегося с признательности за то, что Боткин, выполняя его просьбу, прислал «табачное зелье» через именитого лицедея В.И. Живокини. «Не мнил я, государь, — продолжал в шутливом тоне Иван Александрович, толикаго греха понести, что в среду первой недели Великого Поста, не токмо о-бок с ним за одним столом сидел, но и был от

него, якобы по Вашему велению, государь, флягою фряжского (чужеземного. — **Ж.Т.**) зело изрядного вина чествован. Не верю тому, чтобы Вы... поползнулись меня в таковое окаянство ввести, а мне так, что сей лицедей, по воле своей и токмо по наущению дьявольскому, на мою христианскую душу посягал, понеже, хотя он и являет в себе подобие как бы разумного и честного мужа и пристойные речи держит, но сим и уловляет удобнее в сети дьяволу, коему исконно служит, поя ему непрестанно на позорище хвалы и творя непотребные действия, игры и всякие прельщения.

...Дабы Вы меня впредь грамоткою не оставляли, посылаю Вам, государь, через того же лицедея чернильницу, изображающую в аллегории *кладезь мудрости*, но зело пужаюсь, чтобы она в руках того лицедея, с помощью дьявола, во что-либо поносное или позорное не обратилась».

Несмотря на юмористическую форму и нарочито замысловатый, архаичный язык, нетрудно заметить чувства приязни, которые испытывал автор письма к знаменитому артисту. И кто бы мог подумать, что не пройдет и четырех месяцев после памятной встречи Гончарова с Живокини в Петербурге, актер будет творить всякие «игры и всякие прельщения» уже на симбирской сцене. Трудно даже представить, чтобы нашлись причины, которые могли бы помешать новой встрече Ивана Александровича с лично знакомым ему именитым лицедеем.

Между тем в начале июля 1862 года из Петербурга поступила телеграмма от А.В. Никитенко,

призывающая романиста прибыть поскорее в столицу, где появилась подходящая для него служба. Иван Александрович, уже полтора года не получавший жалованья, не мешкая, стал готовиться к отъезду. С сестрой Анной Александровной, очень озабоченной судьбой Дуняши, он обговаривает детали помещения девочки в московский частный пансион.

Погода в июле стояла прелестная, и он с племянником Александром, сыном брата, принимал продолжительные прогулки в Киндяковскую рощу, к Волге, в Поливну. Любил он прогуливаться пешком и с племянницей Софьей Кирмаловой. И уж в крайнем случае просил дать ему спокойных лошадей, «которые с третьего кнута с ноги на ногу переступят»¹⁰³.

В начале августа было окончательно решено, что вместе с Иваном Александровичем до Москвы едут Анна Александровна с Дуняшей, а также дочка сестры Александры Александровны – Софья, воспитанница Казанского института благородных девиц. Что касается маршрута поездки, то самым удобным было плыть пароходом до Нижнего Новгорода, а оттуда до Москвы ехать на почтовых лошадях.

С какими чувствами покидал романист 11 июля 1862 года отчий край? Судя по письму, которое было написано 13 числа в каюте парохода «Успех» (компания «Самолет») давней знакомой Анне Ивановне Кукурановой, настроение у Ивана Алек-

¹⁰³ Вестник Европы, 1908, № 11, с. 23.

сандровича было хорошее. Не удалось, правда, в Симбирске по-настоящему поработать над «Обрывом», но зато он и в родном городе увидел несколько прототипов и будущего Волохова, и Веры, и Марфиньки. Да и наблюдения над картинами природы в саду Музалевских, а также в Киндяковке и Поливне помогли в обрисовке местности воображаемой Малиновки. Пребывание в Симбирске летом 1862-го, безусловно, внесло серьезные коррективы в план романа, зародившегося здесь же в 1849 году.

Свое казанское письмо к А.И. Кукурановой Иван Александрович закончил словами: «Прощайте, если не навсегда, то уже надолго»¹⁰⁴. Примерно с такой мыслью он покидал и Симбирск. Увы, приехать сюда ему больше не придется, но мысленно в отчий край он будет переноситься до последних дней своей долгой, оригинальной и творчески счастливой жизни.

¹⁰⁴ Голос минувшего. Пгд., 1919, № 1-4, с. 239.

ЧАСТЬ II

Глава 10

ГУБЕРНАТОР ЗАГРЯЖСКИЙ

Пушкиноведов и гончароведов давно интересуется личность Александра Михайловича Загряжского, являвшегося в 1831-1835 годах симбирским губернатором. Ведь у него, дальнего родственника своей жены, Натальи Николаевны, останавливался А.С. Пушкин в сентябре 1833 года проездом из Петербурга в Оренбург. Что касается И.А. Гончарова, то он около года служил «подставным» секретарем в канцелярии того же губернатора.

Замечу сразу, что в исследовательской литературе имеются неоднозначные оценки Загряжского как человека и администратора, но преобладают все же негативные, причем несмотря на то, что оба великих писателя не дали для этого прямых поводов. Выяснение истины целесообразнее всего начать с краткого изложения жизненного пути Александра Михайловича до приезда в Симбирск.

Выходец из старинного и знатного московского рода, он после домашней подготовки учился в частном институте Виллерса (дававшем среднее образование), а в 15 лет, в 1811 году, надел форму портупей-прапорщика Одесского пехотного полка.

Во время нашествия Наполеона был ординарцем командира дивизии, а в боях под Смоленском, оказавшись в одном из полков, храбро сражался,

вывел оставшуюся в живых сотню воинов к своим и, в поощрение за отвагу, был переведен в знаменитый лейб-гвардии Преображенский полк. За отличия в боях под Бауценом, Кульмом и Лейпцигом и при взятии Парижа молодой офицер удостоился ордена святой Анны IV степени и прусского знака Железного креста, а позже – серебряной медали в память 1812 года и особо – бронзовой медали в память того же 1812 года¹⁰⁵.

В 1816 году 20-летний гвардеец-подпоручик вышел в отставку, но в следующем году вернулся в Преображенский полк. Однако фортуна не очень-то благоволила к нему: за последующие семь лет дослужился только до капитана. Александр Михайлович уже обдумывал вопрос об окончательном уходе с военной службы, когда произошло восстание 14 декабря 1825 года, круто изменившее его судьбу в благоприятную сторону.

Симбирский жандармский полковник Э.И. Стогов, рассказывая в своих воспоминаниях о Загряжском (он называл его «губернатором Z»), обрисовал картину его возвышения так: «14 декабря он явился ко дворцу. Государь несколько раз посылал Якубовича образумить бунтовщиков и убедить их, чтоб покорились. Якубович шел к мятежникам, и Z за ним. Якубович вместо убеждения говорил: «Ребята, держитесь, наша берет, трусят, ура! Константин!» И бунтовщики кричат: «Ура Константин и супруга его Конституция!»... Так было несколько раз, и Z каждый раз ходил и

¹⁰⁵ Московские ведомости. 1883, 21 мая.

один раз перевязывал ногу платком, прихрамывая, будто ударили его по ноге.

Государь не забыл усердия и сказал великому князю Михаилу Павловичу: «Я видел усердие Z, спроси его, чего он хочет!» Великий князь Михаил спросил Z: «Чего ты хочешь?» Z не задумавшись отвечал: «Желаю быть губернатором». – «Не много ли это будет?» – «Для государя все возможно!»

И вот Z через разные метаморфозы – губернатор в Симбирске», – подытожил свой рассказ жандармский полковник на страницах столичной «Русской старины» в декабрьском номере за 1878 год.

В первой книжке этого же журнала за 1879 год А.М. Загряжский опроверг эту клеветническую выдумку Стогова публикацией «Аттестата» о своей службе. Из этого официального документа видно, что Александр Михайлович в день восстания еще служил в Преображенском полку и был уволен с военной службы 26 января 1826 года с переименованием из капитана сразу в коллежские советники (минуя чин надворного советника).

В это же время Загряжский, согласно своей просьбе, получил вакантное место чиновника обер-прокурорского стола в Правительствующем Сенате. Некоторое время спустя «за усердную службу в комиссии о коронации императора Николая Павловича» он стал кавалером ордена святой Анны II степени.

Николай I явно благоволил к бывшему капитану-гвардейцу, но, тем не менее, только через три

года назначил его на самостоятельную ответственную должность – исполняющим обязанности управляющего Тамбовской удельной конторой. Здесь, в глубокой глуши, Александр Михайлович провел два года, пока министр внутренних дел России не назначил его чиновником особых поручений своей канцелярии. И только 2 июля 1831 года, то есть через пять с половиной лет после восстания декабристов, статский советник А.М. Загряжский был определен исполняющим должность гражданского губернатора в Симбирске¹⁰⁶.

Документы свидетельствуют, что служба на новом месте складывается для него удачно. Уже в 1832 году царь благодарит симбирского губернатора «за успешное взыскание податей и недоимок» и, кроме того, «за отлично усердную службу и благоразумные распоряжения при заготовке хлеба» для винокуренного завода награждает его орденом святого Станислава II степени со звездой¹⁰⁷. При Загряжском была учреждена Симбирская епархия, открыты дворянский пансион при гимназии и первое городское приходское училище¹⁰⁸, а также после 20-летней волокиты возобновилась постройка Гостиного двора, заканчивалась отделка каменных флигелей для чертежной, типографии и архива (фонды которого сгорели в 1828 году в здании присутственных мест).

¹⁰⁶ Русская старина. 1879. Т. 34, с. 174.

¹⁰⁷ ЦГИА СССР. Ф. 1281, оп. 2, д. 38, л. 11-14.

¹⁰⁸ Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1916 год. – Симбирск, 1916, отд. 1, с. 139.

Александр Михайлович поддерживал дружеские отношения с отставным генерал-майором П.Н. Ивашевым (сын которого Василий, декабрист, томился в Сибири). Загряжский бывал у него как в городском доме, так и в имении Ундоры. Когда летом 1833 года Ивашев и состоявшие с ним в родстве Языковы, Хованские и Бестужевы выступили с ходатайством об увековечении в Симбирске имени Н.М. Карамзина постройкой в его честь общественной библиотеки, начальник губернии сразу же поддержал этот почин и направил все необходимые документы министру внутренних дел.

Как только о благородной инициативе стало известно в Петербурге, И.И. Дмитриев, П.А. Вяземский, А.С. Пушкин, И.А. Крылов, Н.В. Гоголь и другие видные литераторы внесли свою лепту в капитал на устройство в Симбирске Карамзинской библиотеки. А через полтора месяца, 9 сентября 1833 года, Пушкин, собиравший во время поездки по Поволжью материалы для «Истории Пугачева», появился в Симбирске в доме Загряжского.

У него, как и ожидал Александр Сергеевич, оказалось письмо от жены, Натальи Николаевны. От Загряжского, выполняя просьбу приятеля-литератора В.Ф. Одоевского, поэт разузнал о благополучном исходе дела его отчима П.Д. Сеченова (помогавшего 22-летней Варваре Кравковой бежать из имения родителей в Симбирский женский монастырь). При содействии губернатора Александр Сергеевич совершил поездку в село

Языково для свидания с поэтом Николаем Михайловичем (но тот оказался в отъезде), а по возвращении в город провел у Загряжских еще несколько дней до отъезда в Оренбург. В кибитке поэта появился памятный подарок губернатора: карта Екатеринославской губернии издания 1821 года, на которой Пушкин сделал пометку: «Карта, принадлежавшая Императору Александру Павловичу. — Получена в Симбирске от А.М. Загряжского 14 сент. 1833»¹⁰⁹.

В письмах к жене, написанных на симбирской земле, поэт сообщал о посещениях дома Загряжских, но рассказ о своих впечатлениях от общения с ними отложил до личной встречи в столице. И только в письме к князю В.Ф. Одоевскому, извещающая о выполнении его деликатного поручения, узнать о результатах расследования по делу отчима, Александр Сергеевич счел возможным заметить: «...будучи в Симбирске, видел я скромную отшельницу, о которой мы с Вами говорили перед моим отъездом. Недурна. Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша... Дело ее, кажется, кончено»¹¹⁰. В действительности же в этом полушутливом письме иносказательно, со слов Загряжского, сообщалось, что отчим Одоевского не будет привлечен к ответственности за содействие в побеге Кравковой от родителей.

¹⁰⁹ Рукою Пушкина. — Л., 1935, с. 601-602.

¹¹⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 10. — Л., 1979, с. 354.

Подытоживая связи Пушкина с Загряжским (в столицах и в Симбирске), можно сказать, что между ними были если не дружеские, то приятельские отношения. Известно, например, что в 1836 году Александр Сергеевич с женой бывал на даче у Загряжских, под Петербургом. В свою очередь, Загряжские интересовались жизнью и творчеством великого поэта, были в курсе трагических событий, приведших его к гибели, и остро переживали ее¹¹¹. Примечателен и тот факт, что на Елизавете — дочери губернатора, с которой Пушкин станцевал несколько туров в Симбирске, спустя десять лет женится его младший брат Лев Сергеевич.

Менее чем через год после пребывания Пушкина в Симбирске сюда, после окончания Московского университета, прибыл 22-летний Иван Гончаров. Уступая настояниям своего крестного отца, отставного офицера-моряка Н.Н. Трегубова, многоопытного в житейских делах, молодой человек вместе с ним нанес визиты вежливости влиятельным сановникам города и, конечно, губернатору.

Службу будущего автора «Обломова» в канцелярии симбирского губернатора довольно подробно рассмотрел в своей книге «Гончаров и родной край» доцент Ульяновского пединститута П.С. Бейсов. Руководствуясь мнением А.И. Герцена, что после разгрома декабристов «все передовое и энергическое» было «вычеркнуто из жизни, а дрянь александровского поколения заняла первое мес-

¹¹¹ Русская старина. 1878, № 12, с. 647-648.

то», краевед причислил к этой «дряни» и Загряжского, выведенного в мемуарных очерках «На родине» Гончаровым под именем Углицкого. Это уничижительное суждение П. Бейсов проиллюстрировал пересказом известной версии жандарма Стогова об обстоятельствах назначения Загряжского губернатором (за усердие в день 14 декабря 1825 года), а также указанием на то, что в «Симбирской хронике» содержатся сведения об Александре Михайловиче «как о виртуозном взяточнике, щеголе и ловеласе»¹¹².

Убедительных доказательств в пользу этой оценки в книге не приводится, тем не менее, коснувшись созданного Гончаровым в очерках «На родине» образа губернатора, П. Бейсов заявил, что он, несомненно, идеализирован писателем. «Вместе с тем, — продолжал П. Бейсов, — Гончаров не отказывается и от сатирического изображения его, особенно в сценах, характеризующих Углицкого как «просвещенного» администратора, «искоренителя» взяточничества»¹¹³.

Однако современники не случайно сравнивали очерки «На родине» с «Пошехонской стариной» М.Е. Салтыкова-Щедрина: оба великих автора создали не просто воспоминания, а художественные произведения, в которых за главными персонажами хотя и скрывались реальные лица, но первых отнюдь нельзя отождествлять со вторыми.

¹¹² Бейсов П.С. Гончаров и родной край. — Ульяновск, 1960, с. 34.

¹¹³ Бейсов П.С. Гончаров и родной край. — Ульяновск, 1960, с. 84.

На тщетность попыток рассматривать его воспоминания «На родине» как исторический источник настойчиво указывал сам И.А. Гончаров. «Это не мемуары какие-нибудь, где обыкновенно описываются исторические лица, события и где требуется строгая фактическая правда, — писал он во вступлении к очеркам. — Фон этих заметок, лица, сцены большею частью типически верны с натурой, а иные взяты прямо с натуры... Напрасно было бы отыскивать в моих лицах и событиях то или другое происшествие, то или другое лицо... Другими словами, я желал бы, чтобы в них искали не голой правды, а правдоподобия, и буду доволен, если таковое найдется»¹¹⁴.

Однако секрет той особой тщательности в выписывании Гончаровым внешнего облика Углицкого кроется, несомненно, в высокой степени сходства его с губернатором Загряжским, образ которого цепкая память писателя сохранила до мелочей. Вот каким запечатлел романист своего бывшего начальника: «...красивые правильные черты лица, живые карие глаза с черными бровями, прекрасно очерченный рот с тонкими губами. Взгляд беглый, зоркий, улыбка веселая, немного насмешливая. Стройные, красивые руки с длинными прозрачными ногтями. Дома, в утреннем наряде, с белыми, как снег, манжетами, он смотрел франтом»¹¹⁵.

Благоприятное впечатление у автора очерков осталось и о личности губернатора в целом: «Он

¹¹⁴ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. — М., 1980, с. 268.

¹¹⁵ Гончаров И.А. Собр. соч. Т. 7, с. 290.

бегло говорил по-французски, а русской речью владел мастерски, без книжного красноречия. Она свободно лилась у него, умно, блестяще, с искрами юмора, с неожиданными ловкими оборотами, остроумными сравнениями, антитезами. Я, да и другие тоже, — продолжал Гончаров, — заслушивались его рассказами: он был виртуоз-рассказчик. Он отлично пользовался — не приобретенными систематическим путем, а всячески нахватанными знаниями почти во всем и обо всем... У него в памяти, как у швеи в рабочем ящике, были лоскутки всяких знаний, и он быстро и искусно выбирал оттуда нужный в данную минуту клочок... У него развился взгляд и вкус и в литературе и в искусствах, особенно в живописи»¹¹⁶.

Воздавая должное уму и способностям Загряжского, писатель, тем не менее, отмечал, что, несмотря на активное участие в Отечественной войне, «серьезная, строгая сторона великой эпохи» все же ускользнула от него, и он превратился в искусного чиновника-бюрократа, не способного довести начатое дело до конца. Губернатор, по мнению Гончарова, «в делах по своей должности был очень чуток, наблюдателен и зорек», и «снаружи дело так и кипело у него и около него, — и все-таки ничего нового, живого, интересного во всей административной машине не было... дело оставалось таким же, как он его застал»¹¹⁷.

Впрочем, как раз ко времени появления писателя в родном Симбирске Загряжский (Углицкий)

¹¹⁶ Там же, с. 296.

¹¹⁷ Там же, с. 307.

загорелся очередной идеей – искоренить «нештатные доходы или поборы», о которых не мог не знать подробно. Он даже пригрозил судом двум-трем подчиненным, замеченным в мелких поборах. В такой обстановке без особого труда губернатор уговорил Гончарова начать служебную карьеру не в Петербурге, как тот намечал, а на родине, в должности секретаря губернаторской канцелярии, чтобы тоже бороться с закоренелым злом.

Очень скоро Иван Александрович убедился, что является «подставным» секретарем, а важные дела продолжают вершить те же чиновники канцелярии, что служили в ней и раньше. А постепенно, под энергичным влиянием губернаторши, Гончаров вошел и в роль «подставного кавалера» ее дочери-подростка и стал своим человеком и в апартаментах начальника. Так продолжалось до весны 1835 года, когда неожиданно из Петербурга поступило известие об увольнении Загряжского от должности и причислении к Министерству внутренних дел. Когда же Иван Александрович поинтересовался: «Что за причина? За что?», то губернатор «пролил целое море желчи на жандармов и на всех, кого он подозревал из губернских властей в интриге против него»¹¹⁸.

Сам же писатель, считая, что тот для дел «не сделал ничего ни дурного, ни хорошего, как и его предместники», счел возможным упомянуть о «посторонней службе» причине, которая, по слу-

¹¹⁸ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7, с. 332.

хам, через жандармов «восходила до начальства»: Углицкий «был... женолюбив». Поведая читателям о некоторых его «любвях», Иван Александрович так подытожил эту деликатную тему: «Наконец говорили (это уже сплетня, должно быть), что жених одной красивой девицы... побил его по секрету за... чересчур явное и усердное поклонение своей невесте. Вот это последнее обстоятельство – секретные побои – и послужило будто бы главным мотивом доноса на губернатора, и его отозвали... Я этому не верил и до сих пор не верю, то есть в причину отозвания. Но вообще в романах Углицкого теперь уже сомневаться не могу: сам видел их потом в Петербурге и за границею»¹¹⁹.

В справедливости последнего суждения писателя сомневаться не приходится, ибо губернатор и на самом деле был «женолюбив». Однако, отрицая достоверность слуха о «секретных побоях» как первопричине отозвания его начальника из Симбирска, Гончаров тем самым отвергал измышления жандарма Стогова об интриге, якобы затеянной первым лицом губернии с дочерью князя М.П. Баратаева. Полковник, в частности, утверждал, что Загряжский ходил к ней на свидание, нарядившись старухой: «Он так хорошо загримировался и играл свою роль, что сам отец указал, как пройти к дочери. Загряжский похвастался и опозорил имя девушки. Дворянство ополчилось против него, стали грозить скандалом и даже кулачной расправой... И в конце концов Загряж-

¹¹⁹ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7, с. 337.

ский вынужден был удалиться отнюдь не почетно»¹²⁰.

В опровержении этой клеветы Гончарову, наверное, помогла «Заметка по поводу напечатанных в «Русской старине» воспоминаний г. Стогова», появившаяся 24 января 1879 года в симбирском «Волжском вестнике». Ее автор «Старожил», защищая со знанием дела честь имен Загряжского и Баратаева, вместе с тем подчеркнул, что деятельность самого Стогова в Симбирске ничем не была примечательной, «кроме самовольства».

В очерках «На родине» довольно много говорится о взяточничестве, которое процветало в Симбирске и с которым «все губернское общество не только мирилось», но даже покровительствовало этой системе чиновничьих доходов. Даже, по мнению Гончарова, «всякий священник или благочинный обязательно представлял в год две книги в консисторию, одну метрическую, другую не помню какую, прилагал, смотря по приходу, известную сумму для секретаря: кто сто, кто двести или более рублей»¹²¹.

А вот губернатор, несмотря на то что и квартира у него была обставлена модно, и щегольский экипаж с красивыми лошадьми держал, и картины приобретал недешевые, — «доходов» по должности не имел. «Нет, никогда, — подчеркивал писатель. — Он был очень опрятен, держал себя безукоризненно, джентльменом. Все, что достав-

¹²⁰ Русская старина. 1878, № 12, с. 649.

¹²¹ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7, с. 292.

лялось на губернаторский дом из лавок, оплачивалось немедленно. Так было во все время его губернаторства, и при отъезде его оттуда за ним ни у одного купца, ни в какой лавке не осталось ни гроша долга. Он щеголял этим, как щеголял изящным костюмом от петербургского портного, покроем и белизной белья...»¹²².

Для более полной характеристики «барометра нравственности» своего симбирского начальника Гончаров отметил, что тот «на вечерах играл в карты, если не с азартом, то с значительным увлечением, между прочим и с откупщиком. Злоязычный Янов (сослуживец писателя. — Ж.Т.) рассказывал, что «откупщику не везет в игре»... «Зачем же он не бросит, если проигрывает?» — спросил я. Янов засмеялся и похлопал меня по коленке»¹²³. И все-таки нельзя сказать, что карточные выигрыши у богача-откупщика — это замаскированное получение взятки. Во-первых, губернатор имел богатейший опыт карточной игры и снимал банк, как говорится, законно. А во-вторых, откупщик продолжал азартную игру, несмотря на проигрыш, в надежде на удачу, да и потому, что нравилось такое времяпрепровождение, к тому же за одним столом с первым лицом города и края. Словом, за такой почет не жалко было тряхнуть мошной.

Как бы продолжая полемику со Стоговым, утверждавшим о глубокой неприязни между гу-

¹²² Там же, с. 298.

¹²³ Там же, с. 299.

бернатором и дворянством, Гончаров показывает в своих очерках, какими многолюдными и теплыми оказались проводы, устроенные в мае 1835 года отъезжавшему сановнику. После того как дворянство дало обильный прощальный завтрак, желающих проводить за город Загряжского набралось так много, что если бы существовала железная дорога, то понадобился бы целый поезд. «Впереди ехал дормез с губернатором и его семейством, — рассказывал Иван Александрович... — А затем на полверсты растянулась вереница экипажей с проводятыми обоим пола. Поезд замыкался коляской-тарантасом, где помещались я и Пряхин (писатель и его сослуживец. — *Ж.Т.*), с лакеем на козлах. А сзади нас — бричка с прислугой: горничной, камердинером, еще лакеем и мальчиком»¹²⁴.

Наконец, сам факт того, что Гончаров отправился из родного города в Петербург вместе с Загряжским, является убедительным свидетельством его лояльного отношения к бывшему начальнику. Только этим объясняется общение писателя с этим типичным сановником николаевской эпохи и в последующие годы, причем как в столице, так и за границей.

Небезынтересно, как вообще сложилась судьба Загряжского после расставания с Симбирском. С 1837 года он — член консультации при министре юстиции и в 1841 году удостоивается чина действительного статского советника, то есть штатского генерала. В последующие десятилетия Алек-

¹²⁴ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7, с. 338.

сандр Михайлович служит в Новороссийском крае, во время Крымской войны возглавляет дружину государственного ополчения Московской губернии, а завершает казенную службу аж в 1867 году, состоя при министре внутренних дел в чине тайного советника (приравненного к званию генерал-лейтенанта).

Скончался он в Москве в глубокой старости 11 июля 1883 года и похоронен рядом с могилами родных в Андрониковском монастыре. В некрологе, появившемся в «Московских ведомостях», подчеркивалось, что к А.М. Загряжскому благоволили императоры Александр II и Александр III, а сам он был «дружен со многими нашими и иностранными живописцами, виртуозами, композиторами, учеными и литераторами, а с Александром Сергеевичем состоял не только в дружбе, но и в близком родстве».

Однако отношения А.М. Загряжского с деятелями литературы и искусства, даже с такими корифеями, как Пушкин и Гончаров, далеко не изучены. Ждет своего исследователя рукописное наследие бывшего симбирского губернатора.

Глава 11

«ОТКУПЩИК» БЕНАРДАКИ

В автобиографических очерках «На родине» Иван Александрович Гончаров довольно подробно воссоздал страницы своей послеуниверситетской жизни в Симбирске с июля 1834-го до мая 1835 года.

С неослабевающим интересом читаем мы описание внешнего вида города, царившей в нем общественной атмосферы, образа губернатора А.М. Загряжского и его семейства, а также быта и нравов дворянства и чиновной бюрократии, с которыми будущему романисту, исполнявшему должность «подставного» секретаря губернатора, пришлось сталкиваться как в официальной обстановке, так и в часы досуга.

Хотя Иван Александрович и писал свои воспоминания полстолетия спустя после происшедших событий, тем не менее фамилии всех основных действующих лиц в очерках «На родине» изменены, а некоторые из них оказались вообще безымянными. И делалось это романистом неспроста. «Напрасно было бы, — писал он в предисловии к очеркам, — отыскивать в моих лицах и событиях то или другое происшествие, то или другое лицо... Другими словами, я желал бы, чтобы в них иска-

ли не голой правды, а **правдоподобия**, и буду доволен, если таковое найдется»¹²⁵.

Несмотря на это предупреждение, М.Ф. Супера-ранский, П.С. Бейсов и другие краеведы прилагали немало сил, чтобы выяснить, кем же были прототипы этих «лиц», и объяснили читателям-землякам, что прототипом Углицкого был Загряжский, Якубова – Трегубов, Бравина – Баратаев, и, опираясь на документы и мемуары современников, внесли уточнения или дополнения в биографии действительных лиц или в суть реально происходивших событий. В очерке «Губернатор Загряжский» я тоже занимался подобного рода исследованиями. Однако долгое время не мог в полной мере представить себе личность деятеля, который в очерках «На родине» проходит как «**откупщик**» (откупщик – это деятель, откупивший у казны монопольное право на торговлю хлебом, вином или на рыбные ловли¹²⁶).

Напомню, что говорится в них об этом преуспевающем предпринимателе. Вскоре после прибытия Ивана Александровича из Москвы в Симбирск его крестный, отставной офицер-морьяк Н.Н. Трегубов, во время прогулки по Большой Саратовской улице показал на возведенную откупщиком новостройку – здание с вывеской: «Питейная контора»¹²⁷. Злые языки утверждали, что откупщик

¹²⁵ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. – М., 1980, с. 268.

¹²⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, 1989. Т. 2, с. 732.

¹²⁷ Гончаров И.А. Т. 7, с. 277.

одаривает «приношениями» многих чиновников. Да и губернатор в разговоре с Гончаровым подтвердил, что, как только он прибыл в Симбирск (в 1831 году) на должность губернатора, откупщик действительно явился к нему с предложением (согласно установленному «обычаю») ежегодных «субсидий» к скромному казенному жалованью, но получил решительный отказ. Загряжский добавил при этом, что в противном случае пришлось бы ему делать «по откупам разные потворства», например, «разрешать откупщику спускать на расшивах хлеб в низовья Волги».

Воссоздавая этот эпизод, Иван Александрович отметил, что спустя полвека совершенно забыл: «Какой это хлеб и почему его нельзя было отпустить», и тем не менее по тону очерка заметно, что наш романист в принципе с неприязнью относился к откупщикам вообще и к симбирскому в частности. Поэтому полуосуждающе выглядят его слова о том, что губернатор «на вечерах играл в карты, если не с азартом, то с значительным увлечением, между прочим, с откупщиком».

Кем же именно был этот таинственный коммерсант? Ответ на этот вопрос нашелся в воспоминаниях симбирского губернатора И.С. Жиркевича (сменившего Загряжского) и жандармского штаб-офицера Э.И. Стогова (в гончаровских очерках «На родине» он выведен как «Сигов»), публиковавшихся в журнале «Русская старина» в 1878 году: откупщиком был Бенардаки.

Эту греческую фамилию я не раз встречал в мемуарной литературе. Так, академик М.П. По-

годин, вспоминая о встречах с Н.В. Гоголем во время лечения водами летом 1839 года в немецком курортном городке Мариенбад, с почтением упоминал и о Бенардаки: «Всякий день после ванны ходили мы втроем, я, он и Гоголь, по горам и долам, и рассуждали о любезном отечестве – Гоголь выпрашивал его об разных типах и верно дополнял галерею оригинальными портретами, которые когда-нибудь увидим мы на сцене»¹²⁸.

Но самую высокую оценку личности Бенардаки дал сам Николай Васильевич Гоголь в письме к П.В. Нащокину (другу А.С. Пушкина): «Я с первых разговоров с ним уже увидел человека, владеющего верным пониманием вещей, истинной мудростью, которая дается умному человеку только разносторонним общением с людьми различных характеров и сословий»¹²⁹. Естественно, что при работе над «Мертвыми душами» Гоголь не забывал и того, что слышал из уст необычного предпринимателя Дмитрия Егоровича (так называл он Бенардаки). М.П. Погодин отмечал в связи с этим: «Бенардаки, знающий Россию самым лучшим и коротким образом, бывший на всех концах ее, рассказывал нам множество разных вещей, которые и поступили в материалы «Мертвых душ», а характер Костанжогло во 2-й части писан в некоторых частях прямо с него»¹³⁰.

¹²⁸ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. 11. – М., 1952, с. 416.

¹²⁹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. 12. – М., 1952, с. 556.

¹³⁰ Русский архив. Историко-литературный сборник. – М., 1865, с. 278.

Некоторые же литературоведы полагают, что отдельные черты личности Бенардаки отразились и при создании Гоголем образа другого положительного героя «Мертвых душ» – Муразова. Это предположение закономерно, но, не вдаваясь в подробности этой дискуссии, остановлюсь на краеведческом аспекте в деятельности «откупщика», интерес к которому зародился при чтении гончаровских очерков «На родине».

Прежде всего необходимо было найти подтверждение самого факта проживания Д.Е. Бенардаки в Симбирске во время службы И.А. Гончарова у Загряжского. Задача эта не из простых, ибо большая часть губернских архивов погибла во время грандиозного пожара 1864 года. И лишь случайно, при просмотре метрических книг Вознесенского собора за 1834 год, попалась мне внешне ничем не примечательная запись от 11 марта. Она гласила, что у отставного поручика графа Александра Дмитриевича Толстого и его законной жены Александры Федоровны родился сын Алексей, воспитателями которого были отставной штаб-ротмистр Дмитрий Егорович Бенардаки, тайная советница Варвара Александровна Ланская и отставной майор Петр Петрович Бабкин¹³¹.

Теперь можно смело утверждать, что гончаровский «откупщик» и Д.Е. Бенардаки, прототип положительного героя гоголевских «Мертвых душ», – это одно и то же лицо, причем в 1834 году пользовавшееся высоким уважением таких санов-

¹³¹ ГАУО. Ф. 134, оп. 6, д. 1, л. 26.

ных симбирян, как граф Толстой, генеральша Ланская и один из образованных и богатых помещиков – Бабкин.

Истоки уважения окружающих к Д.Е. Бенардаки – в его романтическом прошлом. Выходец с греческого острова Крит, Дмитрий Егорович в молодости участвовал в освободительной борьбе своего народа против османского ига. В начале 1820-х годов он, как и многие другие образованные патриоты-сородичи, эмигрировавшие в Россию, был принят на службу в армию и дослужился до чина поручика. Когда энергичный Бенардаки вышел в отставку, то стал добывать средства к жизни коммерцией в Таганроге, где, кстати, участвовал во встрече Александра I, а потом и в траурных церемониях по почившему императору.

Почему Бенардаки покинул Таганрог, где обитало немало греков, и в 1820-х годах перебрался в далекое Поволжье, – можно строить только предположения. Возможно, что определяющую роль в этом сыграл сородич Бенардаки Иван Андреевич Варваца (получивший за героизм в знаменитом Чесменском сражении российское дворянство). В Таганроге коммерсанты Варваца и Бенардаки прославились своей благотворительностью, а потом оба оказались в Астрахани, где Дмитрий Егорович даже построил содовый завод. И все-таки он оставил Астрахань, являвшуюся как бы вотчиной Варваца, и не без его влияния переехал в Симбирск, занимавший выгодное географическое положение, чтобы развернуть крупную торговлю хлебом в Верхнем и Нижнем Поволжье, на Урале

и в обеих столицах. Примечательно, что почти одновременно с Бенардаки в конце 1820-х годов в Симбирске появился внук Варвацы поэт Дмитрий Петрович Ознобишин, который после ухода в отставку решил осесть в отчем крае. Небезынтересно, наконец, и то, что родственники поэта, да некоторое время и он сам, подобно Бенардаки, годы спустя, владели акциями сибирских золотых приисков и даже были причастны к откупам.

В 1831 году, когда симбирский губернатор А.Я. Жмакин сдавал дела А.М. Загряжскому, Дмитрий Егорович уже являлся представителем солидной петербургской коммерческой фирмы и крупным откупщиком, выполнявшим заказы казны на поставки партий зерна. Вот как описывается в «Записках» И.С. Жиркевича, являвшегося в 1835-1836 годах симбирским губернатором, процесс быстрого накопления Бенардаки своего капитала.

Узнав, впрочем, как и другие предприниматели, что казна создает в Мелекессе крупный винокуренный завод, Дмитрий Егорович берет в аренду 20 с лишним ближайших к заводу мельниц и создает при них большие запасы муки. Когда же были объявлены торги на поставку заводу 115 тысяч четвертей муки, то Бенардаки, идя навстречу пожеланиям губернатора Жиркевича, выполнил этот заказ по цене 8 руб. 90 коп. за четверть (около 90 коп. за пуд), и это в то время, когда другие поставщики требовали на три рубля дороже. Поскольку сам-то Дмитрий Егорович приобрел зерно в такое время, когда оно стоило на рынке

немногим более 5 руб. за четверть, то его барыш составил больше 400 тысяч рублей.

О выгодности иметь дело с Бенардаки (ведь если бы не он, казна бы вынуждена была переплатить другим торговцам сотни тысяч рублей, да к тому же не получила бы зерна к пуску завода) губернатор Жиркевич довел до сведения министра финансов, «отца откупной системы» в России Е.Ф. Канкрин. А тот вызвал к себе Бенардаки и дал ему заказ на поставку Мелекесскому заводу 180 тысяч четвертей хлеба по цене 6 руб. 50 коп. Наш предприниматель уложился в цену, на полтора рубля меньшую, и заработал еще 270 тысяч рублей. И.С. Жиркевич в своих «Записках» подчеркнул: «Эти два подряда, как мне говорил сам Бенардаки впоследствии, положили главное основание всему его богатству»¹³².

Несмотря на финансовые успехи, Дмитрий Егорович вел довольно скромный образ жизни и общался, главным образом, с интеллектуальной элитой Симбирска. В приятельских отношениях он находился с князем М.П. Баратаевым, бывшим главой масонской ложи, известным знатоком нумизматики, с суворовским сподвижником генералом П.Н. Ивашевым (отцом декабриста), с бывшим адъютантом Суворова А.А. Столыпиным (попечителем гимназии), с губернским предводителем дворянства Г.В. Бестужевым (генерал-майором в отставке). И даже губернатор И.С. Жиркевич, убедившись в моральной чистоплотности

¹³² Русская старина, 1878, № 9, с. 54.

Бенардаки, неоднократно прибегал к его консультациям по вопросам торговли в интересах казны и в своих «Записках» заявил, что Дмитрию Егоровичу были присущи «чувства и дарования в самом блестящем и благородном виде»¹³³.

Но как ни привык Бенардаки к городу на Волге, рано или поздно должен был наступить момент, когда предприниматель такого размаха захочет испытать свои силы и знания на другом поприще и в другом месте. Такой момент настал 15 ноября 1840 года, когда он (как сообщил мне Ю.Д. Ефимов) продал свое усадьбное место на набережной реки Свияги с основанными им «пивоваренным и водочным заводами» купеческой жене К.В. Сусоковой и сменил Симбирск на Петербург, где надеялся дать хорошее образование своим детям и найти новые возможности для достойного применения капитала.

Там, в столице, снова скрестились пути-дороги Дмитрия Егоровича с автором «Мертвых душ». Значительная часть привилегированного общества встретила выход в свет гениальной поэмы Гоголя враждебно. Поэт же Николай Языков, наслаждавшийся чтением этого творения своего друга, просил в связи с этим в июле 1842 года из немецкого курорта Ганау своего брата Александра Михайловича сообщить ему о том, какое впечатление произвели «Мертвые души» «на губернских и уездных дворян у нас в Симбирске... Как смотрят они на это живое зеркало, столь верно и

¹³³ Русская старина, 1878, № 9, с. 54.

нелестно показывающее им самим образ их или образины»¹³⁴. Бенардаки же – а он тоже являлся российским дворянином и предпринимателем – по словам мемуариста С.Т. Аксакова – «был единственным человеком в Петербурге, который называл Гоголя гениальным писателем» и знакомство с ним «ставил себе за большую честь»¹³⁵.

В свою очередь, мнение у Гоголя о Бенардаки, с которым писатель встречался летом 1842 года в Петербурге, сложилось чрезвычайно высокое. В июле 1842 года, сразу же по возвращении в Гастейн, Николай Васильевич в письме к П.В. Нащокину настоятельно советует ему «сойтись с Бенардаки, человеком понимающим глубже вещи, нежели другие, владеющим ясным, верным взглядом и умом глубоко практическим...». Горячо убеждая Нащокина, нуждавшегося в средствах для содержания семьи, взять на себя роль наставника сына Бенардаки, Гоголь прибег и к такой аргументации: «Вспомните, что тому, кого вы образуете, предстоит поприще большое, может быть, даже государственное. Уже одни его богатства дадут ему всегда возможность иметь сильное влияние в России. Отец его приобрел богатства сии силою одного ума и глубоких соображений, а не удачами и слепым счастьем, и потому они не должны быть истрачены втуне. Они должны употреблены быть на прекрасные дела. Может быть, счастье многих будет зависеть от вас»¹³⁶.

¹³⁴ Языков Н.М. Свободомыслящая лира. – М., 1982, с. 267.

¹³⁵ Аксаков С.Т. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. – М., 1986, с. 41.

¹³⁶ Гоголь Н.В. Т. 12, с. 76.

В письме же к Бенардаки Гоголь, независимо от того, кто именно будет заниматься образованием его сына, напоминает о своем понимании процесса обучения и воспитания. Во-первых, он – против торопливого обременения ума ребенка «множеством разнородных наук», не оставляя «времени и возможности помыслить и оглянуть взором наблюдателя самое приобретенное знание». Во-вторых, Николай Васильевич убежден, что всякая наука должна сообщаться ребенку «сколько возможно в соприкосновении с жизнью». И, наконец, по мнению писателя, «надобна осторожность в отношении к языкам» – изучение их должно вестись не во вред «оригинальному и национальному развитию мысли»¹³⁷.

По различным обстоятельствам П.В. Нащокин не стал наставником сына Бенардаки, но советы Гоголя пали на благодатную почву: Дмитрий Егорович к обучению и воспитанию своих детей привлекал не только первоклассных педагогов, но и такого известного литератора, как А.В. Никитенко¹³⁸. Забегая вперед, замечу, что сын симбирского «откупщика» Николай Дмитриевич Бенардаки переведет на английский язык «Горе от ума» А.С. Грибоедова и издаст его в 1857 году в Лондоне. В следующем году в Петербурге выйдет составленный им в соавторстве с Богушевичем «Указатель статей серьезного содержания», помещенный в журналах «Сын Отечества», «Библиотека

¹³⁷ Гоголь Н.В. Т. 12, с. 79-80.

¹³⁸ Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. – М., 1955, с. 372, 374.

для чтения», «Финский вестник», «Северное сияние», «Репертуар», «Пантеон» и «Московский телеграф». Этот фундаментальный труд и в наши дни является незаменимым пособием для изучающих российскую словесность XIX века. Вместе с женой-певицей, Лидией Павловной, Николай Дмитриевич десятилетиями жил в Париже, где был основным пропагандистом русской музыки. Наконец, с 1870-х годов на Волге курсировал пароход «Николай Бенардаки»¹³⁹.

Сбылось в жизни гоголевское предвидение относительно возможного употребления богатства Бенардаки на полезные для России дела. Дмитрий Егорович, чутко реагируя на потребности экономического развития страны, сыграл выдающуюся роль в становлении отечественного судостроения. В 1849 году в нижегородском селе Сормово он как учредитель акционерной пароходной компании начал возведение кузнечного, литейного, котельного и других производственных корпусов, а также пяти жилых бараков. А уже в следующем году со стапелей Сормовского завода сошел на воду пароход «Астрахань»¹⁴⁰.

В литературе, посвященной заводу, вошедшему в историю как «Красное Сормово», говорится о том, что Д.Е. Бенардаки в 1860 году стал единоличным его владельцем, что со временем здесь будут сооружаться двухпалубные пассажирские

¹³⁹ Большая энциклопедия. Т. 3. – СПб., 1905, с. 31.

¹⁴⁰ Парусов А.И., Шульпин П.И. 100 лет завода «Красное Сормово». – Горький, 1949, с. 7-8.

пароходы американского типа, а также лучшие в России «кресло-кроватьные вагоны 1 класса» и все необходимые для железнодорожного транспорта принадлежности. В Сормово заработает и первая в стране мартеновская печь. А с середины 1860-х годов стекольный завод петербургского купца 1-й гильдии Д.Е. Бенардаки, расположенный близ Выборга, выпускал прекрасное стекло, имевшее широкий сбыт в обеих столицах России и в Финляндии¹⁴¹. В эту пору Дмитрий Егорович значился и петербургским домовладельцем. Во вместительном и изящном зале его особняка на Невском проспекте (недалеко от Аничкова моста) происходили литературные чтения и концерты, в которых принимали участие виднейшие литераторы и музыканты. И без преувеличения можно сказать, что «зала Бенардаки» считалась одной из достопримечательностей Петербурга. Наш поэт-земляк Д.Д. Минаев не раз бывал здесь и в сатирическом стихотворении «Кто он?» (1865) тоже увековечил известный в столице салон:

*В зале Бенардаки
Чтение... народ...
Он уж в черном фраке
Пробрался вперед
Слушать прелесть слога
И живой куплет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ¹⁴².*

¹⁴¹ Указатель Московской выставки... — М., 1865, с. 11.

¹⁴² Минаев Д.Д. Стихотворения. — Куйбышев, 1947, с. 115.

Мемуарист А.В. Никитенко, отмечая в своем «Дневнике» за 17 апреля 1863 года свои впечатления о торжествах по случаю отмены в России телесных наказаний, подчеркнул, что на Невском проспекте «особенно хорошо были иллюминированы дома Бенардаки, Кокарева, Гостиный двор, дума и проч.¹⁴³. И.С. Тургенев в письме к Полине Виардо в Париж от 19 января 1864 года в числе других новостей сообщил о своих впечатлениях от слушания 127 квартета Бетховена, который «в зале Бенардаки» дал знаменитый скрипач Венявский¹⁴⁴. С 1865 года во флигеле при доме Бенардаки жил М.А. Балакирев, у которого часто встречались композиторы «Могучей кучки». Неудивительно, что после национализации бывший дом Бенардаки стал прибежищем культурно-просветительных учреждений. Ныне дом № 86 на Невском проспекте значится как «Дворец театральных деятелей им. К.С. Станиславского».

Справедливости ради на этом дворце должно быть увековечено имя и Дмитрия Егоровича Бенардаки. А в справочной литературе следовало бы указывать не только то, что он был откупщиком, но и одним из крупнейших предпринимателей, содействовавших прогрессу машиностроения в России, видным меценатом, которого уважали Н.В. Гоголь, многие литераторы, музыканты, художники и просветители.

Такова вкратце суть моего исследования, родившегося после чтения автобиографических

¹⁴³ Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. — М., 1955, с. 326.

¹⁴⁴ Тургенев И.С. ПСС. Письма. Т. 6. — Л., 1963, с. 611.

очерков И.А. Гончарова «На родине» о неизвестном «откупщике» Симбирска. Известно, что Д.Е. Бенардаки скончался в Петербурге в 1870 году.

Очерк «Откупщик Бенардаки» был опубликован в 1998 году. Впоследствии я разыскал новые сведения о выдающейся роли Д.Е. Бенардаки в экономической и культурной жизни России и дружественной Греции. Итак, обратимся к новым находкам.

...В середине 1830-х годов, будучи миллионером, 35-летний отставной поручик Бенардаки из Симбирска перебрался в Оренбуржье, а в 1837 году приобрел Верхне-Троицкий и Усень-Ивановский медеплавильные заводы (находившиеся в Белебеевском уезде), вместе с двумя тысячами душ крепостных, а также около 74 тысяч десятин земли и пять медных рудников. В этом же крае Дмитрий Егорович создает Нижне-Троицкую суконную фабрику и занимается разведением многотысячных отар овец.

В ноябре 1840 года Бенардаки продает в Симбирске свое усадебное место на набережной реки Свияги с основанным им пивоваренным и водочным заводами купеческой жене К.В. Сусоколовой, окончательно расстается и с Симбирском, и с Поволжьем и становится постоянным жителем Петербурга, владельцем солидной недвижимости.

Важный вклад внес Дмитрий Егорович в освоение природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Соорудив в Красноярске особняк (в котором некоторое время обитал состоявший у него на службе ссыльный революционер-анархист

Михаил Бакунин), Бенардаки занялся поисками и разработкой золотых россыпей. К нему, как к энергичному предпринимателю, в 1868 году перешел на службу Павел Петрович Аносов, известный ученый, специалист по машинной промывке золотой породы. В том же году они основали совместную «Верхне-Амурскую компанию для разработки золота в районе верхнего Амура». Замечу, что сыновья Дмитрия Егоровича образуют в 1871 году первую частную компанию для почтово-пассажирского сообщения по Амуру.

Д. Бенардаки много странствовал по России, бывал в странах Европы, но его главная контора с 1840-х годов находилась в Петербурге, где он владел 14-ю домами в разных частях города. Всеобщей известностью пользовался красивый особняк в центре Невского (ныне занимаемый работниками искусств). Знатоков искусства сюда влекло богатое собрание картин и скульптур, и П.М. Третьяков считал большой удачей, что ему удалось-таки приобрести у Дмитрия Егоровича несколько полотен для своей галереи в Москве.

По многочисленным свидетельствам современников, Дмитрий Егорович от души любил Россию. В то же время он был горячим патриотом Греции, боровшейся за свое освобождение от османского ига, и систематически помогал родине своих предков. «Кто не знает щедрых пожертвований на национальный университет (в Афинах. — **Ж.Т.**), — вспоминал в связи с этим греческий посланник в Петербург, — на Археологический музей, на сиротское училище и многие другие учреждения? Ка-

кой национальный гвардеец не знает, что Д.Е. Бенардаки доставил Отечеству ружья, которое и он носит... Поэтому Национальное собрание Греции в 1862 году, согласно желанию всех эллинов, провозгласило его великим гражданином Греции, а правительство даровало ему большой крест ордена Спасителя. В свою очередь, профессора Афинского университета, в знак посильной дани глубокой признательности, избрали его почетным президентом Собрания 1862 года». К этим словам посланника следует добавить, что на средства Дмитрия Егоровича одаренные греческие юноши получали специальное и высшее образование, в том числе и в России. А его сыновья подарили греческим воинам целую батарею пушек.

Любопытным документом, характеризующим Д.Е. Бенардаки как отца семейства, является его духовное завещание, составленное в Петербурге 12 апреля 1870 года. Свое состояние (оцениваемое исследователями в 18 миллионов рублей) он предоставлял сыновьям Константину, Леониду и Николаю. Дочерям же – Вере (по мужу баронессе Талейран-Пешор) и Елизавете (в замужестве графине Перкенштейн) – доли согласно брачным контрактам. Дочере Людмиле, обитавшей в Новгородском девичьем монастыре, полагалось ежегодное пособие в 4500 рублей, а внучке (от скончавшейся дочери Александры) Прасковье Абаза – 300 тысяч и набор драгоценностей).

Изложив эту волю, Бенардаки обратился к сыновьям с заветом: «Избегая расточительности, всегда влекущей за собой гибельные последствия,

будьте рассудительны в употреблении своего достояния и обращайтесь его на дела истинно полезные, достойные людей образованных. Подобно сему, — говорилось далее в завещании, — и дочери мои да не увлекутся блеском и тщеславием, всегда помня, что не в этом, а только в недрах своего семейства и в благих побуждениях собственного сердца найдут они самые высокие наслаждения на земле».

Вскоре, согласно предписаниям врачей, Дмитрий Егорович отправился на лечение в Германию, но, увы, 28 мая он скончался в Вестбадене. Родные, согласно воле покойного, перевезли его мумифицированное тело в Петербург. В воскресенье 21 июня 1870 года в греческую посольскую церковь (воздвигнутую на средства Д.Е. Бенардаки) для прощания с Дмитрием Егоровичем прибыли государственный канцлер князь А. Горчаков (лицейский товарищ А. Пушкина), управляющий министерством государственных имуществ князь М. Оболенский, член Государственного совета Д. Замятин, сенатор Е. Веневитинов, другие высокопоставленные сановники, греческая колония в полном составе, многочисленные жители столицы.

Греческий журналист привел ранее неизвестные для меня подробности детства и юности Дмитрия Егоровича. Оказывается, уже его отец, происходивший из благородного семейства Кандии, переселился из Греции в Россию, где занялся коммерцией. Здесь, точнее, в Таганроге, и родился наш герой. Юношей он поступил на службу в

российскую армию, где за заслуги удостоился чина поручика. По выходе в отставку он вернулся в родной Таганрог и тоже занялся торговлей. Потом были Петербург, Астрахань и Симбирск, многие другие города и веси России.

Остановлюсь вкратце на судьбе некоторых членов его семьи. Его старший сын Николай родился в 1830 году в Симбирске. Получив прекрасное образование, Николай Бенардаки занялся переводческой работой и библиографическими изысканиями. Другие сыновья миллионера Константин и Леонид Бенардаки одно время шли по пути отца, но терпели убытки и в конце концов отказались от предпринимательской деятельности.

И последнее. Даже в крупнейших книгохранилищах не нашлось изображения Д.Е. Бенардаки, и только недавно, после долгих поисков (с помощью журналиста В. Морякова), я получил из музея завода «Красное Сормово» фотокопию портрета Дмитрия Егоровича. Теперь наши читатели имеют возможность представить облик этого видного деятеля России 1820-1860-х годов. Очень надеюсь, что мой рассказ заинтересует биографов Бенардаки в Греции, и мы узнаем немало нового о человеке, который оставил свой след и в Симбирске.

Глава 12

«ВОСПОМИНАНИЯ» ГАВРИИЛА ПОТАНИНА

Гавриил Никитич Потанин, уроженец Симбирска, в 1840-х годах, будучи гимназистом, был домашним учителем детей Минаевых и Гончаровых. В начале 1860-х годов Потанин – сотрудник столичных журналов «Современник» и «Русское слово» – представлял собою как писатель, по выражению Н.А. Некрасова, «талант большой и русский». А на склоне лет, в 1901 году, он опубликовал в «Самарской газете» свои «Воспоминания о Гончарове», которые в расширенном виде были напечатаны в 1903 году в столичном «Историческом вестнике». С сокращениями они включены в 1964 году в сборник «И.А. Гончаров в воспоминаниях современников». С тех пор они перепечатывались неоднократно. И удостоились этой чести потому, что являются единственными относящимися к симбирскому периоду жизни И.А. Гончарова и его пребыванию на родине летом 1849 года. «И в этом их неоспоримая ценность. Однако они в большей мере, чем воспоминания других авторов, – отмечают исследователи, – грешат неточностями и фактическими ошибками».

На изъяны в воспоминаниях 80-летнего Потанина, вообще склонного к излишнему беллетризированию и вымыслу, указывали в своих работах начала XX века симбирянин-литературовед

М.Ф. Суперанский и французский гончаровед А. Мазон. Свою лепту в исправление неточностей и ошибок, вкравшихся в мемуары Потанина, внесли исследователи А.Г. Цейтлин, А.Д. Алексеев и О.А. Демиховская. Я же остановлюсь на тех недостоверных местах воспоминаний Потанина, которые относятся к пребыванию Гончарова в Симбирске в июле-сентябре 1849 года.

Но сначала напомним некоторые подробности из воспоминаний Гавриила Никитича, обогащающие наши сведения о родителях великого романиста, а также об обстановке, в которой протекали его детство и юность. «Отец Гончарова, Александр Ильич (надо – Иванович. – **Ж.Т.**), пользовался почетом в городе: его много раз выбирали городским головой. На портрете (не дошедшем до нас. – **Ж.Т.**) старик Гончаров изображен видным мужчиной, среднего роста, белокурый, с голубовато-серыми глазами и приятной улыбкой, лицо умное, серьезное; на шее медали. Мать Гончарова, Авдотья Матвеевна, умная и солидная женщина, обратила на себя внимание императора Александра Павловича, танцевавшего с ней на купеческом балу в 1825 году. Об этом счастливом времени старушка всегда с восторгом рассказывала детям и внукам и под веселый час, отпирая сундуки, показывала нам наряды старого времени».

А как красочно передал Потанин рассказ отставного офицера-морьяка Николая Трегубова о своем крестнике Ванюше Гончарове: «Этот был мальчик живой, огонь. Бывало, как начнешь рассказывать что-нибудь из моих скитаний по бе-

лу свету, так он, кажется, в глаза готов впрыгнуть, так внимательно все слушает, да еще надоедает: «Крестный, скажи еще». Так, бывало, и пройдет весь день с ним в болтовне». Или обрисовал внешний вид сельского священника Ф.С. Троицкого, в пансионате которого (в Архангельском) обучался 9-10-летний Ванюша: «В доме Гончаровых я часто видел протоиерея Троицкого уже стариком, но и тогда он был красавец и щеголь, одевался в бархат, имел приятный голос, увлекательно говорил... В доме Гончаровых протоиерей Троицкий был такая почетная личность, что его встречали как архиерея».

Нетрудно заметить в мемуарах Гавриила Никитича и явное преувеличение роли «важного лица» — брата Н.Н. Трегубова, якобы служившего в Петербурге и всячески помогавшего Ивану Александровичу: «Захочет путешествовать Гончаров, и сам министр предлагает исполнить его страстное желание: «сделать морскую кампанию», как выразился когда-то его крестный отец. Задумал Гончаров карьеру сделать, и карьера сделана; захотел он высших почестей, и судьба ведет его ко двору, и там он видный человек. Император Александр III, в бытность в Симбирске, посетил гимназию, и когда директор представил ему учителей, он обратил милостивое внимание на фамилию Николая Александровича Гончарова и ласково спросил:

— Я коротко знаком с нашим петербургским Иваном Александровичем, а вы, господин Гончаров, как ему приходится: родственник или одноклассник?

– Родной брат, ваше величество! – ответил Николай Александрович, по обычаю, робко и застенчиво».

Замечу сразу, что взгляд Потанина на «карьеру» Ивана Гончарова сродни молве обывателей. Что касается «императора Александра III», то он бывал в Симбирской гимназии в 1869 и 1871 годах, но он тогда был цесаревичем – наследником и еще «коротко» не был знаком с романистом Иваном Гончаровым.

Для исследователей, да и широкого читателя, представляют интерес те места в воспоминаниях Потанина, где говорится о симбирском доме Гончаровых и дворе, по которому «бегали цесарки и павлины». «Обстановка его была барская: большой зал с люстрой, нарядная гостиная с портретом хозяина и неизбежная диванная; на двор окнами – кабинет хозяина, спальная хозяйки и большая, светлая комната для детей... Старый слуга Гончарова мне говорил, что у каждого была своя потеха: кто держал голубей, кто собак, кто заводил ворона как ястреба – значит, всякий по своему вкусу; благородные пташки, канареечки или соловушки, ну, те уж там висели, в барских комнатах, потешали господ». Вот в какой благодати родился и жил Иван Александрович в первые годы младенчества».

Любопытный читатель в мемуарах Гавриила Никитича встретит и другие любопытные исторические штрихи. Я же остановлюсь подробно на тех страницах, в которых повествуется о пребывании романиста на родине летом 1849 года.

В опубликованных в историческом вестнике «Воспоминаниях о Гончарове» Потанин настойчиво подчеркивает, что он в это время учился в выпускном классе симбирской гимназии, а по вечерам был учителем детей сестры романиста А.А. Кирмаловой, проживавшей в доме Гончаровых. Он утверждал, что летом благодаря старшему брату Николаю Александровичу, преподавателю русского языка в гимназии, симбиряне с радостным любопытством ждали приезда земляка, автора нашумевшего романа «Обыкновенная история». «Помню, – говорится в потанинских мемуарах, – как новый учитель словесности, Грумм-Гржимайло, опрометью вбежал к нам в 7-й класс и торопливо спросил: «Потанин здесь? А вот... Я слышал, вы даете уроки в доме Гончаровых, пожалуйста, не забудьте тот час же известить меня, когда придет наш новый литератор. Я знаком с Иваном Александровичем еще по Петербургу», – и убежал». Доцент П.С. Бейсов, процитировав эти строки в своей книге «Гончаров и родной край», напомнил и о непосредственной причине возросшего интереса читающей России к личности Гончарова: в апреле 1849 года в некрасовском «Литературном сборнике» был напечатан «Сон Обломова. Эпизод из неоконченного романа».

«Первые дни по приезде писателя, – читаем в «Воспоминаниях» Гавриила Никитича, – были проведены празднично. В эти праздничные дни не было даже уроков, и я с неделю к Гончаровым не ходил. Наконец, настал и мой страшный день: представление гимназиста литератору. «Госпо-

ди! — думал я в отчаянии. — Как это я, несчастный, с заплатанными сапогами, продранными локтями, оторванной пуговкой и смятым стоячим воротником, покажусь такому щеголю, какого свет не производил?..»

— Пойдемте, я вам брата покажу, — явилась веселая Александра Александровна в классную. И повела меня в гостиную литератору показать. К счастью моему, в гостиной не было ничего страшного: Иван Александрович беседовал с гувернанткой Варварой Лукиничной и, должно быть, очень весело, потому что гувернантка хохотала чуть не до истерики...

— Брат, вот тот учитель, о котором я с тобой говорила, господин Потанин.

— А, приятно слышать! — отозвался тот небрежно и осмотрел меня с головы до ног, впрочем, подал руку и пригласил: — Присядьте, побеседуем...

В это время за матерью вбежали два моих ученика.

— Ну, а как вот эти сорванцы, мои племяши, зовут вас в классе: педагог или педагог?.. Извините, что я экзаменую вас, как ученика... Вы, кажется, в последнем классе?

— Да, в седьмом.

— А много ли из вас кончит курс?

— Все, я думаю, тринадцать.

— Ой, какое несчастное число, тринадцать! Из тринадцати, пожалуй, кого-нибудь оставят? — Он пытливо взглянул на меня.

— Может быть, — ответил я, недовольный. Мне ужасно не нравилась его улыбка».

Пересказ последующих потанинских воспоминаний, где он рисует картины общения писателя с матерью и няней, а также шумные игры с племянниками или сценки его пения с гитарой в руках перед гувернанткой «в позе идадьго» модного романса «Ты душа ль моя, красна девица!», занял бы еще несколько страниц. Но вряд ли в этом имеется необходимость, ибо все это – не воспоминания очевидца, а... плод фантазии престарелого Гавриила Никитича, в памяти которого причудливо переплелись впечатления от реального его общения в доме Гончаровых с родными романиста с опубликованными гончаровскими автобио-графическими очерками, статьями литературоведов и, наконец, игрой своего писательского воображения.

К этому выводу я пришел еще в 1980-х годах, когда в Куйбышевском областном госархиве, в фонде самарской дирекции училищ, довелось ознакомиться с личным делом Г.Н. Потанина. Тогда неожиданно выяснилось, что Гавриил Никитич окончил курс учения в симбирской гимназии... весной 1845 года! Через два года он сдал в родной гимназии испытания на звание учителя уездного училища, а с 31 октября 1847 года и до апреля 1858-го преподавал русский язык в самарском уездном училище, исполнял там несколько лет и должность штатного смотрителя, то есть заведующего. В ходе дальнейшего изучения архивных документов выяснилось, что к моменту приезда И.А. Гончарова на родину преподаватель словесности Павел Моисеевич Грумм-Гржимайло

уже не служил в симбирской гимназии. Если учесть, что испытания зрелости закончились в начале июня, а сестра романиста А.А. Кирмалова приехала в Симбирск из имения после 13 июня, то сценка в выпускном классе, нарисованная Потаниным, совсем уж неправдоподобна.

Тем не менее вполне возможно, что в летние вакации 1849 года Потанин побывал в Симбирске, где жили его мать и сестра, и как бывший учитель в доме Гончаровых посетил его и был представлен романисту родными. Но только не в качестве гимназиста, а 26-летнего преподавателя Самарского уездного училища. С учетом этих фактов те страницы «Воспоминаний о Гончарове», где Потанин говорит о гимназии и ее воспитанниках, не войдут в новые издания сборника «И.А. Гончаров в воспоминаниях современников». Так же критически следует подходить и к подтверждению Гавриилом Никитичем людской молвы о том, что И.А. Гончаров провел один из летних месяцев 1849 года на «даче в усадьбе Киндяковых».

Глава 13

НИКОЛАЙ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ — ГОСТЬ НИКОЛАЯ ГОНЧАРОВА

Летом 1850 года 22-летний выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета Николай Чернышевский, уступая просьбам родителей, проживавших в Саратове, отправился оттуда на перекладных в Казань на прием к попечителю учебного округа с прошением об определении учителем словесности гимназии в родной Саратов. Во время этой поездки молодой кандидат наук побыл час-другой в Симбирске, но по-настоящему его знакомство с нашим городом состоялось весной следующего года. О том, как Николай Гаврилович попал на сей раз в Симбирск, и пойдет речь.

Известие о своем назначении учителем словесности в Саратовскую гимназию Чернышевский получил еще в конце 1850 года, будучи в Петербурге. Но только по завершении неотложных дел в начале февраля 1851 года он стал подыскивать попутчиков. Обратился он к майору Дмитрию Ивановичу Минаеву, который, как и он сам, являлся неперенным участником литературных пятниц на квартире профессора Иринарха Ивановича Введенского, где бывали и петрашевцы, и будущий редактор журнала «Русское слово» Г.Е. Благосветлов, другие оппозиционно настроенные к

правительству деятели. И даже в столь радикальной среде Минаев выделялся своими смелыми высказываниями. Так, осенью 1850 года, возмущаясь жестокостью и грубостью Николая I, Дмитрий Иванович не выдержал и вслух высказал пожелание, чтобы нашелся смельчак, который бы «прекратил» жизнь коронованного деспота¹⁴⁵.

Николаю Гавриловичу, считавшему себя «красным республиканцем и социалистом», приверженцем Луи Блана, сторонником немедленного освобождения крестьян в России, пришлось по душе смелые минаевские высказывания о самодержавии. Дмитрию Ивановичу, в свою очередь, нравились незаурядная начитанность молодого кандидата, занимавшегося к тому же углубленным изучением Нестора, его преданность освободительным идеям, горячее стремление содействовать развитию просвещения, предоставлению политических прав женщинам.

Нетрудно представить, как обрадовался Чернышевский, когда в начале марта 1851 года стало известно, что Минаев, освобожденный от должности смотрителя Измайловского магазина (интендантского склада), переводится по службе в родной Симбирск. Это означало, что у него появляется желанный попутчик, причем до самого Саратова, где Дмитрий Иванович должен был представиться своему начальству.

Но не зря говорится в народе, что Бог троицу любит: в это время в Петербурге оказался учитель

¹⁴⁵ Чернышевский Н.Г. ПСС в 16 томах. Т. 1. – М., 1939, с. 395.

словесности Симбирской гимназии Николай Александрович Гончаров, старший брат автора нашумевших «Обыкновенной истории» и отрывка «Сон Обломова» из нового романа.

Дмитрий Иванович и Николай Александрович были погодками и чуть ли не с детства состояли в добрых отношениях. А в зрелом возрасте, когда Минаев слыл уже известным поэтом, Гончаров, прекрасно знавший не только родной, но и немецкий, французский, английский языки и литературу, был заинтересованным читателем и первым доброжелательным критиком новых творений Дмитрия Ивановича, и в благодарность за это автор посвятил ему свой стихотворный перевод «Слова о полку Игоря» (первый в России).

Николай Гончаров свой предмет – словесность – знал превосходно, чтецом-декламатором был непревзойденным в своем городе, по характеру – необыкновенно добрым, но слыл настолько рассеянным человеком, что даже его доброжелательные воспитанники (вроде будущего известного зоолога и путешественника М.Н. Богданова) звали его «замечательным чудаком». Из Симбирска в Петербург он прибыл в собственной, очень удобной крытой повозке, в которой три человека могли удобно устроиться лежа и, следовательно, почивать во время путешествия ночью.

Дмитрий Иванович как бы на правах хорошего знакомого обоих попутчиков устроился посередине между ними. В такой диспозиции они и тронулись утром 12 марта из Петербурга в Москву, а оттуда направились в сторону Нижнего Новгоро-

да. «По дороге я подружился со своими попутчиками, – вспоминал Николай Гаврилович, – одного я и прежде знал как отличного человека, другой оказался добряком, простодушие которого неимоверно. Вот и ехали мы довольные друг другом, занимаясь всяческими рассказами и шутками. Я сидел, то есть лежал в отличном спокойном повозочном положении, с правого края, двое приятелей занимали точно такие же положения, один посредине, другой на левом краю повозки. Выпадал мелкий снежок...»¹⁴⁶.

В Нижнем пробыли менее двух часов, в течение которых Николай Гаврилович навестил квартиру университетского товарища-поэта Михаила Михайлова, но того, к великому сожалению, не оказалось дома. Объясняя причину спешного отъезда с Минаевым и Гончаровым из Нижнего, он потом напишет Михайлову: «Они торопились, и я не мог их задерживать, тем более, что нам должно было ехать по Волге, она была уже плоха... Спеша, сколько было возможно, насилу успели перебраться в Казани через Волгу. А потом до самого Симбирска опять пришлось ехать бог знает по какой дороге»¹⁴⁷. В письме же к своим родным, находясь еще под свежим впечатлением от трудностей этого этапа путешествия, Николай Гаврилович привел удручающую подробность: «Из Казани до Симбирска (200 верст) тянулись мы двое суток»¹⁴⁸. Одной из причин этого была авария

¹⁴⁶ Ланщиков А. Н. Г. Чернышевский. – М., 1982, с. 79, 246.

¹⁴⁷ Чернышевский Н. Г. ПСС. Т. 19, с. 217.

¹⁴⁸ Там же. Т. 1, с. 402

около Буинска, когда «сломалась в раскате оглобля» и путники попадали друг на друга.

Но в целом все трое остались довольны двенадцатидневным путешествием из Петербурга до Симбирска. Мало того что затраты на дорогу оказались втрое меньше (по 42 рубля на человека) обычных расходов при езде на почтовых, главное – они без помех смогли поговорить о всех злободневных проблемах российской действительности, а также «о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии». И, как заметил Чернышевский, Минаев, «человек со светлым умом и благородною душою», стал тоже себя причислять к коммунистам, хотя и не совсем представлял их конечной цели¹⁴⁹.

В пятницу 23 марта 1851 года путешественники, наконец, добрались до Симбирска, и на Покровской улице, не доезжая центральной, Большой Саратовской, Дмитрий Иванович вместе с Чернышевским вышел у дома своего дальнего родственника – казначея комиссариатской комиссии Н.Е. Андреева (отца будущего гениального актера и писателя Василия Андреева-Бурлака)¹⁵⁰. Николай Ефимович радушно принял и устроил у себя дорогих гостей («оставив свое говение»), и Чернышевский очень скоро убедился, что Андреев является неординарным чиновником – он и библиофил, и приятный собеседник при обсуждении «демократически-социалистических» вопро-

¹⁴⁹ Чернышевский Н.Г. ПСС. Т. 19, с. 217.

¹⁵⁰ Трофимов Ж. В.Н. Андреев-Бурлак: память и наследие. – Ульяновск, 1995, с. 18

сов, и прекрасный рассказчик, мастерски изобличающий проделки местных Ноздревых, Собакевичей и других героев гоголевских «Мертвых душ». В беседах затрагивались и такие нашумевшие события, как арест в феврале прошлого года в Симбирске поэта и философа Н.П. Огарева по обвинению в «причастности к коммунистической секте» и проявления общероссийского террора, который, по словам литератора П.В. Анненкова, проник во все «пункты общества», а также – попытки нового губернатора, князя П.Д. Черкасского, бороться со взяточничеством и казнокрадством.

Под влиянием рассказов Андреева и стало возможным появление в дневнике Чернышевского таких обличительных характеристик тузов местного общества: «Николай Ив-ч – бесстыдный пьяница, которого выводят под руки с вечеров из собрания (Дворянского. – *Ж.Т.*), гадкое, грязное существо. С виду добродушный пьяница, на самом деле и по душе низкий человек, обделил и отжил по суду полученные от татарина 3 тысячи рублей из восьми тысяч за просрочку двух дней». О «сверхнабожном Шишкове», чем-то похожем на Чичикова, «старом губошлепе» Овсянникове и «пьянице Воейкове» тоже говорилось с отвращением.

Но были и отрадные исключения. Сильное впечатление на Николая Гавриловича произвела жена Николая Гончарова – Лизавета Карловна (дочь хирурга К. Рудольфа, участника Отечественной войны 1812 года), которую, после пребывания у них в гостях, он в своем дневнике назвал «слав-

ной женщиной», привлекающей к себе внимание «необыкновенной грустностью и томительностью своего положения»¹⁵¹.

За те три дня, которые понадобилось пробыть в Симбирске Минаеву, дороги так испортились, что пришлось задержаться здесь еще дня на три-четыре. Тем временем Николай Гаврилович известил письмом в Саратов своих родителей о приезде в первых числах апреля, заручаясь их разрешением пожить у них несколько дней прибывающему по делам своему доброму спутнику Дмитрию Ивановичу Минаеву.

После вынужденного недельного отдыха в конце марта Чернышевский и Минаев отважно двинулись по едва установившемуся пути на Саратов. По письмам, дневниковым записям и воспоминаниям у будущего автора «Что делать?» впечатления о пребывании в Симбирске, видимо, в целом остались благоприятные. Николай Гаврилович со своей стороны оставил о себе добрые чувства в семьях Минаева, Андреева и Гончарова.

Шли годы. После ареста, заточения в Петропавловскую крепость и последующей ссылки в Восточную Сибирь имя Чернышевского было под запретом вплоть до первой русской революции 1905-1907 годов, и поэтому никто в Симбирске и не помышлял об увековечении памяти о пребывании великого революционера и мыслителя в нашем городе. По-настоящему никто об этом не задумывался и до 60-х годов XX века, а когда

¹⁵¹ Чернышевский Н.Г. ПСС. Т. 1, с. 404.

спохватились, то возникли трудности с определением памятных мест.

О доме Н.Е. Андреева, в котором останавливался Н.Г. Чернышевский, пока что нет точных данных. Что касается квартиры Н.А. Гончарова и дома Д.И. Минаева, то о них в краеведческой литературе бытуют ошибочные мнения.

В путеводителе «Ульяновск – родина В.И. Ленина» (1963, 1965, 1967, 1970 и 1975 годов издания) говорилось, что Н.Г. Чернышевский в 1851 году «гостил у Николая Александровича, брата писателя», в «старом доме Гончаровых», который хотя и в перестроенном виде, но по-прежнему украшает нашу главную улицу. А через несколько страниц авторы уведомляли читателя, что Николай Гаврилович бывал и в доме Д.И. и Д.Д. Минаевых на бывшей Солдатской улице (ныне Минаева). Но уже во второй половине 70-х годов выяснилось что этого «минаевского» дома во время пребывания Чернышевского в Симбирске еще не существовало, что Минаев-сын купил этот дом через 11 лет после смерти своего отца – в 1887 году...

Постепенно, из-за ряда невыясненных обстоятельств, стали ослабевать попытки связать имя Чернышевского и с гончаровским «старым домом». А в 1980 годах С.Л. Сытин сдал в краеведческий сектор Областной научной библиотеки им. В.И. Ленина для всеобщего пользования историческую записку «Дом Гончарова», в которой с сожалением отметил, что «остается пока неясным» вопрос о месте проживания Н.А. Гончарова

после его женитьбы в 1844 году, а следовательно, и о посещении Чернышевским Гончаровых в «старом доме».

В связи с этими затруднениями поделюсь с читателями результатами собственных разысканий, связанных с пребыванием Чернышевского в нашем городе, в частности, об установлении места жительства Н.А. Гончарова.

Согласно существовавшим в середине XIX века узаконениям, директор, инспектор, а также **старшие** учителя (заведовавшие кабинетами и библиотекой) пользовались квартирами в здании самой гимназии или пансиона при ней. Но опытные краеведы знают, что на углу Спасской (ныне – Советской) и Московской (ныне – Ленина) улиц, в районе парадного подъезда современного театра, стоял небольшой двухэтажный каменный дом, в котором тоже обитали преподаватели и воспитанники мужской гимназии. Здание считалось историческим, ибо в начале октября 1774 года в его подвале прикованным к стене содержался плененный Емельян Пугачев. Тем не менее в 20-х годах это строение и стоявший рядом с ним каменный флигель были снесены, и, когда впоследствии состоялось решение об увековечении памяти «мужицкого царя», мемориальную доску пришлось установить уже на фасаде драмтеатра с текстом: «На этом месте находился дом, в котором в 1774 году был заключен Е. Пугачев».

Вот в этом-то доме, называвшемся вплоть до 1917 года «гимназическим общежитием», или «домом гимназии», и проживал после женитьбы

учитель Н.А. Гончаров, о чем свидетельствует «частное известие», помещенное в «Симбирских губернских ведомостях» 15 апреля 1850 года: «Продается двухместная петербургской работы карета с дорожным, если понадобится, прибором. Видеть ее и о цене оной можно узнать в доме гимназии, в квартире Н.А. Гончарова».

Второй документ – это отчет за 1852 год и.о. директора училищ Симбирской губернии И. Верниковского, являвшегося одновременно и директором гимназии. Среди различных данных о «младшем учителе русской грамматики коллежском асессоре Николае Гончарове» имеется важное для нас указание: «Пользуется казенной квартирой»¹⁵².

Этих двух документов вполне достаточно для того, чтобы считать вопрос о месте жительства Н.А. Гончарова в 1851 году решенным. Это был «дом гимназии». Но как быть, если этого дома, связанного с заключением в нем Емельяна Пугачева, а затем и с посещением его Чернышевским, теперь не существует? Думается, что закономерно поступить так же, как это было сделано в отношении содержания в нем вождя крестьянской войны: на здании драмтеатра должна появиться мемориальная доска с указанием, что в доме, стоявшем на месте этого здания, в квартире учителя гимназии Н.А. Гончарова в марте 1851 года бывал великий революционер и мыслитель Н.Г. Чернышевский.

¹⁵² ЦГА Республики Татарстан. Ф. 92, оп. 1, д. 6626, л. 358.

Глава 14

СИМБИРЯНИН Н. СОКОЛОВСКИЙ – ПЕРВЫЙ КРИТИК «ОБЛОМОВА»

В 1991 году издательство Ленинградского государственного университета выпустило сборник «Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике». Для меня самой приятной неожиданностью в этом сборнике было то, что он открывался откликом Н. Соколовского (в виде письма в редакцию) по поводу романа «Обломов», опубликованным в майской книжке «Отечественных записок» с указанием местожительства автора и времени написания им отклика: «Симбирск. 6 апреля 1859 года». Удивляет прежде всего то, что этот отклик был написан по прочтении первых двух частей романа, когда еще трудно было предвидеть, каким будет его окончание. Поразительно и то, что редактор журнала А.А. Краевский, получив отклик из Симбирска, тотчас же включил его в майский номер «Отечественных записок», опередив таким образом появление статьи Н.А. Добролюбова «Что такое обломовщина?» в некрасовском «Современнике». Точно в таком же порядке – сначала отклик Соколовского, а затем знаменитая добролюбовская статья – воспроизводятся они составителем М.В. Отрадиным в сборнике 1991 года, посвященном гончаровскому «Обломову». И уж затем там идут статьи Д.И. Писарева и А.В. Дружинина, увидевшие свет тоже в памятном 1859 году.

Я признателен М. Отрадину за включение в сборник 1991 года полузабытого отклика нашего земляка, но не могу не отметить с сожалением, что справка составителя о Н. Соколовском свелась лишь к указанию, что тот по профессии был юристом, жил в Симбирске, но посещал и Петербург, где у него имелись «некоторые литературные знакомства»¹⁵³. Ведь еще доцент П.С. Бейсов в своей книге «Гончаров и родной край» указывал, что Н. Соколовский в 1850-х годах был активным участником демократических кружков Казанского университета, автором известных «Студенческих воспоминаний», опубликованных в столичном журнале «Русское слово», одним из ближайших друзей поэта-сатирика Д.Д. Минаева. Начиная с 1862 года и на протяжении полувека Николай Михайлович Соколовский проживал не в Симбирске, а в Петербурге, где сотрудничал в журналах Ф.М. и М.М. Достоевских «Время» и «Эпоха», в «Современнике», «Деле», «Неделе», «Вестнике Европы» и других популярных изданиях. Его книга «Острог и жизнь. Из записок следователя», вышедшая в 1866 году в Петербурге, получила высокую оценку юристов и психологов. Всероссийскую известность имела адвокатская деятельность Соколовского, в частности, его выступления в 1877 году на знаменитом «процессе 193-х» в качестве защитника участников «хождения в народ».

¹⁵³ Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике. Сборник статей. Сост. М.В. Отрадин. – Л., 1991, с. 26.

Так что отклик Н. Соколовского в майском номере «Отечественных записок» за 1859 год, которым, по существу, открылась полемика в печати вокруг «Обломова», — это не первое и не последнее его публицистическое выступление. И, конечно, И.А. Гончаров, уже в силу своей цензурской должности, знал этого автора не понаслышке. Но обо всем порядку.

Николай Михайлович Соколовский родился в 1834 году в Симбирске в семье полицейского чиновника (станового пристава). Уже в старших классах гимназии хорошо начитанный и свободолюбивый юноша, под влиянием публицистики Белинского и Герцена, выделяется среди товарищей радикализмом политических взглядов. Ближайшим другом и единомышленником Соколовского становится его двойной тезка Николай Михайлович Соковнин, увлекавшийся сбором фольклора и делавший удачные пробы пера. В 1852 году к этой незаурядной паре присоединился вернувшийся из Петербурга в родной Симбирск после обучения в Дворянском полку Дмитрий Дмитриевич Минаев, уже тогда поражавший окружающих умением в блестящей стихотворной форме высмеять самодура и бюрократа, ханжу и хапугу, противника гласности и просвещения.

В 1852 году Н. Соколовский стал студентом Казанского университета. В следующем году к нему там присоединился Н. Соковнин, и они оба оказываются в самой гуще демократического студенчества, стремившегося проверить твердость своих убеждений в схватке с крепостниками —

главными виновниками позорного поражения России в Крымской войне. «Мы знали, – вспоминал впоследствии Соколовский, – что обществу больше чем когда-нибудь нужны были молодые силы»¹⁵⁴.

С таким боевым настроением кандидат юридических наук Н. Соколовский вернулся в 1856 году в Симбирск. Здесь, заняв должность судебного следователя, он получил возможность легальным образом бороться с «бичами страны родной», причем, по словам губернатора, отвергал «всякое начальственное влияние». В вину ставилась ему и пропаганда нигилистических идей относительно эмансипации женщин.

О взглядах Николая Михайловича на жизнь родного края свидетельствуют такие его строки из одной журнальной рецензии: «Все общество делится на служилых и не служилых (летом обыкновенно откочевывающих в родовые аулы); для первых день начинается чаем, продолжается службой, обедом, послеобеденным сном и заканчивается зеленым полем. Для неслужилых выкиньте из счета препровождение времени в разнообразных храмах Фемиды, замените его ничегонеделаньем по домам или в гостях – и перед вами полная картина провинциального быта. Если в ней есть пробелы, то замените их сплетнями, интригами, маленькими скандальчиками... Провинция – это стоячее болото, способное отравить своими миазмами самую свежую здоровую натуру».

¹⁵⁴ Трофимов Ж. Д. Д. Минаев и Симбирск. – Ульяновск, 1989, с. 15.

Но Соколовский не ограничивался обличением позорных явлений и темных сил, жадно искал пути, следуя которым, общество создаст «возможно больший простор для самобытного развития всех и каждого». При этом Николай Михайлович ратовал за преодоление в семьях порядков Домостроя. Воздавая хвалу «огромному таланту» Некрасова, создавшего образы женщин, являющихся как бы «очистительными жертвами нашего сумрачного прошедшего», Соколовский вместе с тем возлагал большие надежды на скорое появление художественных творений, героини которых излучали бы «светлый луч радости и любви». Нетрудно представить теперь, с каким глубоким удовлетворением встретил в Симбирске Николай Михайлович появление в «Отечественных записках» романа «Обломов», который он сразу же назвал «лучшим произведением современной литературы».

В письме-отклике, сразу же направленном в редакцию столичного журнала, Соколовский, считая, что новый роман автора, «слишком известного всем и каждому», подробно разберут профессиональные критики, заявил что, ограничится лишь передачей впечатлений, которые произвели на него Ольга и Обломов. В действительности же молодого симбирянина сильнее всего занимал образ Ольги, в которой он воочию увидел идеал, к осуществлению которого должна стремиться современная жизнь. И тут же пояснил, почему: «Нельзя не увлечься этим светлым, чистым созданием, так разумно выработавшим в себе

все лучшие, истинные начала женщины, так умевшим развить их в полный, роскошный цветок, долженствующий впоследствии принести богатые плоды»¹⁵⁵.

Показав далее, что под влиянием Жорж Санд в нашей литературе тоже появились произведения о так называемых эмансипированных женщинах, Соколовский с сожалением констатировал, что в подавляющем большинстве авторы создавали «какой-то бесплотный образ», почти неприменимый в реальной деятельности. И только Гончаров, по его словам, «во всем блеске своего могучего таланта» смог явить перед нами героиню, о которой можно сказать: чем больше всматриваешься в нее — тем обаятельнее приковываешься к ней, и «чем дольше вслушиваешься в ее строго разумный и мелодичный голос, тем сильнее и благотворнее становится влияние его... Только в Ольге, — с восхищением продолжал симбирянин, — заключены крепкие залогов не превратиться впоследствии в пустую светскую даму, бойко болтающую о модных, возвышенных предметах, а на деле колющую и щиплющую своих несчастных горничных; ни в кухарку или в помещицу, умственный и нравственный горизонт которой ограничен базаром; ни в ханжу, окруженную постоянно юродивыми, но остаться вечно женщиной. Только любовь Ольги может пробудить надолго дремлющие силы, внести обновление во все нравственное

¹⁵⁵ Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике, с. 26.

существо человека и создать в его душе новый мир, полный примиряющих начал, начал крепких, гуманных, во имя которых он готов быть каждому братом и другом, не в одних только идеальных стремлениях, но в действительном, житейском горе...»¹⁵⁶.

И, несмотря на то, что сам Соколовский в свои 25 лет еще был свободен от уз Гименея, он глубоко верил в возможность счастья каждого, кто найдет себе подругу, подобную Ольге, и пройдет с нею всю оставшуюся жизнь. «Еще раз повторяем, — заявил Николай Михайлович в заключение своего письма в редакцию, — Ольга, по нашему мнению, — тот идеал, к осуществлению которого должна стремиться современная жизнь.

Она ни разу не изменила себе, она всегда и везде была женщиной, в благороднейшем смысле этого слова; она была ею и за своим роялем, и в аллее с веткой сирени, и в слезах после письма Обломова, и в своих воззрениях на жизнь, и в страстной, памятной для нее сцене в саду... Заслуга Гончарова, создавшего Ольгу, огромна, тем более огромна, что в настоящее время поднят вопрос о женщине; он показал нам ее так, как она должна быть, и как несостоятельны, в сравнении с нею, все эти великосветские типы, и видом и пользой так напоминающие мыльные пузыри. Редко русская литература видела на своих страницах столь полно законченный, полно прочувствованный и, так

¹⁵⁶ Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике, с. 28.

сказать, просмысленный образ, как образ Ольги... Через всю его свежесть, всю поэзию проходит здоровый, разумный взгляд, не рассчитывающий на эффекты, не бьющий на раздирающие сцены, но выработанный долгим опытом жизни, взгляд, долго подмечавший, долго следивший, прежде чем решившийся передать то, что видел...

Нравственный прогресс общества не останавливался бы на каждом шагу, счастлива была бы жизнь, в ней не было бы апатии, скуки и пустоты, в ней не встречалась бы беспрерывно мелкая, но убивающая медленным ядом пошлость, если бы в женской половине этого общества было побольше созданий вроде Ольги...»¹⁵⁷.

А вот Обломов, как и следовало ожидать, оставил по себе у Соколовского не столь светлое впечатление. Но, несмотря на то, что Илья Ильич — это «болезненный нарост» эпохи крепостничества, Николай Михайлович невольно симпатизирует ему и не бросает в него камня. Ведь под защитой своей лени и видимой беспечности ко всему окружающему он глубоко переживал неустроенность действительности. «У Обломова были свои идеалы, — продолжал Соколовский, — которые он страстно любил и которые не в силах был привести в исполнение... Обломов вполне понимал, как убийственно, скоро и бесполезно несутся его лучшие годы, как все глубже и глубже он всасывается в свою страдальческую бездеятельность и как все

¹⁵⁷ Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике, с. 30.

больше и больше гложут в нем силы, стало быть, он страдал...»

Николай Соколовский на горьком примере Обломова взывает к разуму вдумчивого читателя: «Напрасно развитой человек погружается в лень, закрывает глаза от действительной жизни и носит-ся в мире розовых иллюзий – голос совести, голос сердца не раз спросит его: зачем же ты жил? Зачем даны были тебе и куда девал ты свои силы?... Счастлив человек, если в эти тяжкие годы найдется любящая душа, которая своим влиянием заставит очнуться его, сознать, что он есть и что он должен быть, и вдохнет в него силы... Но зато горе тому Обломову, который не встретит Ольгу на своей дороге!»¹⁵⁸.

Из всего сказанного видно, как молодой земляк И.А. Гончарова высоко ставил его новый роман («Сон Обломова» Соколовский даже называл картиной, «роскошно окрашенной чудными красками»). Но он был убежден, что «Обломову» нужна не хвала, а критика в том смысле, в каком понимал ее Белинский, ибо только она поставит его в ряд достойных созданий отечественной литературы. «С своей стороны, – заявил в заключение Соколовский, – мы твердо уверены, что имя Обломова будет внесено в список славных имен – онегинных, печориных, чичиковых, ноздревых, маниловых, бельтовых, фамусовых, чацких... и будет также нарицательно для личностей, подобных ему...».

¹⁵⁸ Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике, с. 33.

Сам же Николай Михайлович называл обломовцами всех тех, которые на труд смотрят, как на наказание, а на отдых и лень — как на «райское блаженство». К ним он относил и пишущую брацию, старающуюся «нажить себе всякими путями состояньице» и чиновника-стяжателя, «убивающего все свои умственные способности только в мелких дрызгах жизни», и помещика, считающего благородным занятием только травлю зайцев, и промышленника, правдами и неправдами сколотившего себе капитал, и с презрением смотрящего на все новое, и крестьянина, «отпахавшего свое поле и затем махнувшего рукой на все, исключая заветного пенника, на который пропивается последняя копейка, результат его тяжелых трудов...»¹⁵⁹.

Неизвестно, как реагировал на появление отклика Н. Соколовского в «Отечественных записках» сам Гончаров, но несомненно, что Иван Александрович прочел его с интересом и в душе был признателен молодому земляку за добрые слова в свой адрес, а также за высокую оценку романа и тонкий анализ образов главных героев — Ольги Ильинской и Ильи Обломова. Очевидно и то, что романист хотя бы в общих чертах представлял себе личность Н. Соколовского как человека и гражданина. Если же Ивану Александровичу понадобились какие-либо конкретные сведения о нем, то их можно было легко получить от своего

¹⁵⁹ Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике, с. 23.

родного брата Николая Александровича, приобретшего Николая Соколовского в стенах гимназии к сокровищам родного языка и российской словесности, а позже имевшего с ним дело в качестве редактора неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей». Более того, смело могу утверждать, что Иван Александрович Гончаров во время последнего пребывания в Симбирске, летом 1862 года, не раз слышал от окружающих различного рода рассказы о Н.М. Соколовском. Но об этом предстоит еще особый разговор.

Глава 15

ПОДАРОК ПЛЕМЯННИЦАМ

«Кате и Варе Кирмаловым от дяди Ивана Гончарова. 24 февраля 1861 года». Этот автограф сохранился на книге «Собрание чудес. Повести, заимствованные из мифологии». Ныне она хранится в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки. Летом 2005 года во время пребывания в Северной столице мне довелось держать в руках эту солидную по объему книгу, в 482 страницы, в которой нет ни титульного листа, ни оглавления. Кто-то из сотрудников библиотеки написал карандашом на форзаце: «Соч. Готорна (перевод)», но затруднился указать год и место издания, а также фамилию переводчика.

Ответом на мой недоуменный вопрос, почему Иван Александрович эту книгу счел нужным подарить 16-летней Кате и 14-летней Варе – дочерям своей родной сестры Александры Александровны Кирмаловой, в какой-то мере стали слова переводчика о книге «Собрание чудес»: «Сочинителю удалось необыкновенно счастливо омолодить и освежить эти легенды, освященные временем типы мифологии. Только его гениальный ум вдохнул в них новую жизнь. Только ум автора принес обильную долю юмора. Кроме того, и это особенно важно, в этих рассказах моралист в высоком и

современном значении слова, ничуть не хуже истинного художника. Поэтому надеемся, что сочинение Готорна встретит и у нас такой же успех, какой оно имело во всех образованных государствах, где имя сочинителя уже давно пользуется справедливым и должным почетом». Творения знаменитого американского писателя Натаниэля Готорна (1804-1864) охотно печатали на страницах «Современника» И. Панаев и Н. Некрасов. В 1852-1856 годах в этом журнале были напечатаны два романа Готорна («Дом о семи шпилях» и «Красная буква»), а также три рассказа («Родимое пятнышко», «Дочь Рапачини», «Снегурочка»). А так как в это время И. Гончаров был не только часто печатавшимся автором «Современника», но и его сотрудником, то он в той или иной мере причастен к появлению этих произведений Готорна в популярном журнале.

Что касается книги «Собрание чудес. Повести, заимствованные из мифологии», вышедшей весной 1860 года в Петербурге, то откликом на нее уже в июньской книжке «Современника» стала статья Николая Чернышевского. «Готорн — писатель великого таланта, — писал Николай Гаврилович, — и надобно было надеяться, что он превосходно перескажет мифологические предания... После Гофмана не было рассказчика с такой склонностью к фантастическому, как Готорн. С фантастичностью счастливо соединяется в нем обыкновенная принадлежность таланта, главная сила которого состоит в фантазии: он простодушен. Но вышло не то: книжка, переведенная теперь на русский язык, написана очень талантливо».

во, а все-таки оказывается плохой. Беда произошла оттого, что Готорн почел нужным переделывать передаваемые им мифы»¹⁶⁰.

Отметив, что число издающихся «дрянных книжек» для чтения велико, ведущий критик «Современника» далее заявил, что на этом фоне «рассказы Готорна могут даже называться очень сносными (тем более что изданы недурно и язык перевода довольно недурен)». Но ему кажется «забавной» та щепетильность, с какой талантливый американец «выпускает из греческих мифов все похожее на любовь... Очень потешна в этом отношении его история о ящике Пандоры. Миф говорит, — продолжает Чернышевский, — что ящик был свадебным подарком Пандоры, которая выходила замуж... Но Готорн сообразил очень проницательно: свадьба, невеста, жена... Какие скандальные слова! К каким соблазным мыслям поведут они детей!

Сообразно такому мудрому размышлению он взял да и переделал начало мифа следующим образом: «В древнее время... жил мальчик по имени Эпиметей, у которого не было ни отца, ни матери; а чтоб ему не было скучно, то ему прислали из очень дальней стороны, чтобы им вместе играть. Это была маленькая девочка, которую звали Пандора. Первое, что бросилось ей в глаза, как она поставила ногу на порог хижины, где жил Эпиметей, был большой ящик...» Но Готорн не удовлетворился тем, что переделывает греческие мифы из безнравственных в нравственные, — с

¹⁶⁰ Современник, 1860, с. 230.

иронией заметил Чернышевский. — Он находит, что надобно придавать им привлекательность художественною отделкою... В чем же состоит она? А вот в чем. В подлиннике миф рассказан на двух страничках, он же растягивает на пятьдесят страниц. Если в мифе сказано: «Пандоре хотелось раскрыть ящик, а Эпиметей говорил, что это запрещено». Готорн размалевывает из этих слов длинейший разговор, очень мило, с глубоким психологическим анализом, с ловко подмеченными переходами речей и переменами чувств, какие бывают при подобных спорах. Это размазывание и растягивание украшает рассказываемую историю, по крайней мере, так думает Готорн»¹⁶¹.

Тем не менее и в «Собрании чудес» автор оставался певцом всего чистого, доброго и естественного. Российского читателя особенно подкупала теплота, с какой Готорн создавал проникновенные образы детей. Именно высокие достоинства таланта американского писателя, наверное, и определили решение Ивана Гончарова подарить его книгу девушкам-племянницам, учившимся в это время в частном пансионе 1-го разряда в Москве. В той же почтовой бандероли он послал свою фотографию-визитку. Извещая об этом сестру Александру Александровну, проживавшую в своем имении Хухорево Ардатовского уезда Симбирской губернии, Иван Александрович пообещал ей выслать такой же фотопортрет¹⁶².

¹⁶¹ Современник, 1860, № 6, с. 240.

¹⁶² Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова. — Ульяновск, 1994, с. 229.

А как сложилась судьба Кати и Вари Кирмаловых? Получив в Московском пансионе образование, равное гимназическому, они вернулись к матери-вдове и, оставаясь всю жизнь девицами, помогали ей в ведении хозяйства в Хухореве. После смерти матери Екатерина Михайловна Кирмалова стала хранительницей всего, что было связано с дядей-писателем. Это она, уступая просьбам руководителей Симбирской губернской ученой архивной комиссии, передала в 1901 году для музея статуэтку И.А. Гончарова работы известного художника-карикатуриста Н.А. Степанова. Эту статуэтку вместе с подобной же фигуркой литератора Ф.В. Булгарина Иван Александрович прислал еще в 1849 году из Петербурга в подарок мужу сестры М.М. Кирмалову. В 1906 году Е.М. Кирмалова передала в музей СГУАК и статуэтку Булгарина¹⁶³.

Думается, что и книга Н. Готорна «Собрание чудес. Повести, заимствованные из мифологии» (СПб., 1860, 482 стр.) тоже должна стать экспонатом нашего музея. Подлинный экземпляр с автографом Ивана Александровича Российская национальная библиотека вряд ли нам отдаст. Но можно изготовить добротный муляж книги (запись дарственной надписи И. Гончарова Кате и Варе Кирмаловым скопирована в рукописном отделе РНБ на дискету и уже находится у меня), а если повезет в поисках, то и приобрести такой же томик у букинистов или выменять в какой-нибудь библиотеке.

¹⁶³ Каталог основного фонда Музея И.А. Гончарова. — Ульяновск, 1997, с. 28.

В заключение приведу еще один факт из жизни И.А. Гончарова, связанный с творчеством Н. Готорна. В мае 1869 года (в разгар публикации романа «Обрыв» в петербургском журнале «Вестник Европы») Иван Александрович находился на немецком курорте Киссинген. Сообщая в Петербург Софье Александровне Никитенко о круге чтения, он особо выделил книгу Готорна «Превращение, или роман Монте Бена», которую прочел на английском языке. Полученные от романа впечатления он выразил весьма эмоционально:

«Что за нескладница! На сцене художники и Рим. Автор тонким и изящным пером описывает и то и другое. Видно, что он сам художник и Рим и искусство – это главная цель: зато все прочее, фабула, характеры, положения – дики до крайности! Фабула его – параллель библейскому сказанию об Адаме, о переходе от невинности к познанию добра и зла, о превращении Фавна в человека посредством преступления! Напиши-ка у нас этакую штуку – жить нельзя, а он там славится!»¹⁶⁴

В этом романе (более известном под названием «Мраморный Фавн») Готорн так необычно использует право художника на романтично-фантастическое абстрагирование при обсуждении моральных проблем, что оно породило разноречивые оценки и суждения; многое в романе не было понято. И тем не менее творения Н. Готорна многократно издавались в наши дни в СССР и пользуются читательским спросом.

¹⁶⁴ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. 1952, с. 392.

Глава 16

ДМИТРИЙ ОЗНОБИШИН И БРАТЬЯ НИКОЛАЙ И ИВАН ГОНЧАРОВЫ

Николай и Иван Гончаровы еще студентами Московского университета читали все сколько-нибудь известные столичные альманахи и литературные сборники начала 1830-х годов и, конечно же, обратили внимание на переводные и оригинальные стихотворения земляка-симбирянина Дмитрия Ознобишина. А личное знакомство братьев-книгоцеев с поэтом могло состояться в родном для них городе зимой 1834-1835 года, когда Иван Александрович по приглашению губернатора А.М. Загряжского исполнял обязанности «подставного» секретаря губернатора, а Дмитрий Ознобишин служил в то время почетным смотрителем Карсунского уездного училища и время от времени появлялся в тех же самых учреждениях, скажем, в мужской гимназии, и в местах общественного отдыха или дворянском собрании, где бывал и Иван Гончаров.

Но если знакомство поэта с будущим романистом носило мимолетный характер, то с его старшим братом оно было многолетним и порою довольно тесным. Ведь с 15 марта 1838 года Николай Гончаров, выпускник филологического факультета Московского университета, исполнял должность помощника правителя канцелярии

симбирского губернатора И.П. Хомутова. И через его руки 23 июня того же года прошла информация в «Симбирских губернских ведомостях», что «титულлярный советник Ознобишин, согласно избранию его здешним дворянством, Высочайше утвержден в звании почетного попечителя Симбирской гимназии на следующее трехлетие». А от парадного крыльца гимназии до главного входа в губернаторский особняк, расположенный напротив через дорогу, было рукой подать – десятка три шагов, и в силу своей должности Ознобишин посещал губернатора, а тот, в свою очередь, являлся на торжественные акты в гимназию.

Нетрудно представить, что поэт и Николай Гончаров во время встреч не раз вспоминали общих московских преподавателей, обменивались впечатлениями о литературных новинках, включая и зарубежных авторов. Было о чем поговорить и как лингвистам: Николай Александрович тоже свободно владел французским, немецким, английским и знал древнерусский, латинский и греческий. Дмитрию Петровичу пришелся по душе столь высокообразованный чиновник и, убедившись, что Гончаров, отказавшийся идти по пути отца-купца, не желает и чиновничьей карьеры, поддержал стремление Николая Александровича сменить службу – перейти в гимназию на преподавательскую должность. Для осуществления этого перехода необходимо было официальное ходатайство Д.П. Ознобишина, и уж вследствие него, 13 февраля 1839 года, Николай Гончаров приказом попечителя Казанского учебного округа был

допущен к исправлению должности младшего учителя русского языка в Симбирской гимназии. А с 12 декабря 1840 года, опять-таки при поддержке почетного попечителя, Николаю Александровичу было дозволено обучать и воспитанниц Дома трудолюбия русской грамматике и словесности¹⁶⁵.

В 1844-1847 годах Д. Ознобишин по выбору губернского дворянства вновь являлся почетным попечителем мужской гимназии, то есть прямым начальником преподавателя Николая Гончарова. Это значит, что Дмитрий Петрович снова регулярно встречался за одним столом с Гончаровым на заседаниях педагогического совета, годовых и выпускных испытаниях, обсуждал с ним списки литературы, необходимой для фундаментальной и ученической библиотек. Недалеко друг от друга они находились во время торжеств по случаю открытия памятника Н.М. Карамзину. Вполне вероятно, что они обменивались визитами и в домашней обстановке, ибо их жены – Елизавета Александровна Ознобишина и Елизавета Карловна (урожденная Рудольф) – живо интересовались беллетристикой, обе прекрасно играли на рояле и обладали хорошими голосами.

С начала 1847 года, в связи со смертью жены, Ознобишин почти год находился с сыном за границей, а затем подолгу обитал в столице и Смоленске. А вот с середины 1850-х годов сотрудничество поэта с Николаем Гончаровым возобновилось, и главным образом в «Симбирских губернских ве-

¹⁶⁵ ГАУО. Ф. 932, оп. 2, д. 191, л. 3.

домостях», неофициальную часть которых в 1855-1863 годах редактировал Николай Гончаров. И именно в эту, далеко не простую для России эпоху, Дмитрий Петрович выступал в «Симбирских губернских ведомостях» с освещением проблем крестьянской реформы, по другим злободневным проблемам общественной и культурной жизни Симбирска. Так, 17 марта 1862 года в «Ведомостях» появилась большая статья Д. Ознобишина «Дворянские выборы в г. Симбирске», в которой говорилось о необходимости скорейшего изменения «веками сложившейся хозяйственно-экономической физиономии», перехода с барщины на оброк. В статье «Выставка сельских произведений в Симбирске», напечатанной 15 сентября того же года, Дмитрий Петрович выразил уверенность, что «после двухвекового несправедливо угнетавшего крестьян рабства» уйдет в прошлое и барство, над которым «посмеялся Грибоедов в своей бессмертной комедии!». Весьма показательно ознобишинское отношение к изменениям содержания «Симбирских губернских ведомостей»: если во «время обломовщины» в них публиковались сухие официальные материалы, то теперь газета имеет неофициальную часть, отражающую общественную и частную жизнь.

Употребление поэтом-публицистом только что появившегося в печати слова «обломовщина», наверное, импонировало Ивану Гончарову, внимательно следившему даже в Петербурге за редакторской работой брата-учителя в «Симбирских губернских ведомостях». Это внимание усилилось

после пребывания романиста в родном городе в мае-июле 1862 года. С учетом этих обстоятельств весной 1863 года, по инициативе Николая Гончарова, романисту был послан материал Дмитрия Ознобишина для помещения в петербургской газете «Северная почта». Ознакомившись с ним, Иван Гончаров 6 июля сообщил в Симбирск брату Николаю, что статью Д.П. Ознобишина напечатать было неудобно по причине ее опоздания, да к тому же он более не редактирует «Северную почту»¹⁶⁶.

По странному стечению обстоятельств Николай Гончаров тоже оставил работу в газете, а с его уходом перестали появляться публикации Дмитрия Ознобишина в «Симбирских губернских ведомостях». Основным местом их встреч стал теперь не губернаторский дворец, а Карамзинская общественная библиотека, особенно в период ее восстановления (после пожара 1864 года) и подготовки к 100-летию со дня рождения Н.М. Карамзина.

И в том, что уже в 1865 году, задолго до окончательной отделки главных помещений Дома дворянского собрания, комнаты Карамзинской общественной библиотеки смогли разместить свои фонды и началось обслуживание читателей, есть заслуга и Д.П. Ознобишина, являвшегося членом комитета по восстановлению Дома дворянского собрания, и Николая Гончарова – члена комитета Карамзинской общественной библиотеки. Замечательно, что они оказались в центре торжеств,

¹⁶⁶ Новое время, 1912, № 13038. Приложения.

проводившихся в Симбирске по случаю 100-летия со дня рождения Н.М. Карамзина: 1 декабря на литературном чтении в Доме дворянского собрания Николай Гончаров с глубоким чувством прочел известные языковские «Стихи на объявление памятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину», а затем Дмитрий Ознобишин – свое стихотворение, написанное специально для этого знаменательного юбилея великого земляка¹⁶⁷.

Н. Гончаров и Д. Ознобишин как члены губернского статистического комитета приняли участие в подготовке «Сборника исторических и статистических материалов Симбирской губернии», вышедшего в свет в 1868 году. Николай Александрович сумел-таки уговорить брата-романиста написать автобиографию (правда, без подписи и в третьем лице). Думается, что это он сподвиг и Дмитрия Петровича на точно такой же шаг. Но по каким-то причинам ознобишинский текст не попал в «Сборник» и вышел отдельной брошюрой в Петербурге уже в 1878 году, на следующий год после его смерти.

Дмитрий Ознобишин и Иван Гончаров имели общих знакомых в столичных литературных кругах. Так, еще во время учения в московском Благородном пансионе Дмитрий Петрович тесно дружил с Николаем Александровичем Степановым, увлекавшимся тогда поэзией, а впоследствии ставшим известным художником-карикатуристом и

¹⁶⁷ Симбирский юбилей Н.М. Карамзина. – Симбирск, 1867, с. 8.

издателем. Наглядным свидетельством общения и романиста с художником стала статуэтка И.А. Гончарова, выполненная Николаем Степановым из папье-маше в манере дружеского шаржа, экспонирующаяся в Ульяновском музее И.А. Гончарова. В 1862 году, когда Иван Александрович стал редактором петербургской газеты «Северная почта», его помощником являлся Юрий Михайлович Богушевич. А через пять лет, когда этот молодой журналист и библиограф редактировал «Литературную библиотеку», он по рекомендации П.А. Вяземского тесно сотрудничал с Д.П. Ознобишиным и охотно публиковал его публицистические статьи¹⁶⁸. Еще в начале своей литературной деятельности Дмитрий Петрович общался в литературной среде с Ф.И. Тютчевым и П.А. Вяземским. Небезынтересно, что в конце 1868 года, когда столичные литераторы обратились к И.А. Гончарову с просьбой познакомить их с главами романа «Обрыв», то Иван Александрович в числе первых своих слушателей хотел увидеть именно П.А. Вяземского и Ф.И. Тютчева¹⁶⁹.

В «Автобиографии», опубликованной в «Сборнике исторических и статистических материалов Симбирской губернии» 1868 года, Иван Гончаров упоминает о том, что в 1852 году он по предложению бывшего министра народного просвещения Абрама Сергеевича Норова был прикомандирован в качестве секретаря к начальнику экспедиции

¹⁶⁸ Каталог основного фонда музея И.А. Гончарова. Вып. 1. — Ульяновск, 1997, с. 28.

¹⁶⁹ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. — М., 1959, с. 382.

вице-адмиралу Е.В. Путятину и отправился с ним на фрегате «Паллада» в трехлетнее путешествие. А когда в январе 1869 года А.С. Норов скончался, Дмитрий Ознобишин, знавший его с юношеских времен как путешественника и литератора, почтил память скончавшегося стихотворением:

*Угас паломник наш, участник грозной битвы,
Безногий юноша с полей Бородина!..
Он, чья душа была святилище молитвы,
Сердечной теплотой вся речь оживлена!
В кругу друзей навек его замолкла лира,
Но к славе Родины любовью он горел,
И старец, видя блеск картин «Войны и мира»,
Как лебедь песнь свою прощальную воспел¹⁷⁰.*

15 декабря 1873 года И.А. Гончаров (вместе с Н.А. Некрасовым, А.А. Краевским, А.В. Никитенко и др.) был избран в редакционно-издательский комитет по подготовке литературного сборника «Складчина», весь доход от которого поступит на нужды голодающих крестьян Самарской губернии. Иван Александрович отдал в «Складчину» свой очерк «Через двадцать лет», и, думаясь, не без его участия в сборник была включена одна из ознобишинских «народных реляций» из франко-прусской войны – «22 августа 1870 года» («Чернь ворвалась в палаты...»). Уместно вспомнить, что 26 августа 1870 года И.А. Гончаров в письме к С.А. Никитенко сообщал: «Наполеон в

¹⁷⁰ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. Т. 2, с. 576.

плени, во Франции республика... Наполеон, этот автор Крымской войны и польского восстания, опротивел не одним нам, а всем... У нас теперь столпотворение: кто за французов, кто за пруссаков...»¹⁷¹.

Нетрудно заметить, что взгляды И.А. Гончарова и Д.П. Ознобишина на Крымскую и франко-прусскую войны, другие важные международные события 1850-1870-х годов во многом совпадают. И совсем поразительное сходство обнаруживается во взглядах писателей-земляков на некоторые злободневные проблемы русской жизни. Одной из них в начале 1870-х годов стала судьба гимназического образования. Министр народного просвещения Д.А. Толстой и другие столпы реакции ратовали за усиление роли древних языков (латыни и греческого) в программе мужских (классических) гимназий, причем даже в ущерб изучению истории, русского языка и русской литературы и естественных наук.

Дмитрий Ознобишин в связи с этим писал 5 августа 1872 года в Петербург бывшему симбирскому педагогу А.П. Крыжину: «Относительно возникшей в наше время борьбы между классическим и реальным образованием, я могу только скорбеть, что она могла возникнуть. Мне кажется, – продолжал поэт, – все происходит от взаимных с обеих сторон увлечений, а главное – от недоразумения. Безумно было бы в наше время опровергать необходимость и очевидную пользу классического

¹⁷¹ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. – М., 1959, с. 408.

образования. Всякий благоразумный человек вполне убежден в этом; но вместе с тем он не может отрицать необходимость и реальных школ. Остается только примирить оба эти условия образования. Предоставьте открытыми для классицизма все университеты со всеми их учеными степенями и привилегиями, но не закрывайте же наглухо дверь служебной карьеры для реалистов! Ведь в технологическом усовершенствовании не только наши фабрики, наполненные англичанами, немцами и французами, но и все ремесленные заведения сильно нуждаются и страдают от отсутствия природных русских усердных деятелей!

Не оправдываю Краевского (Евгения Андреевича, публициста газеты «Голос». — **Ж.Т.**) в его грубых нападках на распоряжения нашего энергичного графа Д.А. Толстого (министра народного просвещения. — **Ж.Т.**), но думаю, что огульное обвинение реалистов в безверии и нигилизме едва ли имеет достаточное основание. Надобно доискаться корня этого зла не в изучении естественных наук, а гораздо глубже!.. Преследование и гонение только сильнее возбуждает страсти...»¹⁷².

Насколько эти суждения поэта созвучны взглядам И.А. Гончарова, легко убедиться, заглянув в воспоминания романиста «В университете», где поясняется почему он не получал наслаждения от чтения древних авторов: «Читая французские, немецкие и английские книги, мы будто слушаем и видим живого француза, немца и англичанина,

¹⁷² ЦАРФ. Ф. 1096, оп. 3, д. 10856, л. 3.

ловим звуки, интонации, словом — нам говорит живой человек. Мы сличаем говор с печатным словом, чуем живой дух и всегда в состоянии сделать надлежащую аналогию. По-латыни и по-греческому этого нет. ...Я вовсе не отвергаю полезности изучения древних языков, — продолжал Гончаров, — такой ереси я проповедывать не хочу. Пусть желающие учатся им до самых корней, пусть «наслаждаются» преодолением филологических трудностей... Я только — как почти и все общество — против принудительного изучения этих языков в ущерб другим знаниям, иногда даже и знанию своего отечественного языка. Но, кажется, этот вопрос, если еще не разрешился, то решается уже в желательном для большинства смысле — и ломать копыя против подавляющего натиска классицизма не приходится»¹⁷³.

Эти мудрые суждения Ивана Александровича были опубликованы в апрельской книжке столичного «Вестника Европы» за 1887 год, то есть через 15 лет после схожих высказываний Ознобишина. И в том, что «натиск классицизма» в мужских гимназиях России все же будет отбит передовой общественностью, есть вклад наших выдающихся симбирян.

¹⁷³ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7, с. 251.

Глава 17

ТРИ ВИЗИТА И.А. ГОНЧАРОВА В ФОТОАТЕЛЬЕ С.Л. ЛЕВИЦКОГО

Впервые Ивану Александровичу довелось позировать перед объективом фотоаппарата с группой офицеров «Паллады» в ноябре 1852 года, когда фрегат перед кругосветным путешествием проходил ремонт в Лондоне. Осенью 1855-го, уже в Петербурге, в период сильного увлечения Елизаветой Васильевной Толстой, он видится с нею в павильоне известного фотомастера С.Л. Левицкого, куда она с кузиной пришла заказать портреты. А 15 февраля 1856 года наш романист опять побывал у Левицкого, но уже для того, чтобы быть запечатленным на фотографии, которая потом будет многократно публиковаться в различных изданиях с аннотацией: «Группа писателей «Современника». В первом ряду слева направо И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.В. Дружинин, А.Н. Островский. Во втором ряду Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович».

Каждый участник исторического снимка гордился, что ему посчастливилось оказаться в такой славной компании. В рабочей комнате яснополянского дома Л. Толстого эта фотография висела на самом видном месте. Года за три до своей кончины Лев Николаевич с грустью записал в

дневнике: «Глядел на портреты знакомых писателей 1856 года, всех умерших, живо представлял себе...».

Дорога была эта фотография, конечно, и И.А. Гончарову. Спустя три десятилетия Иван Александрович снова идет в павильон Левицкого... Но прежде чем говорить о том, что привело его сюда в третий раз, познакомимся с фотомастером.

Сергей Львович Левицкий (в некоторых справочниках он указывается под фамилией «Львов-Левицкий») – двоюродный брат А.И. Герцена, друг многих литераторов, признанный «отец русской фотографии». Еще в 1840 году, в период дагерротипных съемок (когда изображение, минувшая негативную стадию, закреплялось на металлической пластинке, было зеркальным и в единственном экземпляре), Сергей Львович, воспитанник юридического факультета Московского университета, так увлекся фотографией, что ради нее навсегда оставил чиновничью службу. Обладая современным аппаратом с оптикой, Левицкий создает на Кавказе серию ландшафтных снимков и затем отправляет их на выставку в Париж, где они получают высокую оценку.

Воодушевленный успехом, Сергей Львович путешествует по Европе и в 1845 году в Риме запечатлевает на дагерротипных снимках Н.В. Гоголя в группе российских художников (среди них – Н.А. Рамазанов и К.М. Климченко – соавторы академика С. Гальберга по созданию памятника Н.М. Карамзину в Симбирске). В 1847 году Левицкий сконструировал камеру с мехами для удоб-

ства наводки на фокус. А через два года в Петербурге фотомастер открыл дагерротипное заведение «Светопись», изготавливавшее художественные портреты, лучшие из которых были удостоены золотой медали на международной фотографической выставке¹⁷⁴. Естественно, что Левицкий одним из первых в Петербурге стал делать фотографические отпечатки на бумаге. Как художник-новатор Сергей Львович первым применит при съемке электрический свет и вспышку магния¹⁷⁵.

В начале 1856 года Левицкий задался целью создать галерею портретов известных литераторов России и в связи с этим обратился к ним с предложением приходить в его ателье на съемку. Столь лестное предложение не осталось без внимания гостей Николая Алексеевича Некрасова, собравшихся у него дома 14 февраля на обед в честь Александра Николаевича Островского, известного своими пьесами «Банкрот», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок» и другими шедеврами. Здесь присутствовал поручик Лев Николаевич Толстой, прибывший после окончания Крымской войны в Петербург в ноябре 1855 года и уже известный читателям по публикациям в «Современнике» «Детства» и «Отрочества», а также «Севастопольских рассказов», пользовавшихся большим успехом. Был здесь популярнейший писатель

¹⁷⁴ Чибисов К.В. Очерки по истории фотографии. – М., 1987, с. 25.

¹⁷⁵ Волков-Ланит Л.Ф. Искусство фотопортрета. – М., 1987, с. 25.

Иван Сергеевич Тургенев, отбывший три года ссылки в селе Спасском за напечатанный некролог на смерть Н.В. Гоголя, а в сущности, как говорил сам писатель, за «Записки охотника». Теперь, после смерти Николая I, Некрасов, и раньше помогавший опальному писателю-другу, стремился сделать его постоянным сотрудником «Современника». Присутствовал на обеде и некогда ведущий критик «Современника» Александр Васильевич Дружинин, которого Некрасов, несмотря на наметившиеся идейные разногласия, стремился сохранить в числе сотрудников своего журнала. Пятым участником обеда 14 февраля был симбирянин Дмитрий Васильевич Григорович, один из ближайших друзей Ф.М. Достоевского, давний сотрудник Некрасова, автор рассказов («Петербургские шарманщики», «Деревня», «Антон Горемыка»), вызвавших похвалу Виссариона Белинского, а его роман «Рыбаки» Александр Герцен назвал удивительным.

И, наконец, был здесь наш знаменитый земляк Иван Александрович Гончаров, уже известный широкой общественности как автор романа «Обыкновенная история», отрывка из романа «Обломов» («Сон Обломова»), а также фрагментов из книги «Фрегат «Паллада», тесно общавшийся с Некрасовым до своего кругосветного путешествия и по возвращении вновь нашедший у него теплый прием. Не случайно именно в «Современнике», в январской книжке за 1856 год, появляется один из первых в печати, причем весьма доброжелательный, отклик А.В. Дружинина на гончаровский очерк «Русские в Японии».

Вот в такой именитой компании поручик Лев Толстой, еще ни разу не бывавший в современных фотоателье, предложил всем присутствовавшим 14 февраля на обеде у Некрасова утром следующего дня сойтись у Левицкого для фотографирования. Сам Николай Алексеевич занемог, но все гости выполнили уговор и утром собрались в известном ателье на Невском.

Приветливо встретивший дорогих посетителей Сергей Львович познакомил их со своими работами, создал непринужденную обстановку и по одному сфотографировал Толстого, Тургенева, Гончарова, Григоровича, Островского и Дружинина. Затем фотомастер стал усаживать их вместе, чтобы создать групповой снимок. Но в то время еще применялась довольно длительная выдержка, и по тем или иным причинам, говоря словами Дружинина, общая группа «долго не давалась»¹⁷⁶.

Иван Александрович находился в далеко не лучшем расположении духа, ибо в ближайшие дни предстояла смена службы (оставление места переводчика Департамента внешней торговли и определение литературным цензором в Петербургский цензурный комитет). А главное, Елизавета Васильевна Толстая, с которой он познакомился в семье Майковых еще в начале 1840-х годов и к которой с лета прошлого года питал самые серьезные чувства, стала чуждаться общения с ним, отдавая предпочтение своему другу детства и

¹⁷⁶ Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 1. — М., 1978, с. 75.

дальнему родственнику блестящему офицеру А.И. Мусину-Пушкину.

Несмотря на глубокие переживания, Иван Александрович держался как настоящий мужчина и в письме к Е.В. Толстой от 20 февраля 1856 года, то есть через четыре дня после посещения павильона Левицкого, одобрительно отзывался о прошедших съемках: «Все это удалось превосходно. Я помню свое обещание послать Вам свой портрет; если Вы не отказались от своего желания иметь его, я пришлю... Пришлю и группу... Когда снимали группу, я думал о Вас – вовсе не нарочно: я вспоминал, что видел Вас в этой самой комнате с кузиной. Портреты будут готовы на первой неделе поста». Судя по этому письму, Гончаров во время съемки поодиночке на какое-то время отвлекся от сердечных переживаний, и поэтому выражение лица получилось не столь грустным и отрешенным, более собранным. Из полдюжины полученных своих фотопортретов уже в начале марта Иван Александрович дарит А.В. Дружинину и А.А. Краевскому¹⁷⁷. Получили фотографии и родные в Симбирске, и семья Майковых.

Индивидуальные портреты писателей, сделанные Левицким 15 февраля 1856 года, получили широкое распространение. Этому поспособствовал редактор «Художественного листка» В.Ф. Тимм, который в 1859 году в своей литографии издал серию альбомных листов с портретами «Русских

¹⁷⁷ Описание материалов Пушкинского дома. V. – М.-Л., 1959, с. 52.

современных писателей», сгруппированных по шесть на каждом листе. Портрет И. Гончарова он расположил рядом с портретами Я. Полонского, П. Мельникова-Печерского, А. Краевского, А. Дружинина и А. Писемского. А трое писателей, фотографировавшихся у Левицкого 15 февраля 1856 года — Л. Толстой, И. Тургенев и Д. Григорович, в издании Тимма оказались в компании с И. Панаевым, В. Соллогубом и Н. Некрасовым, то есть с теми писателями, которые продолжали сотрудничать в «Современнике», где ведущими критиками являлись Н. Чернышевский и Н. Добролюбов.

Но и групповая фотография 1856 года работы Левицкого продолжала жить. В 1880 году Г.Н. Скалони по своему способу сделал с нее отпечаток и опубликовал в Приложении к № 4 «Русской старины».

Прошло 28 лет, и в марте 1884 года Иван Александрович вновь, в третий раз, оказался в петербургском ателье С.Л. Левицкого. Как это случилось, можно судить по письму к нему Гончарова из Финляндии от 7 апреля, сразу же по получении от известного мастера своих фотографий: «Вы мне сделали к празднику приятнейший сюрприз! Видя, как Вы обременены делами, я не решился и заикнуться о том, что мне крайне нужно бы к первому дню Пасхи две-три карточки, и даже совестился, что пришел к Вам в такое суетливое время! И вот они или оне (карточки) передо мною — и как тонко, изящно вышло! Не нахожу слов благодарить Вас!

Вы правы: лучшая из них в профиль. Но ей не уступает и другая с локтем на ручке кресла и с висящей кистью руки. Эти две – обе лучше! Третья – с прижатыми локтями и сложенными вместе кистями рук – уступает тем двум только тем, что кисть руки вышла угловата и рот как будто открыт немного. Между тем этих последних находится в пачке пять: я буду просить после праздника переменить их мне на первые два образца¹⁷⁸.

Даже дилетант, взглянув на понравившиеся Ивану Александровичу карточки, поймет, что Сергею Львовичу Левицкому и на сей раз удалось в полной мере проявить свои замечательные способности первоклассного фотографа-художника и запечатлеть навечно необычайно одухотворенный образ великого романиста. Так что можно сказать, что все три визита И.А. Гончарова в фотоателье С.Л. Левицкого, находившееся неподалеку от Аничкова моста через Фонтанку, оказались удачными.

¹⁷⁸ Описание материалов Пушкинского дома.V, с. 44.

Глава 18

«...АЛАЕВЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ НА КАЖДОМ ШАГУ...»

Это заявление писатель сделал 26 июня 1877 года в письме к своей сестре Анне Александровне Музалевской, которая, переживая недавнюю кончину мужа, Петра Авксентьевича, винила и его, и себя в возникновении «несчастливых обстоятельств», предопределивших роковую развязку.

Иван Александрович посчитал «грехом» напускать на себя «эдакую странную мысль» и заметил сестре: «...если ты и Петр Авксентьевич и были наказаны так больно, так уж, конечно, за что-нибудь важное, нежели за то, что Вы доверили слепо все Ваше состояние в одни руки злодея, как ты трагически называешь Алаева!

Поройся в своей душе, — продолжал он, — и, может быть, найдешь какой-нибудь другой или другие грехи, а не такие пустяки! В одни руки не надо вверять всего (так учит жизнь) даже самому честному человеку. Он не станет обманывать, но его самого обманут обстоятельства — и он поневоле станет обманщиком. Может быть, и Ваш злодей, когда брал деньги, то надеялся разбогатеть и возвратить. А когда пустился в рискованные обстоятельства, и ему не повезло, он поспешил сам на берег, а других утопил! На то он и злодей! Честный человек сам разорился бы, но отдал бы чу-

жое: такие редки, а Алаевы встречаются на каждом шагу: т.е.: при хороших обстоятельствах – честные, а при дурных – нет. Есть бесчестные и при тех, и при других обстоятельствах, но я Алаева не знаю – и Бог с ним!»¹⁷⁹.

Письмо Анны Александровны, в котором она излагала брату-писателю эти «рискованные обстоятельства», не сохранилось, и поэтому в гончаровиане появилось несколько различного рода комментариев относительно конкретной обстановки и условий, на которых чета Музалевских вверила весь наличный капитал «злодею» Алаеву.

Племянник романиста Александр Николаевич Гончаров в своих воспоминаниях, записанных в начале XX века симбирским краеведом М.Ф. Суперанским, утверждал: «Музалевские имели очень хорошие по тому времени средства: Трегубов (помещик, крестный отец Ивана Александровича Гончарова, его брата и обеих сестер. – **Ж.Т.**) оставил Анне Александровне около десяти-двадцати тысяч рублей и до двухсот десятин земли вблизи Симбирска. Муж ее (доктор П.А. Музалевский, имевший богатую практику. – **Ж.Т.**) зарабатывал по десять-пятнадцать тысяч рублей в год; люди они были скромные и отложили до ста двадцати пяти тысяч рублей серебром. Деньги эти отдали какому-то Алаеву на железнодорожное предприятие. Тот обещал им золотые горы, но, получив деньги, скрылся. Вслед за этим случился

¹⁷⁹ Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова, с. 219.

грандиозный пожар 1864 года, уничтоживший почти весь Симбирск, и Музалевские, разорившись, переселились в Москву...»¹⁸⁰.

Доцент П.С. Бейсов в своей книге «Гончаров и родной край», вышедшей в 1960 году, припомнил это объяснение, но тут же привел из «Списка дворян, владевших землей в Симбирской губернии, оставшиеся за наделом крестьян в 1867 году», данные о том, что А.А. Музалевская продолжала быть владелицей свыше тысячи десятин земли¹⁸¹. Более того, как это видно из сборника П. Мартынова «Селения Симбирского уезда», доктор П.А. Музалевский в 1869 году продал свои 874 десятины земли близ сельца Сергиевский приют П.П. Мещеринову¹⁸².

Словом, документы неопровержимо свидетельствуют, что своего капитала (или части его) чета Музалевских лишилась не до симбирского пожара 1864 года, а десятилетием позже, скорее всего в конце 1876 или начале 1877 года, когда они уже обитали в Москве, причем, по сведениям старшего сотрудника музея И.А. Гончарова Юлии Михайловны Алексеевой, Музалевские проживали на Смоленском бульваре (3-й квартал Пречистенской части) в доме... Алаева! Если учесть, что соседями Музалевских в Симбирске на Тихвинской улице были Алаевы, то слова И.А. Гончарова, поставлен-

¹⁸⁰ Вестник Европы, 1908, № 12, с. 21.

¹⁸¹ Бейсов П.С. Гончаров и родной край. — Куйбышев, 1960, с. 66.

¹⁸² Мартынов П. Селения Симбирского уезда. — Симбирск, 1904, с. 137.

ные в заголовок моего очерка, можно понимать чуть ли не в буквальном смысле.

Во всяком случае, фамилия Алаевых была известна многим в Симбирске еще в первой трети XIX столетия. Так, мещанин Семен Васильевич Алаев заканчивал курс обучения в местной мужской гимназии в 1830 году, когда братья Николай и Иван Гончаровы готовились в Симбирске к поступлению в Московский университет. Правда, Семен Алаев предпочел дальнейшему образованию чиновничью службу, и его карьера была небезуспешной: в 1853 году он в чине титулярного советника занимал весьма престижную должность правителя канцелярии симбирского губернатора¹⁸³.

Однако новые экономические веяния, наступившие в России в эпоху падения крепостного права, увлекли его в иную сферу: оставив коронную службу, Семен Алаев занялся торговлей сельскохозяйственными машинами и орудиями и к середине 1860-х годов уже значился купцом 1-й гильдии, владельцем водочного и пивоваренного заводов, расположенных на берегу Свияги, в выселке Туть. Конечно же, это к нему относится строка в «Губернской фотографии» Д.Д. Минаева: «Гарцует в откупе Алаев».

Совершенно иначе сложилась судьба трех братьев Семена Алаева, которые были младше его. Василий и Михаил, не без влияния своего учителя Н.А. Гончарова (старшего брата романиста),

¹⁸³ Список чинам, состоящим на службе по Симбирской губернии на 1854 год. — Симбирск, 1853, с. 2.

после окончания в 1840 году Симбирской гимназии поступили на гуманитарные отделения Казанского университета и спустя четыре года с дипломами о высшем образовании вернулись на родину. Василий Васильевич занял место старшего преподавателя законоведения в родной гимназии и, по отзыву инспектирующих, вел уроки «весьма успешно». Незаурядным показателем его работы стала «Краткая историческая записка 50-летнего существования Симбирской гимназии», с которой он выступил на торжественном акте 12 декабря 1859 года.

Руководство Казанского учебного округа, подводя итоги подобных же юбилейных мероприятий в других гимназиях Поволжья и Урала, особо отметило, что только В.В. Алаев смог составить историческую записку о своей гимназии. К этому следует добавить, что в 1860-1861 учебном году Алаев представил начальству свое «Мнение на проект преобразования морской судебной части». Однако, несмотря на успешное начало педагогической деятельности, Василий Васильевич вскоре ее сменил на должность «стряпчего губернских казенных дел» и в 1865 году исполнял даже обязанности губернского прокурора.

Его брат, Михаил Васильевич Алаев, вместе с ним занимался в Казанском университете, а по возвращении в 1853 году на родину поступил служить в канцелярию губернатора, правителем которой был старший брат Семен Васильевич. И уже через несколько лет Михаил Алаев стал старшим помощником правителя канцелярии. Тем не

менее, чиновничья карьера не стала делом жизни. Не без влияния своего гимназического учителя-словесника Н.А. Гончарова Михаил Алаев увлекся журналистикой. Так, 21 марта 1859 года он выступил в «Симбирских губернских ведомостях» со статьей «О плане издания «Памятных книжек» в «Симбирских губернских ведомостях». Отметив, что последние четыре года в родном городе прекратилось издание даже списков чиновников, М. Алаев заявил: «Между тем, приволжское положение Симбирской губернии, ее торговля хлебом, запасы леса в некоторых уездах, промыслы, ярмарки, земледелие, скотоводство, а также минералогическое отношение (изобилие мела, извести, жерновых камней, бутового камня и проч.) – все это дает право на равный интерес с теми губерниями, о которых изданы подробные описания».

Далее автор подробным образом перечислил исторические, географические, этнографические и статистические темы и проблемы, которые должны всесторонне характеризовать родной край в будущих «Памятных книжках». Редактор неофициальной части Н.А. Гончаров не только поддержал основные положения статьи своего молодого сотрудника, но и пообещал читателям в «непродолжительном времени» опубликовать в «Губернских ведомостях» главы из фундаментального «Статистического описания Симбирской губернии», составлявшегося капитаном Генерального штаба И.П. Покровским.

Обращает внимание и отклик М. Алаева «По поводу журнальных и газетных статей в неофици-

альной части «Губернских ведомостей», которую Н. Гончаров опубликовал в «Симбирских губернских ведомостях» 28 ноября того же 1859 года. Соглашаясь с тем, что во многих губернских газетах подобного рода редко пишется о заведении лечебниц, школ и банков, о «способах обработки земли, о фабриках и ремеслах», других насущных вопросах культурной и экономической жизни, Михаил Васильевич с горечью заметил: «А что могут сделать редакторы «неофициальной части»? Ведь помещать статьи литературного характера им запрещается... Возможно ли редактору, как ни будь он начитан и сведущ, без сотрудников, без сочувствия к его отделу местного общества, приготавливать к каждой субботе оригинальные листки?» Не забыл автор упомянуть и о том, что редакторы неофициальных частей газет получают от 300 до 500 рублей в год, из которых они еще иногда выдают вознаграждение переписчикам... Если учесть, что в этом же месяце «Симбирские губернские ведомости» публиковали очерки из книги «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова, то выступление М. Алаева было существенной поддержкой для редактора Н.А. Гончарова.

Небезынтересным стал «Общий очерк средств к учреждению женских школ в городе Симбирске» М. Алаева, напечатанный 3 марта 1860 года в «Симбирских губернских ведомостях». Этот очерк и сейчас является важнейшим источником для всех, кто интересуется историей женского образования. (Патриоты нынешней гимназии № 3 узнают из этого очерка, что Елисаветинское учи-

лице создавалось в 1820 году только «для образования дочерей дворян и чиновников»).

В 1862 году М. Алаев оставил службу в канцелярии и стал «губернским стряпчим», то есть судейским чиновником. Вскоре он был избран и секретарем Общества сельского хозяйства (в котором видную роль играл П.К. Рудольф, родственник Гончаровых). И еще немаловажная деталь, почерпнутая из документов городской думы за 1867 год: М.В. Алаев имел деревянный дом на каменном фундаменте на Тихвинской улице (ныне – Плеханова), то есть по соседству с усадьбой доктора П.А. Музалевского¹⁸⁴.

И, наконец, о самом младшем из братьев Алаевых – Сергее Васильевиче. Учение в Симбирской гимназии он закончил в 1854 году, вместе с Константином Пузинским, известным впоследствии в России исполнителем женских ролей на театральной сцене. Но по окончании курса учения в Казанском университете Сергей Алаев избрал весьма и весьма скромную должность учителя русского языка Симбирского уездного училища и стал таким образом коллегой своего гимназического преподавателя Н.А. Гончарова. Из «Раскладной ведомости» городской думы за 1878 год видно, что надворный советник С.В. Алаев имел в Зотовском переулке (ныне – переулок Кузнецова), на правой стороне, если идти по Тихвинскому спуску (ныне – спуск Халтурина) полукаменный дом с надворными постройками и садом. То есть он был со-

¹⁸⁴ ГАУО. Ф. 144, оп. 1, д. 126, л. 121.

седом П.А. Музалевского и, что важно, оставался здесь жить и после кончины доктора в Москве¹⁸⁵.

Даже беглое знакомство с братьями Алаевыми позволяет считать, что последние трое из них были хорошо известны и Н.А. Гончарову, и семье Музалевских, причем как деятели, непричастные к сомнительному предпринимательству. Подозревать в вовлечении доктора Музалевского в рискованные затеи с акциями каких-то компаний можно только Семена Алаева, который и в середине 1860-х годов являлся одним из самых преуспевающих в Симбирске купцов 1-й гильдии, владельцем водочного и пивоваренного заводов, нескольких жилых зданий и складов. Именно вместе с ним в мае 1866 года (по жандармским сведениям) доктор П.А. Музалевский, возвращавшийся на пароходе из Симбирска в Москву, имел доверительную беседу по поводу недавнего покушения Д.В. Каракозова на жизнь Александра II.

Однако просмотр архивных фондов, а также «Симбирских губернских ведомостей», в которых регулярно публиковались сведения о различного рода судебных тяжбах и вексельных операциях, показал, что в 1860-1870-х годах в Симбирске не появлялось сообщений, связанных с гибелью капитала П.А. Музалевского. Зато в «Книге симбирского городского маклера» А. Балакирева, чья контора находилась неподалеку от усадьбы доктора, появилась 6 мая 1866 года запись о том, что титулярный советник П.П. Мещеринов занял у

¹⁸⁵ Там же. Ф. 137, оп. 34, д. 2321, л. 156.

«коллежского советника П.А. Музалевского 3000 рублей серебром, за указные проценты»¹⁸⁶. Почти в это же время маклер зарегистрировал сделку Семена Алаева о приобретении им у действительного статского советника В.А. Воейкова 30000 ведер хлебной водки для последующей продажи в розницу.

Как видим, в орбиту рыночных отношений, связанных с определенным риском, были вовлечены и доктор П.А. Музалевский, и бывший чиновник с университетским образованием Семен Васильевич Алаев. Не исключено, что этот новый русский буржуа через какое-то время соблазнит и старого симбирского знакомого доктора Музалевского на покупку высокодоходных акций каких-то столичных компаний. Впрочем, исчерпывающий комментарий к письму И.А. Гончарова от 26 июня 1877 года к своей сестре Анне Александровне Музалевской содержится в архивах Москвы и Петербурга. Лыщу себя надеждой, что он станет достоянием всех почитателей таланта нашего великого романиста.

¹⁸⁶ ГАУО. Ф. 137, оп. 40, д. 95, л. 18.

Глава 19

КИНДЯКОВКА И КИНДЯКОВЫ

(К творческой истории романа «Обрыв» И.А. Гончарова)

«Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздух, воспоминания детства – все это залегло мне в голову... и я писал только то, что переживал, что мыслил, что близко видел и знал...»

Это чистосердечное высказывание, сделанное Иваном Александровичем в статье «Лучше поздно, чем никогда» и опубликованное в июньской книжке столичного журнала «Русская речь» за 1879 год, с понятным интересом было воспринято на родине романиста – в Симбирске. Вдумчивые земляки-читатели «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва» и раньше замечали автобиографические черты в знаменитой трилогии, но особенно тесную связь они находили в последнем романе и утверждали, что «Малиновка» – это Киндяковка, а ее хозяева – представители известного дворянского рода Киндяковы. Подразумевалось, что Иван Александрович не раз бывал в Киндяковской роще и знал ее владельцев 1830-1860-х годов.

Эти обстоятельства заинтересовали столичного журналиста Николая Николаевича Лендера (настоящая фамилия – Рейнхельт), совершавшего в 1888 году поездку по Волге с целью поведать об интересных местностях и уголках; их достопримечательностях: нижегородской ярмарке, рас-

кольничьих скитах, немецких поселениях, крупных хлеботорговых селах.

О губернских центрах в его записках давались лишь «мимолетные справки»: о Нижнем Новгороде – 26 строк, о Казани – 20, а о Симбирске – 11. А вот Киндяковке Н. Лендер посвятил целый очерк под названием «Достопамятный уголок на Волге». Он не раскрывает суть «удачно сложившихся обстоятельств», благодаря которым ему посчастливилось подробно ознакомиться с этим старинным помещичьим гнездом, но думается, что решающую роль при этом сыграл симбирский поэт и краевед Петр Александрович Александров, оказавший содействие в посещении Киндяковки и знакомстве с ее владелицей Софьей Александровной Перси-Френч, урожденной Киндяковой (1834–1902).

Хозяйка имения была сама не чужда литературной деятельности (ее переводы Лермонтова, Некрасова и А. Толстого на английский язык публиковались в Англии), и она познакомила Н. Лендера не только с роскошной Киндяковской рощей, но и со всеми достопримечательностями родового помещичьего гнезда, его историей. Столичный журналист осмотрел полуразрушенный домик, известный под названием «галереи» (здесь находились портреты Киндяковых), в котором, по преданию, в 1840-х годах «живал И.А. Гончаров, гостя у доктора Музалевского», а также просторный деревянный дом с каменным низом и балконами, выходившими на Волгу. Раньше, неподалеку, «красовался на высоте берега» помещичий

дом, каменный в два этажа, подававший признаки жизни при И.А. Гончарове, но он «скоро опустел, затих и затем разрушился...» Н. Лендер узнал также, что «ни для кого не тайна в Симбирске», что многие герои «Обрыва» списаны романистом с натуры: «бабушка» – это А.В. Киндякова (скончавшаяся в 1857 году), Вера – «киндяковская барышня», Леонтий Козлов – «учитель Фед-в», Марк Волохов – тоже действительная личность»...

Н. Лендер был убежден, что те «скромные подробности», которыми он поделился с читателями, «окажут услугу тем любознательным людям, которые, едуци по Волге и любуясь ее красотою и достопримечательностями, не оставят без внимания и скромную «Киндяковку»¹⁸⁷.

Однако даже дочь собеседницы Н. Лендера Екатерина Максимилиановна Перси-Френч (1864-1938) скептически отнеслась к молве о пребывании И.А. Гончарова в здешнем имении. Об этом свидетельствует очерк путешественника, использовавшего июльским днем 1897 года стоянку парохода на симбирской пристани для поездки в Киндяковку.

«Я читала не один раз «Обрыв» только потому, что с его именем связывают Киндяковку, – призналась Е.М. Перси-Френч гостю-путешественнику. – Об этом я узнала сверх всякого ожидания от туристов-писателей, которые время от времени наезжали сюда по летам. Некоторые из них уве-

¹⁸⁷ Лендер Н. Волжский спутник. – СПб., 1904, с. 23.

ряли меня, что здесь И.А. Гончаров жил, тут писал свой роман «Обрыв»... Живя здесь, от некоторых симбирцев я слышала приблизительно то же самое. Кто-то мне передавал, что знаменитая бабушка в «Обрыве» – живой портрет Авдотьи Матвеевны – матери Гончарова».

На вопрос путешественника, где тот обрыв, который описан Гончаровым, Е.М. Перси-Френч ответила: «Дело в том, тот ли в действительности этот обрыв, который описан Гончаровым, утвердительно сказать никто не может. Мне ведь только известно, что сюда, в Киндяковку, ездил нередко Иван Александрович к своему приятелю Киндякову, гостил нередко... Точно так же некоторые с уверенностью говорят, что Гончаров писал «Обрыв» здесь, в Киндяковке. Насколько это справедливо – не знаю». «Немного погодя, – говорится далее в очерке путешественника, – мы, беседуя, вышли к «Обрыву», который в действительности мало походит на обыкновенный обрыв; это скорее была небольшая терраска, покрытая, как и все окружающее, густой зеленью старых берез, сосен и др.»¹⁸⁸.

В рассказе 35-летней Екатерины Перси-Френч, построенном лишь на людской молве, достоверно одно: Иван Александрович бывал в Киндяковке. И это естественно, ибо здешняя прекрасная дубовая роща и прилегающая к ней живописная местность, включая обрывы и терраски, с которых удобно любоваться матушкой Волгой, издавна

¹⁸⁸ Симбирские губернские ведомости, 1897, 19 июля.

являлась любимым местом загородных прогулок горожан. Ведь еще наш земляк И.И. Пушкарев в своем «Историко-географическом описании городов Симбирской губернии» (СПб., 1837 г.), рисуя очаровательный ландшафт Киндяковки, с гордостью напоминал: «Там наши Карамзин и Дмитриев, в юности своей, любили приветствовать весну и почерпали первые вдохновения из чистейшего источника Природы, и там лучшее общество находило всегда радушие хозяев, приют истинного удовольствия».

Сенатор П.И. Сумароков, рассказывая о посещении Симбирска в 1838 году, поведал и то, как по предложению губернатора они отправились прогуляться версты за три к г. К...кову», который должен был быть и его знакомым. На месте, то есть в Киндяковке, выяснилось, что сенатор никогда раньше не видел хозяина, а коротко знал двух братьев его. «Сели на балконе, – продолжал Сумароков, – погода прелестная, местоположение превосходное, ущелья, пригорки казались островками Швейцарии или Тавриды. Подавали мороженое и персики, абрикосы, виноград. Немного спустя повели в рощу... Лужайка освещалась фонарями, стояла там софа и на столе приготовлены плоды, чай. Барыни (их было 12) с хозяйкой К-д-вой удостоили меня угощением...»¹⁸⁹.

Известный публицист Ю.Ф. Самарин, повествуя С.Т. Аксакову об охоте, в которой ему дове-

¹⁸⁹ Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими заключениями в 1838 году. – СПб., 1839, с. 164.

лось участвовать осенью 1849 года в компании симбирских дворян, особо остановился на описании местности южнее города: «Правый берег Волги оканчивается обрывом, иссеченным трещинами и дождевыми промоинами. Эти трещины и промоины в самом низу образуют лощины, овраги и ямы; все это проросло самым частым кустарником, который стелется сверху вниз и легким скатом доходит почти вплоть до дороги, идущей вдоль берега Волги... Если вы любите покой, то стойте на краю обрыва; из десяти зайцев (преследуемых собаками. — **Ж.Т.**) пять наверное побегут в гору, и вам придется стрелять их на чистом месте»¹⁹⁰.

С падением крепостного права и развитием пароходства на Волге резко возросло число желающих побывать в южных живописных окрестностях Симбирска. Об этом ярко свидетельствует цитируемый выше очерк путешественника в «Симбирских губернских ведомостях» 1897 года: «Всю дорогу (следуя от волжской пристани. — **Ж.Т.**) мы на каждом шагу встречали гуляющих, возвращающихся из Киндяковской рощи, и некоторые из них с узелками, корзинами и даже самоварами. Оказывается, что и «средний класс» каждый праздник совершает свои скромные загородные поездки в Киндяковскую рощу. Через каких-нибудь 20 минут мы были в этой роще, где широкая аллея, повернув налево, привела прямо на обширный двор, с трех сторон занятый службами, окруженными, как и сам барский дом, парком».

¹⁹⁰ Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 12. — М., 1911, с. 232.

30 декабря 1898 года в «Симбирских губернских ведомостях» появилась первая гончароведческая публикация местного краеведа – преподавателя духовной семинарии Василия Алексеевича Ястребова под названием «Киндяковка (Из местных преданий)». Констатируя, что этот «живописный уголок» с давних пор является «местом летних гуляний для симбирских жителей», автор остановился на преданиях, которые тоже влекут сюда симбирян, да и не только их. На первое место В. Ястребов поставил рассказы старожилов деревни о том, что в первой половине XIX столетия в Киндяковке (она же Винновка) еще стоял «барский каменный дом, а возле него большой деревянный флигель, известный под именем «картинной галереи». Этот флигель замечателен тем, что в нем жил наш родной, известный писатель И.А. Гончаров».

Затем, тоже со слов старика-пчельника, В. Ястребов передал печальное предание о том, будто в начале столетия одна из дочерей Киндяковых за несколько дней до свадьбы с конногвардейцем заболела и скоропостижно скончалась («рассказывают, что будто бы ее отравила горничная по наущению другого, отвергнутого ею жениха»). Согласно завещанию покойной, ее похоронили среди фамильной рощи, на возвышенном месте, расположенном по правую сторону дороги, идущей в Симбирск. Над ее могилой был воздвигнут памятник-часовня в виде беседки, с четырех сторон которой по углам «были устроены барельефы, символизирующие атрибуты бренности человечес-

кой жизни, именно: разбитая урна с текущей водой, изломанный якорь, залитая водой ладея и человеческий череп с костями. Наверху на красивом резном куполе стоял гипсовый ангел с большим золоченым крестом». «Недалеко от барского дома в Киндяковской роще, – продолжал В. Ястребов, – между редкими кустарниками, опускающимися вниз по обрыву, есть одинокая, забытая могила – простой дикий камень покрывает ее, надпись на камне от времени сгладилась». По рассказам старожилов из крестьян деревни Винновки (Киндяковки), здесь зарыт самоубийца, сын богатого помещика, первый жених барышни, чей прах покоится в часовне... Говорили они и о том, что долгое время после случившейся трагедии видели какую-то женщину в белом, которая ходила по Киндяковской роще или сидела на ступеньках памятника-часовни».

В преддверии десятилетия со дня смерти И.А. Гончарова общественность Симбирска, губернская ученая архивная комиссия (СГУАК), а затем и власть имущие предпринимают первые попытки по увековечению памяти великого земляка. Однако даже ходатайство СГУАК перед правительством об открытии всероссийской подписки на сооружение памятника писателю на Новом Венце не имело успеха: министр внутренних дел отклонил эту инициативу из-за «незначительного периода времени, прошедшего со дня смерти И.А. Гончарова...»¹⁹¹. (Как тут не сказать, что ныне

¹⁹¹ Бейсов П. Гончаров и родной край. – Куйбышев, 1960, с. 136.

некоторым литераторам памятники воздвигают в Москве чуть ли не в первую годовщину их кончины...»).

Литератор Петр Александрович Александров, являвшийся правителем дел и музея СГУАК, в 1901 году в нижегородской газете «Волгарь» информировал общественность Поволжья об этой и других неудачных попытках увековечения памяти Ивана Александровича в родном краю. Делился П. Александров и своими разысканиями о знаменитом романисте. В публикации «Симбирские воспоминания о Гончарове» (Волгарь, 1901, № 252) он обозначает место того обрыва, куда «без страха не могла заглянуть Марфинька и куда бросилась очертя голову Вера» «в загородной Киндяковской роще. Только местность от обрыва к Волге изменила свой вид: нет и следа густого бурьяна, старой беседки и забора, через который перелезал чудовищный Марк Волохов. Барская усадьба стоит и теперь». Встреча с собственницей «усадьбы в Киндяковской роще, где находится обрыв», настроила П. Александрова на оптимистический лад: Е.М. Перси-Френч, оказывается, желает соорудить памятник «на свои средства и поставит над прославленным обрывом».

Опуская (ради экономии места) высказывания других исследователей этого романтического места, приведу лишь фрагмент из труда гончароведа Михаила Федоровича Суперанского, опубликованного в февральском номере «Вестника Европы» за 1907 год: «Сохранилось известие, подтверждаемое и Г.Н. Потаниным (учителем в доме Гон-

чаровых, писателем. — **Ж.Т.**), что Гончаров, в один из своих приездов из Петербурга, провел лето на даче в усадьбе Киндякова, не говоря уже о том, что бывал здесь и ранее, так как Киндяковская роща является лучшим местом для загородных прогулок симбирских жителей. Эта усадьба рядом с деревней, на опушке леса, с садом по скату к Волге и страшным обрывом и является местом действия романа «Обрыв». В подтверждение этой мысли М. Суперанский привел выдержку из гончаровского романа: «...С одной стороны, Волга с крутыми берегами и Заволжьем; с другой — широкие поля, обработанные и пустые, овраги, и все это замыкается далью синевших гор. С третьей стороны видны села, деревни и часть города».

Однако М. Суперанский, который общался с Е.М. Перси-Френч по различного рода общественным делам, в своей публикации ничего не сказал о давнем обещании Киндяковых поставить памятник Ивану Александровичу над прославленным обрывом. А ведь сообщения об этом публиковались и в столичной печати. Так, в сентябрьском номере журнала «Артист» за 1894 год говорилось: «Друзья и почитатели И.А. Гончарова намерены, по газетным слухам, поставить писателю памятник на краю обрыва Волги, в нескольких верстах от Симбирска, в имении А.В. Киндяковой». Подобные стремления, как упоминалось выше, были и у Е.М. Перси-Френч. Но бурные события революции 1905-1907 годов, сопровождавшиеся многочисленными нападениями на помещичьи усадьбы, изменили планы хозяйки, и она сделала все,

чтобы оградить свою родовую усадьбу от незваных паломников. Из рассказов старожилов, записанных в 1960-е годы ветераном краеведения Александром Николаевичем Блохинцевым, видно, что вся Киндяковская роща, в которой находилась усадьба Перси-Френч, была окопана рвом и земляным валом. Всякие попытки преодолеть эти препятствия жестоко пресекались наемными конными черкесами. Они пропускали настойчивых гостей, но... только по специальным билетам, продававшимся в магазине управляющего имением на Дворцовой улице в Симбирске¹⁹².

Между тем М. Суперанский, настойчиво продолжавший работу над биографией И.А. Гончарова в январской книжке «Вестника Европы» за 1908 год, коснувшись темы о памятнике у волжского обрыва, сообщил, что, по мнению родственников Гончарова, обрыв, описанный в романе, находился не в Киндяковке, а в саду матери писателя, расположенном в городской черте, на том же горном берегу Волги. Здесь находилась и беседка, в которой происходили свидания Веры с Марком Волоховым¹⁹³. Забегая вперед, замечу, что, разделяя в целом это мнение родственников Ивана Александровича, считаю необходимым внести уточнение относительно «сада матери писателя»: в действительности же часть огромного *родового* сада Гончаровых, раскинувшегося на горном скло-

¹⁹² Блохинцев А.Н. Киндяковка (Рукопись). – Ульяновск, 1983, с. 58-60.

¹⁹³ Вестник Европы, 1908, № 1, с. 22.

не ниже Венца, в приходе Петропавловской церкви, принадлежала не матери, а отцу писателя. Так что Ваня Гончаров мог любоваться не только Волгой, протекавшей у подножья Симбирской горы, но и гладью вод, расстилавшейся у Киндяковки, а в погожие дни видеть и сентилеевские горы¹⁹⁴.

Городская управа, вероятно, с учетом мнения родственников Гончарова, в сентябре 1910 года предложила гласным думы ассигновать три тысячи рублей на установку «статуи писателя на Венце, на краю «обрыва» Симбирской горы», то есть на Новом Венце¹⁹⁵. В то же время члены СГУАК, добившиеся Высочайшего разрешения всероссийской подписки по сбору средств на увековечение памяти Ивана Александровича, считала наиболее полезным ознаменовать 100-летие со дня рождения И.А. Гончарова постройкой здания на Новом Венце, в котором будут «сосредоточены учреждения просветительного характера»: археологический музей, художественная школа и библиотека. И эта точка зрения, к счастью, восторжествовала, и все мы любуемся изящным, радующим глаз зданием, в котором работают областные Краеведческий музей имени И.А. Гончарова и Художественный музей.

Не осталась в стороне от подготовки к знаменательному гончаровскому юбилею и владелица

¹⁹⁴ Трофимов Ж. Ульяновы и их современники. – Ульяновск, 2000, с. 200.

¹⁹⁵ ГАУО. Ф. 137, оп. 40, д. 585, л. 3.

имения в Киндяковке Е.М. Перси-Френч, которая в 1910 году становится действительным членом СГУАК. Обладая колоссальным состоянием – более 13 тысяч десятин земли (главным образом в Сенгилеевском уезде), она отклонила предложения почитателей таланта Гончарова о сооружении на общественные средства памятника в Киндяковке и на свои деньги заказала симбирскому архитектору (проект памятной беседки для установки у «обрыва»). Трудно даже представить, почему именно, но в день 100-летия со дня рождения писателя, 6 июня 1912 года, Перси-Френч пригласила гостей не на открытие, а лишь на смотрины строительства памятника.

Корреспондент газеты «Симбирянин» в номере от 9 июня так повествовал об этом событии: «6 июня перед вечером дорога на знаменитую Киндяковку имела необычайно оживленный вид. По ней мчались тройки, пары, одноколки... Это мчались гости Екатерины Максимилиановны Перси-Френч почтить память Гончарова на «обрыв». У границ гарцевали черкесы и, встречая подъезжавших, показывали путь к «обрыву». К 8 часам вечера на этом историческом месте на верху горы собралась масса публики. Здесь на площадке устроено возвышение, на котором сооружается памятник И.А. Гончарову. Сооружение памятника не закончено, но, судя по всему, должно быть удачным».

Памятник Ивану Александровичу в виде бело-снежной беседки-ротонды был выполнен в античном стиле из специального фасонного кирпича.

«На круглой площадке цоколя было установлено восемь колонн дорического ордера, поддерживающих купол. А под куполом, в центре площадки, был установлен четырехгранный обелиск с двумя бронзовыми мемориальными досками. На одной из них бронзовый барельеф И.А. Гончарова, на другой – надпись, свидетельствующая, что беседка сооружена в юбилейном 1912 году. (К сожалению, в краеведческой литературе не указываются число и месяц ее открытия).

Ни бурные события гражданской войны 1917-1918 годов, ни трудная пора Великой Отечественной войны не сказались на сохранении этого памятника на юго-восточной окраине деревни Винновки. (Лишь в 1992 году, говоря словами гончарововеда И.В. Смирновой, «беседка подверглась нападению вандалов XX века: были выломаны и похищены мемориальные доски».)¹⁹⁶ Реальная же угроза для самого памятника, как это видно из записки доцента пединститута Петра Сергеевича Бейсова и директора Областного краеведческого музея Марка Харитоновича Валкина от 30 апреля 1960 года на имя начальника областного управления культуры М.М. Кошкина, возникла от оврага, «неуклонно разрушающего памятник». «Если даже закрепить овраг, – говорилось далее в записке, – то и в этом случае памятник-беседка теряет свое значение памятника на волжском обрыве. Нужно избежать больших расходов и сохранить памятник в связи с волжским пейзажем. Для этого

¹⁹⁶ Симбирский вестник. Вып. III. – Ульяновск, 1996, с. 169.

нужно памятник перенести в другое место – на обрыв, где находился господский дом Перси-Френч. Это не нарушит исторической правды. Гончаров бывал на этом обрыве, который находится на одинаковом расстоянии от «светелки», как и первый обрыв, где установлен теперь памятник. Жители Винновки называют и то и другое место обрывом... Установка памятника-беседки на новое место вернет ему былое поэтическое очарование, связанное с включением этого памятника в волжский пейзаж, установит связь с рощей»¹⁹⁷.

Это предложение авторитетных краеведов разделялось не всеми их коллегами, и его реализация поэтому затянулась до 1967 года, когда территория невдалеке от памятника-беседки была застроена усадьбами жителей Винновки, а некогда романтический обрыв, разрастаясь, превратился в глубокий овраг со свалками мусора. Летом того же года, с разрешения Министерства культуры РСФСР, состоялся перенос беседки на место, некогда занимавшееся барской усадьбой в Киндяковской роще, примерно на километр севернее того, где она находилась с 1912 года.

Характер разногласий между историками (а порой и путаницы в публикациях) четко прослеживается в изданиях фундаментального путеводителя «Родной город Ильича» 1972 и 1975 годов. В первом из них (с. 359) в справке «Гончаровская беседка» читаем: «Пригородные села Винновка и

¹⁹⁷ Отдел краеведения и библиографии Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина. Папка А.И. Титовского, № 28.

Киндяковка – это бывшие поместья Киндяковых... Близ Винновки находится обрыв, описанный писателем... Невдалеке от богатого барского дома, стоявшего в *центре* Киндяковки находился небольшой деревянный флигель. В этом флигеле в 1849 году Гончаров жил целый месяц. На волжском киндяковском обрыве возник у него замысел романа «Обрыв». В издании 1975 года уже говорится (на с. 334-335), что Киндяковка и Винновка – это одно и то же село, а барская усадьба с флигелем находились не в центре, а южнее бывшего поместья Киндяковых, где, мол, Гончаров и прожил в 1849 году целый месяц.

Проще говоря, авторы путеводителя «Родной город Ильича» (ими значились П.С. Бейсов и А.Н. Блохинцев) внушали читателям, в первую очередь экскурсоводам, что новое местонахождение беседки никак не соотносится с текстом романа «Обрыв». Так продолжалось до 1980-х годов, когда художник-пенсионер, энтузиаст краеведения Александр Иванович Титовский, опираясь на документы и материалы, а также на собственные разыскания, убедительно доказал, что по счастливой случайности беседка-ротонда перенесена как раз туда, где ей и следовало находиться – на территорию бывшего родового поместья Киндяковых. Кроме того, Александр Иванович составил обстоятельнейшую «Киндяковскую топографию «Обрыва», вобравшую его натурные зарисовки и копии исторических документов и фотографий. Эта работа позволяет зримо представить место усадьбы Бережковой (Киндяковых). «Кроме то-

го, — поясняет ее автор, — этот интереснейший фактический материал — существующие и ныне на местности тропки, дороги, спуски, подъемы, аллеи, поляны, по которым ступали ноги самого писателя и героев «Обрыва»; все это позволяет заглянуть в святая святых — творческую лабораторию И.А. Гончарова, большого мастера-реалиста, увидеть на конкретных примерах взаимосвязь, соотношение вымысла и действительности (натуры) в описаниях места действия романа «Обрыв».

В заключение считаю своим долгом отметить ценные публикации последних лет о Киндяковых и Киндяковке, принадлежащие перу научных сотрудников Историко-литературного музея И.А. Гончарова Юлии Михайловны Алексеевой и Ирины Вениаминовны Смирновой. И последнее. Знаменитая Киндяковская роща (ныне называемая Винновской) является уникальным памятником природы, истории, культуры, литературы и, согласно решению Ульяновского областного совета депутатов трудящихся от 15 марта 1961 года, является заповедной территорией, подлежащей государственной охране. Однако в близком соседстве с рощей возведен рыбзавод, продолжается самозахват исторической местности предприятиями и частными лицами, что не может не вызывать протеста всех, кому дороги реликвии киндяковской природы, запечатленной в гончаровском «Обрыве».

Глава 20

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЧУДАК

*Зачем я петь тебя не смею,
Симбирск, мой скромный городок
И, как непризнанный пророк,
Молчу над лирою свою...*

Этим стихотворным эпиграфом известный зоолог и путешественник профессор Модест Николаевич Богданов предварил свой рассказ «Охота в симбирских садах». Пояснив затем, что автором поэтического отрывка является один из его «любимых учителей Николай Александрович Гончаров, брат знаменитого писателя», Богданов продолжал: «Это был замечательный чудак. Добрый и честный, вечно задумчивый, беспамятный, но в то же время общий любимец. Как теперь гляжу на его толстенькую фигуру, круглое лицо, коротко остриженную голову, на его добрые серые глаза, постоянно блуждающие, словно он не видит ничего, что делается вокруг. Да, он и вправду ничего не видел. Войдет, бывало, в класс: все встанут, по обычаю, прочтут молитву, а Николай Александрович похаживает в это время по комнате, заложив руки за спину, и что-то бормочет про себя»¹⁹⁸.

¹⁹⁸ Богданов М.Н. Охота в симбирских садах. — М., 1912, с. 5-6.

Вместе с тем, когда Гончаров разъяснял то или иное грамматическое правило, то даже шалуны внимали его рассказу. «Николай Александрович был поэтом в душе, — продолжал Богданов, — и эту поэзию он вносил в грамматическую сушь. Мы любили часы уроков грамматики также и потому, что чувствовали себя как-то вольнее, свободнее, чем у других учителей. В разных углах класса шли рассказы, толки. Можно было сидеть, как и где хочешь, можно было спорить и даже шалить; только иной раз грозно раздается голос Николая Александровича:

— Тише, барышни, тише!

Величал он нас барышнями потому, что давал уроки в женском Елизаветинском училище и, по рассеянности, ему казалось иногда, что он там, а не в гимназии».

Николай Александрович вносил поэзию не только в русскую грамматику, но и в древнерусский язык, который тоже преподавал в младших классах мужской гимназии. Кроме того, Гончаров был незаурядным оратором и великолепным чтецом. «Кто слышал, как он артистически декламировал басни Крылова, — вспоминал его коллега — историк И.Я. Христофоров, — то вероятно, будет долго помнить его, как самого дедушку Крылова».

По мнению этого же современника, Николай Александрович «отличался замечательными филологическими познаниями. Не говоря уже о русском и церковнославянском языках, которые он знал как настоящий филолог, он основательно

знал и свободно объяснялся на французском, немецком и английском языках»¹⁹⁹.

Как знатока-филолога Гончарова приглашали давать уроки детям в лучшие дома симбирского общества. Его обширными познаниями неоднократно пользовался маститый поэт – майор Дмитрий Иванович Минаев, который свой стихотворный перевод «Слова о полку Игореве», вышедший в 1846 году в Петербурге отдельной книгой, снабдил посвящением: «Николаю Александровичу Гончарову». Учитель был свидетелем и в определенной мере консультантом в издании минаевского двухтомного труда «Тысячелетие Руси в русских народных сказаниях», а в 1856-1857 годах обращался в столицу к своему младшему брату-романисту с просьбами о содействии в прохождении рукописи через цензурные ведомства²⁰⁰.

Вполне вероятно, что в качестве домашнего наставника Николай Александрович внес свою лепту в познание русского языка и словесности сыном майора-литератора будущим поэтом-искривцем Дмитрием Дмитриевичем Минаевым. Конечно, уже и по долгу службы, Гончаров консультировал младшего Минаева, когда тот готовился в 1851-1852 годах к экзаменам на первый классный чин в испытательной комиссии при мужской гимназии²⁰¹. При его непосредственном

¹⁹⁹ Симбирские губернские ведомости, 1873, 11 декабря.

²⁰⁰ Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. – М., 1960, с. 64, 72.

²⁰¹ Трофимов Ж. Д.Д. Минаев и Симбирск. – Ульяновск, 1989, с. 13.

участии (как редактора газеты) состоялся и поэтический дебют Дмитрия Дмитриевича на страницах «Симбирских губернских ведомостей».

Под благотворным воздействием Николая Александровича происходило в конце 1850 – начале 1860-х годов литературное образование родственника Минаевых Василия Николаевича Андреева – будущего гениального лицедея и писателя, вошедшего в историю культуры под псевдонимом Андреева-Бурлака. Так вот, достоверно известно, что еще гимназистом-старшеклассником Василий Андреев овладел мастерством декламации и художественного чтения, что впоследствии помогло ему стать непревзойденным рассказчиком и создателем театра одного актера²⁰².

Имена таких воспитанников Гончарова, как Соковнин, Соколовский и Мандрыкин, менее известны, но тоже делают честь своему литературному наставнику. Николай Михайлович Соковнин, представитель древнего дворянского рода, после окончания симбирской гимназии занимался в Казанском университете, принимал активное участие в демократическом движении, талантливо воссозданном им в «Воспоминаниях старого казанского студента» (Русская старина, 1892, т. 74). Позднее, живя в Петербурге, Соковнин поддерживал отношения с Ф.М. Достоевским, А.Н. Островским, С.В. Максимовым. Небезынтересно, что известный путешественник и фотограф

²⁰² Трофимов Ж. В.Н. Андреев-Бурлак: память и наследие. – Ульяновск, 1995, с. 19.

Вильям Каррик, вспоминая об общении в симбирском крае с Соковниным, назвал его «одной из талантливых русских натур», знатоком народного языка²⁰³.

Тезка и друг Соковнина Соколовский занял в истории культуры России еще более видное место. Работая после окончания учения в Казанском университете в родном Симбирске судебным следователем, Николай Михайлович активно участвовал во всех начинаниях разночинной молодежи, входил в состав учредителей воскресной школы для детей ремесленников и литературных вечеров, разоблачал в «Губернских ведомостях» (редактируемых Н.А. Гончаровым) происки крепостников, помогал Д.Д. Минаеву в создании остросатирической поэмы «Губернская фотография», публиковал собственные фельетоны и литературные обзоры в столичной печати о тургеневской повести «Накануне», «Воспоминаниях» И. Панаева.

Примечательно, что вскоре после появления в печати первых двух частей гончаровского «Обломова» Соколовский пишет для «Отечественных записок» восторженный отзыв, в котором роман писателя-земляка квалифицирует как «лучшее произведение современной литературы». В создании образа Ольги, по его мнению, во всем блеске проявился могучий талант романиста, а имя Обломова станет таким же нарицательным, как Онегин, Печорин, Чацкий, Манилов.

²⁰³ Краеведческие записки. Вып. 8. – Ульяновск, 1989, с. 37.

Однако общероссийскую известность ему доставили публицистические выступления, написанные на основании собственной юридической практики: «Острог и жизнь», «Из записок следователя», «Фальшивый монетчик» и многие другие, печатавшиеся в столичных журналах: «Русское слово», «Дело», «Вестник Европы» и других. Во время сотрудничества в «Эпохе» Ф.М. Достоевского, у Соколовского сложились с ним тесные отношения, и Николай Михайлович консультировал романиста при его работе над «Преступлением и наказанием».

С полным правом можно считать воспитанником Н.А. Гончарова и даровитого литератора Николая Александровича Мандрыкина. После окончания симбирской гимназии и пребывания на правах вольнослушателя в Казанском университете он вернулся в Симбирск и некоторое время тянул здесь лямку чиновника. Но прислуживаться было тошно, и он целиком отдался малооплачиваемому, но любимому литературному труду. Его фельетоны, рассказы и очерки о культурной жизни родного города печатались довольно часто в казанских и самарских газетах, а с конца 1880-х годов стали появляться и в столичных журналах: «Будильнике», «Всемирной иллюстрации» и других. Бытовые невзгоды подорвали здоровье Мандрыкина, и в 1894-м, на 52-м году жизни, он скончался, оставив о себе добрую память²⁰⁴.

²⁰⁴ Волжский вестник, 1894, 13 сентября.

Во время учения в 4 и 5 классах симбирской гимназии на уроках Гончарова сидел сын его сослуживца по гимназии, а затем и по деятельности в комитете Карамзинской библиотеки Дмитрий Николаевич Садовников – будущий певец Волги, автор слов бессмертной песни «Из-за острова на стрежень...». Смело можно сказать, что к истокам его привязанности к фольклору и этнографии прямое отношение имел и Николай Александрович²⁰⁵.

Уместно в связи с этим привести свидетельство писателя Гавриила Никитича Потанина, который в своих мемуарах восхищался Гончаровым как «незабвенным учителем» и единственным человеком в Симбирске, которого любил и уважал. Он писал, что Николай Александрович, вырабатывая у гимназистов осознанное отношение к литературе, приобщал наиболее одаренных из них к творчеству, раскрывал им приемы риторики и композиции, внимательно читал их описания и стихи, давал конкретные советы, как их исправить, улучшить. Подытоживая рассказ о Николае Александровиче, 80-летний Потанин заявил сыну Н.А. Гончарова: «Влияние его на меня было громадно, так что я не обинуясь (не раздумывая, без колебаний. – *Ж.Т.*) могу здесь сказать: «Он создал писателя Потанина»²⁰⁶.

Знаменательным событием в жизни Симбирска стало открытие 12 июня 1860 года при муж-

²⁰⁵ ГАУО. Ф. 932, оп. 2, д. 138, л. 9.

²⁰⁶ Макеев А. Г. Н. Потанин о Н.А. Гончарове // Материалы юбилейной гончаровской конференции. – Ульяновск, 1963, с. 282.

ской гимназии воскресной школы для детей ремесленников. Историк П. Мартынов, рассказывая в книге «Город Симбирск за 250 лет его существования» об успехе ее среди горожан, объяснял это тем, что «преподавание в ней приняли на себя двое пользовавшихся тогда заслуженной репутацией прекрасных педагогов: М.В. Арнольдов и Н.А. Гончаров».

Следует отметить, что в числе учредителей были Н.М. Соковнин и Н.М. Соколовский. Последний из них, обращаясь к энтузиастам-преподавателям предупредил о том, чтобы они были готовы к нападкам на школу со стороны мракобесов и консерваторов. Но заключительные слова оратора источали оптимизм: «Я лучше других знаю, как честно бьются ваши сердца... Докажем, что и здесь, далеко, занимается новая заря. Докажем, что не даром дана наша молодость, что не бесплодно мы убили наши силы!»

Николаю Александровичу в это время шел 52-й год, и здоровье начало сдавать. Да и нагрузка у него была большей, чем у иных молодых просветителей. Ведь помимо преподавательской деятельности в мужской гимназии и женском училище он являлся редактором неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей». Факт этот известен, но некоторые авторы полагают, будто Гончаров нес эту нелегкую ношу лишь «некоторое время»²⁰⁷ или — «в начале 1860-х годов»²⁰⁸. В дей-

²⁰⁷ Симбирские губернские ведомости, 1873, 11 декабря.

²⁰⁸ Бейсов П. Гончаров и родной край. — Куйбышев, 1960, с. 133.

ствительности же Николай Александрович осуществлял руководство неофициальной частью единственной в Симбирске и губернии газеты, в которой, хотя и под цензурой, все же освещалась жизнь края, аж с 1855 по 12 октября 1863 года, то есть без малого девять лет! Причем судьбоносных в истории России, когда происходила ломка крепостнических и становление рыночных отношений, возникновение земских органов самоуправления.

Возможности редактора неофициальной части газеты были весьма скромными, ибо он не имел права даже на перепечатку политических известий, хотя бы и из правительственных изданий. А повелением Александра II от 22 февраля 1855 года подтверждалось, что и впредь «сообщаемые в неофициальной части известия и сведения не должны облекаться в формы таких статей», в которых «имеет место вымысел... каковы повести, рассказы и т.п.»²⁰⁹.

Тем не менее, при редакторстве Николая Александровича в «Губернских ведомостях» время от времени появлялись публикации, отражавшие веяния освободительных реформ. Так, в новогоднем номере «Губернских ведомостей» за 1858 год, когда уже был известен рескрипт Александра II о предпочтительности освобождения крепостных «сверху», Д.Д. Минаев при содействии Гончарова опубликовал свое заздравное со словами:

²⁰⁹ Второе полное собрание законов. Т. 30, с. 29-59.

*Свершая подвиг Гражданина,
На поле мысли и труда,
Мы с верой ожидаем ныне
От предстоящей годовщины
Немало славы и добра.
Заря надежды заблестала...*

Зато безуспешной оказалась попытка Николая Александровича перепечатать в «Симбирских губернских ведомостях» главы из «Фрегата «Паллада»». Но его брат – автор – в письме от 16 ноября 1859 года огорошил: согласно контракту с книгопродавцом И.И. Глазуновым, «перепечатка запрещена»²¹⁰.

Кстати, Иван Александрович в письме от 12 апреля 1862 года к брату в Симбирск счел нужным предупредить его: в газете «не касаться частного быта, личностей, не отвечать на вздорные выходки»²¹¹. Здесь, очевидно, подразумевалась полемика, развернувшаяся в «Ведомостях» в связи с публикациями Д.Д. Минаевым главок из его сатирической «Губернской фотографии».

Редакторская работа, хотя и скупо, но все же оплачивалась, и этот приработок имел для Николая Александровича, содержавшего жену, Елизавету Карловну, сыновей Александра и Владимира и дочь Ольгу, определенное значение. Однако осенью 1863 года он все-таки покинул работу в «Ведомостях».

²¹⁰ Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. – М.-Л., 1960, с. 101.

²¹¹ Там же, с. 121.

С этого времени на целое десятилетие Николай Александрович становится действительным членом комитета Карамзинской общественной библиотеки. Он и раньше жертвовал в ее пользу (скажем в 1847-м его взнос составил 40 рублей), а теперь, помимо уплаты ежегодных членских взносов, на общественных началах, выполнял функции эксперта по определению стоимости книжной продукции, поступившей для пополнения фондов библиотеки. Так, весной 1869 года В.А. Хвощинский, проживавший в г. Курмыше Симбирской губернии, выслал именно Н.А. Гончарову каталог своей библиотеки, насчитывавшей 420 названий и составленной большей частью из беллетристики последних лет, с предложением продать ее за 284 рубля. Николай Александрович нашел эту цену вполне приемлемой и комитет на заседании 12 мая согласился с этим²¹².

В мае следующего года московский купец Н.Д. Сырейщиков, не без влияния проживавшего тогда в Первопрестольной Александра Михайловича Языкова, в письме на имя комитета Карамзинской библиотеки заявил о своем желании пожертвовать библиотеку своего покойного брата Семена Дмитриевича Сырейщикова, но с условием, чтобы указанные в реестре 823 тома были помещены нераздельно. Свое авторитетное «за» в пользу принятия дара и помещения его в отдельном шкафу, но с правом пользования читателями

²¹² Книга протоколов заседаний комитета... на 1870 год, л. 107.

высказали председатель А.П. Языков и члены Н.А. Гончаров, В.В. Черников. Само собой разумеется, что Николай Александрович участвовал в освидетельствовании приобретенной библиотекой литературы, проверке финансовых документов, проведении заседаний комитета и торжественных мероприятий 1 декабря по случаю дня рождения Н.М. Карамзина (совпадающего с его собственным). Можно сказать, что после окончательного ухода Гончарова из гимназии на пенсию в 1870 году Карамзинская библиотека стала самой существенной частью его служения обществу.

И только после того, как в начале ноября 1873 года здоровье Николая Александровича ухудшилось настолько резко, что появилось предчувствие роковой развязки, он обратился к Н.А. Языкову (возглавившему с 1871 года комитет) с полной ответственности и трагизма запиской: «По причине постигшей меня трудной болезни, имею честь просить Вас исключить меня из числа членов комитета общественной Карамзинской библиотеки, которой я не состою должным членских денег. Что же касается до некоторых, у меня оставшихся книг, то они будут в непродолжительном времени возвращены в нее»²¹³.

Хотя его близкие знакомые и бывшие ученики знали о случившейся с ним «водяной болезни», но никто не думал, что 6 декабря, день его именин, станет и днем его кончины, и поэтому, по словам автора некролога инспектора гимназии И.Я. Христофорова, многие пришедшие навестить

²¹³ ГАУО. Ф. Р-4061, оп. 2, д. 15, л. 13.

почтенного старца и поздравить его... застали его уже лежащим на столе!»

Напомнив об основных вехах его служебной деятельности, Христофоров счел нужным развеять преувеличенные слухи о чудачествах почившего уважаемого коллеги: «При своих обширных познаниях», он при «мягкости своего характера и деликатности в обращении, не мог сдерживать грубые проявления юношеской натуры и вследствие этого ему приходилось немало... выносить неприятностей и даже крайних огорчений от некоторых из своих учеников. Если вспомнить, что большая часть педагогической деятельности покойного происходила в такое время, когда страх считался единственным двигателем в развитии и образовании русского юношества, то будет понятно, отчего ему, как учителю, не умевшему внушать страх, приходилось нередко терпеть неприятности от учеников и замечания от начальства».

Тем не менее, последние слова некролога Христофорова (появившегося в «Симбирских губернских ведомостях» 11 декабря 1873 года) примечательны: «Симбирская гимназия, чтя в покойном Н.А. Гончарове честного деятеля и предоброй души человека, сопровождала 8 декабря, в полном составе своих преподавателей и учеников, тело его до могилы».

В заключение хочется привести слова великого гуманиста Людвиг Фейербаха, чьим горячим приверженцем был Николай Александрович: «Лишь тот что-то значит, кто что-то любит». Гончаров, настоящий русский интеллигент, считал деяния во благо людей смыслом своей жизни.

Глава 21

О ПРОТОТИПЕ ЛЕОНТИЯ КОЗЛОВА В РОМАНЕ «ОБРЫВ»

Последний роман своей знаменитой трилогии, по словам самого Ивана Александровича, был задуман им в 1849 году, во время пребывания в Симбирске, тогда же была начертана «программа всего романа». При посещении родного города в 1862 году писатель был уже в курсе тех больших перемен, которые, в связи с падением крепостного права, произошли в жизни и дворянства, и разночинной интеллигенции. Естественно, что изменились характеры и поведение намеченных ранее мужских и женских образов романа. В последующее семилетие, когда «Обрыв» готовился к публикации в столичном «Вестнике Европы», Иван Александрович продолжал лепку образов действующих лиц, переделывая отдельные сцены. Несомненно, что при окончательной редакции рукописи он с особой тщательностью старался, чтобы не дать поводов к превратному толкованию прототипов не только Райского, но и близких к нему лиц — бабушки, Веры, Марфиньки. И можно сказать, что он сделал все возможное, чтобы никто не догадался, кто был прототипом Леонтия Козлова, чтобы не пало подозрение, будто бы в нем он вывел чуть ли не своего собственного брата, гимназического учителя.

Однако, несмотря на все усилия, нашлись-таки в Симбирске читатели, которые посчитали, что Козлов – это Николай Александрович Гончаров. Более того, сын Николая Александровича, Александр Николаевич, в своих воспоминаниях, написанных в 1907 году по просьбе М.Ф. Суперанского, утверждал, что это, мол, и послужило причиной охлаждения между братьями. А его мать, Елизавета Карловна, узнавшая в «распутной» Ульяне Андреевне себя, не простила писателя, назвав его однажды «Ванькой Каином»²¹⁴.

П.С. Бейсов, в связи с этим сообщал в своей книге «Гончаров и родной край»: «В 1953 году местный краевед К.А. Кабанов передал мне групповую фотографию, принадлежавшую его отцу, Андрею Сергеевичу Кабанову, одному из домашних учителей В.И. Ленина. На этой карточке, по словам Кабанова, снят и прототип Козлова, учитель симбирской гимназии Михаил Иванович Чугунов. Это семейное предание основано на том, что у Андрея Сергеевича была книга Гончарова «Обрыв» с пометками самого писателя. В книге была заметка Гончарова и о прототипе Козлова».

На Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова и проводившейся в Ульяновске 17 июня 1997 года, я в выступлении с трибуны кратко проанализировал эти две версии прототипа Леонтия Козлова. И спустя десятилетие я снова излагаю свою точку

²¹⁴ Суперанский М.Ф. И.А. Гончаров и новые материалы для его биографии. – Вестник Европы, 1908, № 11, с. 47.

зрения, основанную на анализе романа «Обрыв», комментариев к нему самого автора, а также на некоторых архивных материалах.

В «Обрыве» несколько раз указывается, что Леонтий Козлов, «сын дьякона», в годы учения в Московском университете, испытывая материальную нужду, ходил в рваной обуви и одежде, не позволял себе питаться в домашней столовой, которую содержали для студентов мелкий чиновник с дочерью Ульяной. Когда же учение в университете осталось позади, Козлов, мечтавший об учительской должности в провинции, получает ее там, а через пять лет едет в Москву, откуда возвращается женатым на Ульяне, круглой сироте.

Опуская другие детали биографии Л. Козлова, тоже совершенно не совпадающие с жизнью и деятельностью Николая Гончарова, а также распутные поступки Ульяны Козловой, не имеющие ничего общего с нравственным обликом Елизаветы Карловны Гончаровой, образованной дворянки, сразу же скажу о главном. Старший брат романиста при жизни матери и крестного отца Н.Н. Трегубова не испытывал материальных лишений и если и не одевался франтом, как младший брат, то все-таки как публичный деятель в общественных местах выглядел опрятно и интеллигентно. В моем очерке «Удивительный чудак» показаны и активная общественная деятельность Николая Александровича, и его тесное общение с передовой интеллигенцией и разночинной молодежью Симбирска. Словом, романист при создании образа Леонтия Козлова имел в виду не своего брата,

а его коллегу по гимназии Михаила Ивановича Чугунова.

Из формулярного списка о его службе видно, что Михаил Иванович происходил из обер-офицерских детей; родился он 15 сентября 1825 года²¹⁵. В 1846-1850 годах учился на историко-филологическом факультете, который окончил со званием действительного студента, а с 22 февраля 1851-го служил старшим учителем истории Симбирской мужской гимназии, то есть был коллегой Н.А. Гончарова. 4 ноября 1853 года в Спасо-Вознесенском соборе состоялось венчание 28-летнего М.И. Чугунова с 18-летней Клавдией Сергеевной Уковой, воспитанницей покойного флота лейтенанта С.Е. Укова²¹⁶.

10 октября 1854 года в молодой семье родился сын Сергей. Учительского жалованья не хватало для содержания возросшей семьи, и Михаил Иванович по совместительству вел уроки истории и географии в Елизаветинском женском училище. А в 1857-м он приобрел на Старо-Казанской улице деревянный флигель (ныне дом № 35 по ул. Радищева). Следует отметить, что Михаил Иванович свободно замещал преподавателей латыни и со временем станет штатным преподавателем этого языка в гимназии. И, наконец, Чугунов был тщедушного телосложения, с признаками начинающейся чахотки, да еще и с прогрессирующей глухотой. Если учесть, что учебная нагрузка у него была напряженной, а свободные часы он стремил-

²¹⁵ ЦГА РТ. Ф. 92, оп. 1, д. 12487.

²¹⁶ ГАУО. Ф. 134, оп. 12, д. 69, л. 56.

ся посвятить чтению и научным занятиям, то можно представить настроение его молоденькой жены, лишенной «красивой» светской жизни.

Романист имел возможность познакомиться с Чугуновым летом 1862 года как с близким коллегой своего брата по гимназии, да к тому же обладателем хорошо подобранной библиотеки. Вполне возможно, что до Ивана Александровича дошли слухи (скажем, через своих сестер) о каких-нибудь неблагоприятных поступках жены Михаила Ивановича, которая тем летом подарила мужу дочку Оленьку.

Любопытная характеристика Чугунова как учителя гимназии содержится в воспоминаниях Анны Ильиничны, дочери руководителя народного образования Симбирской губернии И.Н. Ульянова: «Лучшим, по крайней мере, очень чистым как личность был старик М.И. Чугунов, с которого, как говорят, Гончаров писал Козлова в «Обрыве». Идеалист, совершенно ушедший от жизни в науку, обложенный книгами, он преподавал латинский язык с первого и историю с третьего класса. Ученики широко пользовались его рассеянностью, добротой, глухотой и всячески проводили его. Брат (Александр Ильич. — **Ж.Т.**) рассказывал, например, что на вопрос по латинской грамматике, в каком падеже слово, они наловчились выкрикивать лишь конец: «и-ительный». А не доверявший своему слуху педагог подтверждал: «Да, да, творительный» или «винительный»²¹⁷.

²¹⁷ Ульянова-Елизарова А.И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. — М.-Л., 1930, с. 53.

Михаил Иванович был примерным семьянином, умелым воспитателем сына Сергея, создававшим ему все условия для самообразования, вплоть до оборудования домашней лаборатории для проведения опытов. Не случайно, что Сергей Михайлович Чугунов был активным участником освободительного движения в Казани, а после окончания медицинского факультета университета станет ученым-анатомом, профессором Томского университета²¹⁸.

Провинциальный учитель-идеалист, самозабвенно увлеченный научными занятиями, поразил романиста и вместе с тем породил грустные мысли... «В учителе Козлове, — пояснял Иван Александрович истоки рождения этого образа, — мелькнуло мне лицо ученого-труженика с намеком на участь русской науки в обломовском обществе. Не имея под ногами и вокруг никакой почвы, около — никакой сферы, никакого кружка для плодотворного развития науки, — он, забытый, загнанный в глушь, без книг, без денег, бьется и влачит жалкое, скудное существование — среди равнодушных к науке людей. В нем теплится искра любви к знанию, но — как в степи — нет ей пищи, ни посева, ни топлива, некуда бросить семян — и они гложут в нем самом; а любящее сердце избрало кумиром ничтожество, идола, созданного бесхарактерностью среды, без образа. Это его жена. Весь ум его просился в науку, все

²¹⁸ Трофимов Ж. Ульяновы. Поиски, находки, исследования. — Ульяновск, 1978, с. 150.

любящее сердце отдалось этой жалкой подруге. Ни там, ни сям — он не нашел ответа, сгорел и угас одиноко, в чистом пламени своей любви!»²¹⁹

Но художественная правда и правда действительности, как неоднократно подчеркивал Гончаров, — не одно и то же. Так и образ Леонтия Козлова не взят прямо из жизни, ибо пособием художника всегда является еще и фантазия, участвующая в создании произведения писателя. Так что суждение Ивана Александровича о том, что учитель в провинции влачит жалкое, скудное существование и что около нет плодородной почвы для плодотворного развития, вполне можно было бы отнести и к другим гимназическим наставникам, но менее всего — к Николаю Гончарову. Ведь брат романиста был активным участником общественной жизни Симбирска 1850-1860-х годов, и он видел, что посеянное им разумное, доброе, вечное все-таки давало всходы, хотя и не такие обильные, как этого бы хотелось.

Что касается сходства Николая Гончарова с Михаилом Чугуновым, то оно проявлялось только в одном — в крайней рассеянности, которую романист придал и Леонтию Козлову, да и то в утрированном виде. Николай Гончаров был полного телосложения, а Михаил Чугунов — наоборот, тщедушного; и Леонтий Козлов, как подчеркивается в «Обрыве», был «худ». У Николая Гончарова было симпатичное лицо, а Леонтий Козлов —

²¹⁹ Гончаров И.А. Очерки. Статьи. Письма. Воспоминания современников. — М., 1986, с. 330.

«некрасив». Николай Гончаров – по профессии филолог, был хорошим оратором и декламатором, незаурядным редактором «Симбирских губернских ведомостей», деятельным членом комитета Карамзинской общественной библиотеки, членом Российского литературного фонда. Михаил Чугунов – историк и латинист, далекий от общественной жизни города, замкнутый по характеру человек. И (не случайное совпадение) Леонтий Козлов – преподаватель латыни и греческого и тоже ведет отшельнический образ жизни. Михаил Чугунов проживал в деревянном флигельке, причем вдалеке от гимназии. Жилище Козлова – такое же, тоже на захолустной улочке. А вот Николай Гончаров всю жизнь проживал в центре города, да еще в гимназическом общежитии, у него было трое детей, а у Леонтия Козлова – ни одного.

У Уленьки Козловой волосы были рыжеватые, около носа и на щеках роились веснушки. Была у нее еще одна особенность: «постоянно лежащий смех в чертах, когда и не было чему и не расположена она была смеяться». Уленька была дочерью эконома какого-то казенного заведения в Москве, была малообразованной. Супруга Николая Гончарова, Елизавета Карловна, была дочерью симбирского врача, получила образование в солидном пансионе, обладала серьезным характером. Уместно в связи с этим напомнить высказывание о ней, которое сделал Н.Г. Чернышевский в марте 1851 года в своем дневнике после нескольких посещений квартиры Николая Гончарова: это – «славная женщина», привлекающая к себе внима-

ние «необыкновенной грустностью и томительностью...»

Что касается мнения Чернышевского (которому довелось 12 суток ехать из Петербурга до Симбирска в одной крытой повозке с Николаем Александровичем Гончаровым и Дмитрием Ивановичем Минаевым) о брате романиста, то оно было очень хорошим. Примечательно, что во время этого длительного путешествия, по словам знаменитого автора «Что делать?», они «дорогою все рассуждали между собой о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии...»²²⁰

Как видим, Леонтий Козлов в «Обрыве» очень похож на учителя Симбирской гимназии Михаила Чугунова. Из сохранившихся документов невозможно определить, есть ли сходство между Уленькой Козловой и Клавдией Чугуновой, зато есть описание Н.Г. Чернышевского жены Н.А. Гончарова, которое можно сравнить с описанием Уленьки в «Обрыве» и после этого уверенно заявить, что Елизавета Карловна не имела никаких оснований считать, что это она в романе выведена в образе распутной Уленьки. Следовательно, утверждение ее сына Александра Гончарова, что его мать в гневе назвала писателя «Ванькой Каином», является либо плодом воображения, либо передачей домыслов какого-нибудь обывателя. Приходится только удивляться, что явно недостоверные утверждения племянника романиста уже столетие используются в статьях и книгах гончароведов.

²²⁰ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 16 томах. Т. 1. — М., 1939, с. 404.

Глава 22

ДМИТРИЙ ГОНЧАРОВ – РОДСТВЕННИК РОМАНИСТА

Почти треть века назад, 10 апреля 1976 года, в «Ульяновской правде» был опубликован мой очерк «Класс Александра Ульянова». Рассказав, как удалось опознать шестерых из двадцати трех гимназистов, сфотографировавшихся в 1883 году по случаю окончания классической гимназии, я обратился к читателям с просьбой принять участие в дальнейшей разгадке снимка, запечатлевшего Александра Ильича – признанного лидера, единственного из класса, удостоившегося золотой медали, со своими однокашниками.

При этом было подчеркнуто, что из шестнадцати неопознанных участников группового снимка особого внимания заслуживает Дмитрий Александрович Гончаров. Во-первых, потому, что он, студент-медик Казанского университета, был одним из руководителей запрещенного властями симбирского землячества. А во-вторых, Гончаров был единственным соучеником Александра Ульянова, с которым Владимир Ильич и его родные поддерживали добрые отношения в 1889-1893 годах, когда они оба находились под негласным надзором самарской полиции.

В это время Д.А. Гончаров работал земским фельдшером в селе Тростянка (в 8-10 верстах от

Алакаевки, где жили Ульяновы), но, как и Владимир Ульянов, тоже готовился к сдаче экстерном государственных экзаменов в университете. В 1892 году он успешно выдержал их в Киевском университете и получил диплом врача. В период революции 1904-1905 годов Дмитрий Александрович, работая в больнице самарского земства, был связным губернского комитета РСДРП, а затем Восточного бюро ЦК РСДРП. Весной 1918 года на съезде земских врачей Самары Гончаров приветствовал Советскую власть. Вскоре же, 2 декабря 1918 года, он скончался в селе Обшаровка, спасая крестьян от сыпного тифа.

Из копии формулярного списка врача Д.А. Гончарова, любезно присланной мне нашим земляком, учившимся в 1910-х годах в Симбирской классической гимназии, Всеволодом Николаевичем Арнольдом, стало известно, что сын симбирского купца 2-й гильдии Дмитрий Александрович «женат с 1886 года на дочери чиновника Екатерине Трофимовне Сахаровой, имеет дочь Надежду, рожденную в 1887 году, и дочь Зинаиду, рожденную в 1898 году». В. Арнольд прислал мне и фотокопию снимка из какого-то политического плаката, на котором изображен Д.А. Гончаров — в шапке, надвинутой чуть ли не до бровей, с густой растительностью на лице... Сколько я ни разглядывал это изображение, так и не сумел представить, на кого же из выпускников 1883 года, запечатленных на групповой фотографии, он хоть чем-то похож.

Но не прошло и месяца после публикации в «Ульяновской правде» моего обращения к старо-

жилам с просьбой о помощи в расшифровке фотографии выпускников класса Александра Ульянова, как поступил первый отклик – письмо пенсионерки Феодосьи Филипповны Князевой, ранее работавшей учительницей начальной школы на железнодорожной станции Белый Ключ. Оказывается, она в свое время училась с дочерью Д.А. Гончарова Зинаидой, и у нее сохранилась фотография... отца подруги! Обстоятельства сложились так, что я приехал в Белый Ключ уже тогда, когда Ф.Ф. Князева, отправившаяся погостить к родным в Бухару, там и скончалась...

По моей просьбе старожил белоключевской станции Елена Павловна Кожевникова вскоре связалась с внучкой Князевой – студенткой Куйбышевского авиаинститута Татьяной Корбан и, получив от нее, вручила мне прекрасно сохранившийся фотопортрет Д.А. Гончарова, относящийся примерно к 1905 году. На нем Дмитрию Александровичу немногим более сорока лет. Открытый, смелый взгляд умных и добрых глаз. Лицо честного и мужественного человека. К сожалению, густые усы, слившиеся с бородкой, скрывают очертания рта и подбородок, а шляпа не позволяет представить, как выглядели его лоб и волосы. А так как Дмитрий Александрович позировал сидя в кресле, то трудно судить и о его росте.

В «досье» на Д.А. Гончарова, куда я собирал добытые в архивах те или иные сведения о симбирском периоде его жизни, очень важными оказались указания на то, что Дмитрий Александрович – сын купца 2-й гильдии. Естественно, не раз

мелькала мысль о возможной общности корней этого рода с тем, тоже купеческим, который дал всемирно известного писателя-романиста Ивана Александровича Гончарова. Исследования позволили установить, что Дмитрий Александрович – **внук двоюродного брата писателя.**

Отправным материалом для поиска стала публикация поэта и краеведа П. Александрова «Симбирские воспоминания о Гончарове», появившаяся в самарской газете «Волгарь» (1901, № 52) в связи с десятилетием со дня смерти нашего великого земляка.

«Общая могила родителей и ближайших родственников (И.А. Гончарова. – *Ж.Т.*), – говорилось в публикации Александрова, – находится на Всехсвятском кладбище в полном разрушении. Кроме того, есть старинный памятник на могиле двух родственников писателя, который я только что разыскал и осмотрел. Этот памятник находится под горою на старом и заброшенном кладбище, так называемом Минаевском (на нем погребены Д.И. и Д.Д. Минаевы). Памятник большой и красивый, из опоки; на обычных рельефных изображениях еще сохранились следы красоты. На одной стороне памятника уцелела надпись:

«Под сим памятником покоится симбирский купец *Илья Иванович Гончаров*»,

на другой стороне:

«Под сим памятником покоится сын его *Алексей Ильич Гончаров*»,

на третьей стороне стерлась совершенно. Памятнику предстоит полное разрушение. В какой степени родства находился писатель к помянутым покойникам, можно доискаться у потомства Гончаровых».

Невозможно даже представить, что помешало краоведам, скажем, такому маститому, как П.Л. Мартынову, автору книги «Город Симбирск за 250 лет его существования» (1898 г.), предотвратить дальнейшее разрушение красивого памятника родственников знаменитого писателя на Минаевском кладбище («кладбище Сошествия Святого Духа»), а также установить степень этого родства, разыскать их потомков и познакомиться с их личными архивами.

В распоряжении членов Симбирской губернской ученой архивной комиссии (СГУАК) с 1906 года находилась рукописная книга в старинном кожаном переплете, с медной застежкой – «Летописец» Гончаровых, подаренная сыном старшего брата писателя А.Н. Гончаровым.

На обороте первого же листа этой уникальной хроники говорится о членах гончаровского рода, погребенных «на кладбище Сошествия Святого Духа» (Минаевском). Это – «матушка Варвара Ивановна», «брат Григорий Иванович Гончаров», «родитель наш Иван Иванович», то есть дед писателя, живший в 1710-1790 годах, «Илья Иванович Гончаров» – дядя писателя, скончавшийся 14 марта 1833 года (его жена Евдокия Ивановна скончалась 28 февраля 1800 года)²²¹.

²²¹ Летописец семьи Гончаровых. Ульяновск, 1996, с. 283.

Если о Григории – брате отца писателя, Александра Ивановича, и авторе приведенных строк ничего не известно, то линия, обозначенная П. Александровым в газетной заметке в 1901 году, оказалась весьма перспективной, ибо там указан наследник Ильи Ивановича Гончарова – Алексей Ильич Гончаров – двоюродный брат Ивана Александровича Гончарова. Разыскания в нашем областном госархиве позволили получить исчерпывающие данные об этой линии родословия писателя.

Сын его двоюродного брата – Александр Алексеевич – купец 2-й гильдии, родился в Симбирске в 1817 году, а умер здесь же зимой 1868 года. Все его имущество, включая «деревянный дом на Новой Казанской улице (ныне Красногвардейской), досталось 51-летней жене его, Екатерине Михайловне, и проживавшим с нею детям: 16-летней Юлии, 15-летней Анне, 6-летней Лидии и 5-летнему Дмитрию (старшая дочь Мария, очевидно, уже была замужем). Но по существовавшим тогда правилам вдова являлась неполновластной хозяйкой наследства, а лишь опекуншей, которая обязана была ежегодно отчитываться о доходах и расходах перед опекунским управлением Симбирской городской думы.

Благодаря этим отчетам вдовы видно, что Юлия и Анна в 1879 году были «уже в замужестве», а 20-летняя Лидия Александровна Гончарова «служила учительницей на Кавказе».

Буквально по классам прослеживается учение Дмитрия Александровича Гончарова. В 1874 году, когда восьмилетний Александр Ульянов поступил

в подготовительный класс классической (мужской) гимназии, Дмитрий Гончаров, который был старше его на два с половиной года (родился он 18 октября 1863 года), был принят в 1-й класс²²². Однако через год Дмитрий был оставлен на повторный курс, и в следующем году они оба учились в 3 классе: Ульянов – в 3 «А», Гончаров – в 3 «Б». В пятом классе, когда они уже занимались вместе (это был первый год директорства Ф.М. Керенского), на повторный курс были оставлены 18(!) их товарищей, в том числе будущий профессор М.Ф. Щербаков и А.С. Агринский, будущий автор книги «Симбирская гимназия (1809-1909)», вышедшей в 1909 году²²³. И даже в 6-м классе из 30 учеников 7 юношей были оставлены на повторный курс обучения. Из всего класса только Александр Ульянов получил награду – похвальный лист. Дмитрий Гончаров и в 6-м, и далее до 8-го, выпускного класса числился в группе хорошистов. После получения аттестатов зрелости их пути разошлись. А. Ульянов и еще восемь юношей поступили в Петербургский и Московский университеты, а все остальные – в Казанский, причем Д. Гончаров с девятью одноклассниками выбрал тамошний медицинский факультет.

Предлагая вниманию читателей снимок гимназического выпуска 1883 года, а также фотопортрет Д.А. Гончарова, я приглашал желающих принять участие в опознании его на групповой фото-

²²² ГАУО. Ф. 101, оп. 1, д. 62, л. 8.

²²³ Там же, д. 282, л. 23.

графии юношей. Есть еще одна задача. Ее предстоит решить знатокам садов, существовавших на волжском косогоре на пространстве между Петропавловским спуском и спуском, начинающимся у здания областной филармонии на Новом Венце.

Дело в том, что по завещанию, составленному 9 января 1868 года отцом Дмитрия Александровича – купцом 2-й гильдии А.А. Гончаровым – в пользу своей жены Екатерины Михайловны, ей переходил весь наличный капитал, дом, мебель, серебро, иконы, а также лошади и экипажи, закупленный торговый хлеб, но «сад, находящийся в 3-й части, под горою», по закону предоставлялся детям – как родовой, ему самому доставшийся от родителей. Из приложения к завещанию видно, что сад этот числился яблоневым и находился в приходе церкви святых апостолов Петра и Павла «по переулку от кладбища Сошествия Святого Духа в смежности с садом мещанина Рябова, мерою 120 сажен в длину, 68 сажен в ширину», то есть площадью около 4 гектаров. Далее перечислялось, сколько там росло деревьев яблоневых, лесных груш, вишни и пр. Сад имел торговое значение, был огорожен со всех сторон плетнем, охранялся сторожем и оценивался налоговой службой в 400 рублей²²⁴. Рыночная же стоимость такого большого участка, расположенного близ Нового Венца, с живописнейшим видом на Волгу, заволжские дали и в сторону Киндяковки и далее, на сенгилеевские горы, была в несколько раз большей.

²²⁴ ГАУО. Ф. 174, оп. 1, д. 235, л. 13.

Это отлично понимал «буинский мещанин Иван Васильевич Гончаров» (проживавший в Сенгилее), который в 1882 году обратился в опекуновское управление Симбирской городской думы с заявлением о своем праве на половину сада, оставшегося после смерти А.А. Гончарова. Этот «мещанин» — родной его племянник и двоюродный племянник нашего писателя. Оставляя пока эту новую ветвь древа Гончаровых, вернемся к родовому саду, который достался А.А. Гончарову от родителя, то есть от Алексея Ильича, а тому — от Ильи Ивановича — родного брата отца писателя, Александра Ивановича Гончарова. А так как тот в 1804-1814 годах был городским головой Симбирска, то можно думать, что он содержал свой сад не хуже, чем брат-купец.

Для детей же обеих ветвей Гончаровых сады эти практически представляли единое прекрасное пространство, изученное ими вдоль и поперек. Уместно в связи с этим привести напоминание краеведа П.С. Бейсова о том, что еще гончарововед М.Ф. Суперанский сообщал в январской книжке «Вестника Европы» за 1908 год о мнении родственников Гончарова: обрыв, описанный Иваном Александровичем в романе «Обрыв», находился не в Киндяковке, как считали некоторые современники, а в саду матери писателя, расположенном в городской черте, на том же горном берегу Волги. Здесь находилась и беседка, в которой происходили свидания Веры с Марком²²⁵.

²²⁵ Бейсов П.С. Гончаров и родной край. — Куйбышев, 1960, с. 138.

Думается, что в оставшееся до 200-летия со дня рождения великого писателя время краеведы составят полное родословное древо Гончаровых. А может быть, у государства хватит сил и средств, чтобы воссоздать и родовой сад Гончаровых...

Глава 23

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН КАРАМЗИНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Еще летом 1833 года по инициативе П.Н. Ивашева, братьев Николая, Петра и Александра Языковых и их единомышленников был начат сбор средств на создание в Симбирске общественной библиотеки в память о Н.М. Карамзине. Но только 18 апреля 1848 года это благородное стремление было воплощено в жизнь: в комнатах нижнего этажа Дома дворянского собрания произошло открытие Карамзинской общественной библиотеки.

Передовой общественности России было известно, что основу ее фонда составили две с лишним тысячи уникальных книг из библиотеки скончавшегося в декабре 1846 года поэта Н.М. Языкова, а также пожертвования его родных. Петр Михайлович Языков, европейски известный геолог и первый председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки, еще 8 ноября 1847 года, то есть до ее открытия, обратился и к Ивану Александровичу с просьбой прислать свой роман «Обыкновенная история». И уже 5 марта 1848 года Гончаров высылает П. Языкову четыре экземпляра своего первого романа. В сопроводительном письме к П. Языкову Иван Александрович пояснил: «...Один, за моей подписью на Ваше имя,

покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять от меня для собственной Вашей библиотеки, а остальные три препроводить в комитет Карамзинской библиотеки. В последнюю также пожертвован автором, по моему предложению, один экземпляр романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди»²²⁶.

Летом 1849 года, во время пребывания на родине, Иван Александрович посетил Дом дворянского собрания; встретился там с Павлом Васильевичем Анненковым, с которым они осмотрели это творение академика-зодчего А.И. Бенземана. Надо полагать, что литераторы не преминули познакомиться с фондами Карамзинской библиотеки

Летом 1864 года во время грандиозного пожара, истребившего почти весь центр Симбирска, ее фонды погибли, и поэтому неизвестно, в чем заключалось дальнейшее сотрудничество с библиотекой Ивана Александровича и его брата Николая Александровича, преподавателя мужской гимназии (расположенной вблизи Дома дворянского собрания), а по совместительству и редактора неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей». А в том, что братья Гончаровы в 1849-1864 годах дарили Карамзинской общественной библиотеке литературу, я убедился при осмотре «Систематическо-алфавитного каталога книг Симбирской Карамзинской общественной библиотеки», опубликованного в «Симбирских губернских ведомостях» в сентябре-октябре 1862 года.

²²⁶ Красный архив. 1922. Т. 2, с. 257.

В каталоге нетрудно было определить издания, поступившие из библиотеки Николая Языкова и его родных, такие как: «История Пугачевского бунта. Соч. Пушкина. 1834. СПб., 2 тома», «Книга Наума о великом. Естественные науки. Изд. Максимовича. М., 1833», ибо они упоминаются в письмах поэта Языкова, или «Постановление Санкт-Петербургского Минералогического общества», которое, несомненно, принадлежало геологу Петру Языкову, так как он был сотрудником этого Общества.

А вот брошюра «Порядок учения в Московском коммерческом училище. М., 1826 года», значившаяся в каталоге, — в этом я твердо был уверен, — принадлежала братьям Гончаровым, ибо из симбирян в то время являлись воспитанниками Коммерческого училища только они.

Как бы то ни было, а брошюра эта сгорела во время пожара, и познакомиться с ней удалось только во время работы в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, находящейся в городе на Неве. Как я и предполагал, «Порядок учения в Московском коммерческом училище» стал одним из главных документов, позволивших мне представить учение в этом училище братьев Гончаровых, причем за каждый из восьми лет пребывания в нем.

В каталоге Карамзинской общественной библиотеки значатся «Обыкновенная история. Роман. Соч. И.А. Гончарова. СПб., 1848 год. 2 экземпляра» и брошюра «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета в

1834 и 1836 годах, то есть во время учения там братьев Гончаровых.

Гибель книжных и рукописных фондов симбирской публички Иван Александрович воспринял как огромную потерю для Симбирска и в письме к брату Николаю подчеркнул: «Долго надо плакать об истреблении ее, но я уверен, что она успела уже много сделать добра...»

Николай Александрович как гимназический учитель-словесник тоже многим был обязан симбирской публичке. Естественно, что он одним из первых из своего скромного жалованья внес 40 рублей на восстановление ее фондов. Кроме того, он решил выступить с заметкой о гибели библиотеки в столичной прессе, чтобы «возбудить журналистов, литераторов и прочих деятелей просвещения». Узнав об этом намерении, Александр Михайлович Языков просит заведующего библиотекой И.И. Благодарова: «При свидании с ним постарайтесь его расшевелить и поторопить. Он может попросить своего брата, Ивана Александровича, а он человек сильный в литературном и правительственном мире Петербурга»²²⁷.

Поэт-симбирянин М.А. Дмитриев опередил всех, поместив в «Московских ведомостях» статью «О возобновлении Карамзинской библиотеки». На этот его призыв откликнулись академик М.П. Погодин, профессор-историк С.М. Соловьев, а затем и члены царской фамилии, сыновья историографа А.Н. и В.Н. Карамзины. Поток пожертвований

²²⁷ Бейсов П.С. Гончаров и родной край, с. 134.

продолжался в 1865-м и особенно в 1866-м, в преддверии 100-летия со дня рождения историографа государства Российского. С призывом достойно отметить славный юбилей в газете «Голос» выступил Иван Александрович Гончаров, а в Симбирске, во время торжеств в Доме дворянского собрания, — Николай Александрович Гончаров, который с глубоким чувством продекламировал языковские стихи «На объявление памятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину»²²⁸.

Среди книг, присланных Иваном Александровичем в Карамзинскую библиотеку, — «Обыкновенная история», «Фрегат Паллада», «Обломов» и около ста других, а также более трехсот номеров журналов, в том числе «Современник», «Отечественные записки» и «Библиотека для чтения». Комитет Карамзинской библиотеки, возглавляемый племянником поэта Николаем Александровичем Языковым, поблагодарил Гончарова за этот дар и попросил его принять звание почетного члена библиотеки. Романист дал на это согласие и, как положено, не оставил ее и впредь своим вниманием.

Ярким свидетельством благоговейного отношения Ивана Александровича к библиотеке родного города является его письмо к новому председателю ее комитета, тоже племяннику поэта, Александру Петровичу Языкову: «В качестве урожен-

²²⁸ Трофимов Ж. Симбирская Карамзинская общественная библиотека. — М. 1992, с. 21.

да г. Симбирска и члена Карамзинской общественной библиотеки, я считал своим долгом все книги, какие у меня есть, представить в пользу означенной библиотеки, и с этой целью сделал распоряжение, чтобы по смерти моей они были препровождены туда. Но, рассудив, что до тех пор книги могут как-нибудь утратиться или разрозниться, я признал возможным предложить их ныне же, при жизни моей, в распоряжение библиотеки... Книг не много у меня, ибо я, по размерам своей квартиры никогда не пытался обзаводиться библиотекой; от многих лет всего осталось сотни полторы или две книг разного содержания... и, кроме того, за несколько лет накопилось довольно значительное количество и ежемесячных журналов: «Отечественных записок», «Вестника Европы» и других. Из этого Вы изволите усмотреть, что скромное мое приношение не обогатит Карамзинскую библиотеку, а скорее удовлетворит собственной моей потребности исполнить то, что я считаю обязанностью своей в отношении такого прекрасного учреждения на моей родине, как эта библиотека...»²²⁹

В заключение письма романист заявил, что не желает появления в печати сообщения о своем пожертвовании. А.П. Языков выполнил это пожелание и в письме к писателю сообщил: «В отчете, который будет прочитан в публичном заседании и отпечатан, невозможно не упомянуть о том вни-

²²⁹ Пятидесятилетнее существование Симбирской общественной библиотеки. — Симбирск, 1898, с. 87.

мании и памяти, которыми Вы удостоили наше учреждение. Комитет библиотеки гордится, имея Вас в числе почетных членов библиотеки, и украсит Вашим именем помещение, где будут храниться Ваши книги на память всем посетителям библиотеки».

Романист в письме от 11 ноября 1881 года поблагодарил членов комитета «за радушную готовность» принять его книги, но возразил против намерения отвести им особый раздел под его именем: «Меня постоянно конфузило бы перед посетителями библиотеки сопоставление моей полки книг рядом с богатыми вкладами Языковых, В.Н. Карамзина и других... Повторяю при этом..., что я представляю мои книги в Карамзинскую библиотеку потому, что считаю себя, как симбирский уроженец, как литератор и как член библиотеки, не вправе передавать мои книги, каково бы ни было их количество, в какое-либо другое место, кроме этой библиотеки»²³⁰.

Председатель комитета А.П. Языков 28 декабря 1881 года сообщил Ивану Александровичу о получении его книг, а также о том, что на торжественном заседании в день рождения Н.М. Карамзина, 1 декабря, комитет выразил ему публично благодарность и заверил писателя, что его книги «принесут читающей публике большую пользу». А в «Симбирской земской газете» от 6 декабря, в информации об этом торжественном заседании комитета, приведено и такое высказывание

²³⁰ Огни. Кн. 1, с. 226.

А.П. Языкова, в связи с получением книг от Гончарова: это пожертвование сделано «нашим любимым писателем и уроженцем Симбирской губернии».

Из дальнейшей переписки писателя с А.П. Языковым, опубликованной М.Ф. Суперанским в 1916 году, видно, что в 1882 году Гончаров передал несколько книг с направлявшимся в Симбирск П.В. Анненковым, а также пообещал высылать их в будущем в Карамзинскую библиотеку с почтой. В 1883 году он присылает том из собрания сочинений П.А. Вяземского, а в 1884-м – полное собрание своих сочинений в 8 томах.

И на склоне лет Иван Александрович проявлял заботу о пополнении фондов Карамзинской общественной библиотеки. Убедительным свидетельством этому является его письмо от 16 февраля 1888 года к А.Ф. Кони: «Не давайте мне нарядного экземпляра Вашей книги: я по временам загляну в нее, сколько может перенести мое единственное старое око, а потом принесу ее, вместе с некоторыми ценными книгами, в дар своей родине: в Карамзинскую общественную библиотеку, куда давно отослал все мои книги и отсылаю вновь поступающие, ибо, дома здесь, после меня все это пошло бы прахом. Поэтому подарите простой экземпляр, но с подписью Вашей, чтобы там, у меня на родине, читатели видели, что я действительно жертвую дружеский подарок, а не просто книгу»²³¹.

²³¹ Огни. Кн. 1, с. 219.

Вскоре после кончины И.А. Гончарова профессор А.Г. Потебнев прислал в Карамзинскую общественную библиотеку портрет писателя в хорошей раме, «окруженный серебряным венком, возложенным на гроб покойного студентами Петербургского университета». Ныне этот уникальный подарок экспонируется в Музее И.А. Гончарова в Ульяновске.

Составители «Описания библиотеки Ивана Александровича Гончарова» краеведы Н.И. Никитина и В.А. Сукайло отметили не сохранившиеся книги из коллекции великого писателя (либо были потеряны при переездах Карамзинской библиотеки, либо пришли в негодность по ветхости, либо «зачитаны» читателями). Сохранившиеся книги и журналы (около 900 экземпляров) на русском и иностранных языках размещены в особом шкафу, находящемся в отделе редких книг и рукописей Областной научной библиотеки им. В.И. Ленина. Мне доводилось читать некоторые из этих раритетов и мысленно благодарить Ивана Александровича за его многолетнюю и бескорыстную поддержку Карамзинской общественной библиотеки. Ведь о десятках из них читатели-земляки знали бы только понаслышке. Приведу два примера, небезынтересных для изучающих жизнь и творчество А.С. Пушкина. Если бы Иван Александрович не подарил в 1881 году нашей публичке тома сочинений Пушкина, изданных в 1855-1857 годах П.В. Анненковым, то нашим пушкиноведам пришлось бы знакомиться с этим уникальным изданием в других городах. В коллекции гончаровских

книг имеется брошюра «Памятник Пушкину в Москве», вышедшая в Москве в 1880 году и подписанная буквой «К», причем с дарственной надписью: «Ивану Александровичу Гончарову приношение глубокого уважения и искренней дружбы автора и поклонника. Москва, 7 декабря 1880.». Эта брошюра содержит в себе довольно резкую критику социально-политической обстановки в Москве того времени. Но мы до сих пор не знаем, кем же все-таки был деятель, скрывшийся за буквой «К».

Нельзя не сказать слова благодарности Николаю Александровичу Гончарову, который с 1863 по 1873 год, то есть почти до последних дней своей прекрасной жизни, словом и делом оказывал Карамзинской общественной библиотеке материальную и моральную поддержку, помогал в комплектовании ее фондов, выступал в печати и на торжественных заседаниях с рассказами о ее прошлом и настоящем.

Глава 24

ВОСПИТАННИКИ И.А ГОНЧАРОВА

За пятьдесят с лишним лет, что Иван Александрович прожил в Петербурге, слуги у него, холостяка, сменялись многократно. В очерках «Старые слуги», опубликованных в 1888 году в столичном еженедельнике «Нива», писатель с легким юмором рассказал о четырех из них, как он выразился, — «в своем роде членах семейства, близких к делам, заботам, горю или радостям дома». Особо важное место в жизни уже знаменитого автора «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва» занял камердинер-латыш Карл Людвиг Трейгут, который обслуживал писателя и заведовал его домашним хозяйством до самой своей смерти.

Гончарововеды обычно не касаются подробностей начала тесного общения Ивана Александровича с Карлом, ставшим последним его слугой-мужчиной. Между тем они небезынтересны и немаловажны по своим последствиям. Это зримо прослеживается по посланиям писателя из Киссингена (курорт в Германии) к дочери известного литератора Софье Александровне Никитенко. В письме от 4 июня 1869 года, посетовав на скверную погоду, он дружески признался: «Впрочем, я жалею вообще, что поехал за границу, — и на этот раз меня просто выгнали мои люди. Вы знаете по

моим рассказам, что это за зверинец и сколько мне было беспокойства с ними по случаю пьянства старика и глупости старухи. Варвара Лукинична (Лукиянова. – *Ж.Т.*) настоятельно посоветовала мне убраться, обещаясь, по дружбе (начавшейся еще в Симбирске в 1849 году. – *Ж.Т.*) ко мне, помочь им уладить эту свадьбу (девушки-служанки Елены. – *Ж.Т.*) и найти мне благонадежного, женатого человека. Дай, Бог!»²³²

26 июня, уже из Парижа, Иван Александрович в письме к С.А. Никитенко снова возвращается к наболевшей теме: «Напрасно я беспокоил Вас просьбой побывать у меня на квартире: «Мадам Лукьянова теперь написала мне, что все там идет своим порядком, только ничего не пишет о том, когда будут у меня новые люди и куда денется Елена с мужем»²³³.

В конце августа 1869 года он вернулся в Петербург и познакомился с Карлом Трейгутом, а затем и с его женой Александрой Ивановной (уроженкой Петербурга) и их первенцем – полугодовалой дочуркой Саней. Судя по всему, все остались довольны друг другом. Не прошло и полутора лет, как семья Трейгут 7 февраля 1871 года пополнилась мальчиком Васей, а 9 мая 1873-го – второй дочуркой – Леночкой.

Иван Александрович внимательно наблюдал, как супруги Трейгут воспитывают детей, и не раз напоминал Карлу, строго относившемуся к своим

²³² Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. – Л., 1980, с. 362.

²³³ Гончаров И.А. Т. 8, с. 371.

чадам, что лучший путь их воспитания – это любовь. Что касается матери, то о ней писатель отзывался как об «умной, попечительной, исполненной любви к детям», но очень занятой варкой пищи, шитьем, другими хозяйственными делами, так что ей, как говорится, было «не до ласк» малышей. «А луч явной, теплой любви откуда-нибудь да должен был падать на детские головки, – делился в связи с этим Гончаров с С.А. Никитенко в письме, – и, как солнечный луч, греть их, покоить, чтобы не запугать их на заре жизни, не потрясая нервы ранними бурями, давая развиваться зародышам телесных, умственных и нравственных сил»³³⁴.

И писатель помогал родителям вводить ребят в жизнь ласковым словом, каким-нибудь лакомством и игрушками. А когда Сане стало лет шесть, он обучил девочку начаткам грамоты, приохотил к заучиванию стихов, решению простейших арифметических задач. Любознательная и сметливая девочка настолько быстро схватывала эти интересные уроки знания, что писатель с удовольствием демонстрировал ее успехи знакомым, в том числе знаменитому артисту Александринского театра Ипполиту Ивановичу Монахову. В мае 1876 года по его заданию семилетняя Саня Трейгут выучила наизусть балладу «Лесной царь» В.А. Жуковского»³³⁵.

³³⁴ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8, с. 468.

³³⁵ Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Т. 102. – М., 2000, с. 547.

Казалось, что в подшефной Ивана Александровича семье Трейгут все ладится, но зоркий глаз писателя с тревогой замечал, что здоровье Карла, давно страдавшего болезнью легких, заметно пошатнулось. Он просил и даже приказывал камердинеру обратиться к доктору, но тот уклонялся, пока весной 1878 года не слег в постель с признаками чахотки. «Сколько беспокойства это внесло в мой угол, и сказать не умею, — сообщал Гончаров в Москву сестре Анне Александровне 18 апреля 1878 года. — Кое-как, с помощью еле двигающей ноги, нервной и болезненной жены его да дворника, приносящего дрова, управляюсь я с грехом пополам и не знаю, что из этого выйдет. Умри он — останется больная вдова с тремя ребятишками, из которых одну, старшую девочку, мою любимицу, я кое-как могу куда-нибудь приютить, а на всех не хватит у меня ни средств, ни попечений! Мне надо взять другого слугу, а куда они денутся!»³³⁶

К сожалению, опасения писателя относительно роковой развязки сбылись уже летом 1879 года: чахотка свела Карла в могилу. Сообщая графине А.А. Толстой об этой потере, Иван Александрович горестно воскликнул: «На моих руках вдруг оказалась целая чужая семья: болезненная вдова и трое ребятишек! Буквально тону в волнах жизни!» На это чувство растерянности, охватившее романиста, А. Толстая, на правах давней его приятельницы, ответила ободряюще: «Эта волна Вас не

³³⁶ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. — М., 1952, с. 463.

утопит, а наоборот, поднимет выше, как все, в чем таится самоотвержение и любовь к ближнему»³³⁷. Расхожая нравоучительная сентенция графини не успокоила Гончарова, и в письме от 21 июня он обрисовал сложившуюся в доме обстановку: «Что касается до моих личных псевдосемейных дел, где на меня, вдруг, как камень, упали заботы и обязанности попечителя и распорядителя судеб чужого семейства, то позвольте заметить, что самоотвержение и любовь к ближнему оказываются на практике не вполне достаточными... Будь у меня, например, вместо любви к ближнему, — тысяч пятьдесят, я, без всякого самоотвержения, а только по одному покойному сознанию долга, пристроил бы легко и удобно детей в учебные заведения и дал бы кусок хлеба вдове. А вот теперь — я с самоотвержением учу их по-русски читать, писать, считать, смотрю, чем они питаются, есть ли обувь и т.п. — и если все это скудно, плохо — я с самоотвержением пожимаю плечами, волнуюсь, хлопочу»³³⁸.

Графиня Толстая, десятилетиями проживавшая в качестве фрейлины близ особ царствующего Дома и поэтому далекая от знания житейских трудностей, которые переживал в это время писатель, сочла возможным в письме от 28 июня даже пожуричь Гончарова: «Ух, как нехороша ваша выходка насчет 50-ти тысяч! Ваша же воспитанни-

³³⁷ Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Т. 102, с. 419.

³³⁸ Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Т. 102, с. 421.

ца (Саня Трейгут. — **Ж.Т.**), которую вы обучаете закону Божию, может опрокинуть вас одним пальчиком».

Сразу же после получения этого письма, 30 июня, отдав должное изустным битвам, которые графиня вела с опорой на евангельскую притчу о лепте бедной вдовицы, пожертвовавшей на храм все, что имела, Иван Александрович вопрошает: «Чем же возмутила Вас моя «выходка» о 50 тысячах, смею спросить? Тем, что я высказал сожаление о неимении их и о том, что своей грошовой лептой не могу сделать всего, что нужно, для вдовы и трех детей, упавших с неба мне на руки? Но и это сожаление мое не дурной признак, я думаю. Самоотвержение мое заключается не столько в трате моих грошей на это дело, сколько в необычайном терпении и ежедневном труде обучения их грамоте русской, арифметике, письму и закону Божию, который я тоже не очень понимаю, и полагаю, что меня не собьет с пути и не опровергнет не только моя воспитанница Саня, как Вы думаете, но даже... и Вы, графиня!.. Упомянув о своей воспитаннице, я должен, по правде, исключить ее из самоотвержения, ибо чувствую к ней особенную слабость, любовь: а где личная, пристрастная любовь — там нет самоотвержения!»³³⁹

В первое же лето после кончины Карла Трейгута Иван Александрович выехал с вдовой и ее

³³⁹ Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Т. 102, с. 424.

детьми на Рижское взморье, в курортный городок Дуббельн, где у латыша Посселя (на Господской улице) снял недорогую (за 300-350 рублей) дачу. Вот как он в шутливой манере описывал клетушки этого пристанища: «У меня 6 комнат: в одной постель, в другой шкаф с бельем, в третьей кувшин, в четвертой табакерка и носовой платок, в пятой Вася, в шестой сапоги. Внизу, в парадных 4-х апартаментах, расположен женский персонал»³⁴⁰.

Прав гончаровед Ю.М. Лощиц, полагая, что и суматоха переезда из Петербурга в Дуббельн, и мелкие неудобства дачной жизни – все это окупалось радостью, которую испытывал Иван Александрович при виде ликующих на живописной природе и купающихся в мелководном заливе детей. А чтобы они за лето совсем не одичали, ежедневно занимался с ними: Саню (получившую прозвище Лисы-Подъячихи) натаскивал по французскому, английскому и, разумеется, русскому; Васю, который был на два года младше Сани (и имел прозвище Старик) – начинал учить уму-разуму. И даже Леночке давал простейшие задания.

К этому времени писатель, называвший и раньше Саню своей «фавориткой», теперь иногда употреблял (скажем, при общении с приятельницей А.А. Толстой) и более теплое выражение по отношению к любимой воспитаннице – «мое дитя». Но в письме к той же Толстой он твердо заявил: «По-

³⁴⁰ Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Т. 102, с. 427.

зор тому, кто дурно подумает об этом» – Саня – «дитя моего воспитания». Одним из ярких примеров заботливости И.А. Гончарова являются его хлопоты по определению девочки «на жительство и на воспитание в Ивановское училище и гимназию». Точное название этого учебного заведения – «Ивановское девичье училище». И получило оно такое именование в честь поручика С.Г. Иванова, пожертвовавшего в 1833 году пять тысяч рублей на обучение и воспитание 25 бедных девочек. Впоследствии это училище, находившееся близ Мариинского театра, стало интернатом при петербургской Коломенской женской гимназии.

В Ивановское училище-интернат принимались дочери купцов, ремесленников, мелких служащих – словом, всех, кто мог внести высокую плату – 320 рублей в год – да приобретать верхнюю одежду и спортивные костюмы. В училище обучали, помимо наук, рукоделию, танцам, пению, декламации, рисованию, то есть воспитывали будущих хозяек, знакомых с искусствами. Важным достоинством училища было то, что после получения в нем начального образования девочки принимались в находившуюся поблизости Коломенскую женскую гимназию, выпускницы которой получали звание домашних учительниц. Так как Ивановское училище и Коломенская гимназия находились в центре Петербурга и состояли под покровительством членов царской фамилии, то Гончарову для помещения Сани в интернат потребовалось представить рекомендации высоких инстанций. Насколько это было непросто, можно пред-

ставить по строкам его письма от 20 августа 1880 года к знаменитому юристу А.Ф. Кони: «Не знаю, как благодарить Вас, многоуважаемый Анатолий Федорович, за сообщение двух писем Правительственного департамента Совету женского патриотического Общества. Я приму их к сведению до того времени, когда нужно будет думать и о Леночке... Теперь мне предстоит пристраивать Саню: не знаю, удастся ли!»³⁴¹

Не без трудностей Гончарову пришлось устраивать и Васю Трейгута, но уже – в Ремесленное училище цесаревича Николая: потребовалось прибегнуть к посредничеству бывшего председателя Комитета министров графа П.А. Валуева. Но сначала мальчика поместили в школу при «Комитете для призрения нищих». И только по достижении 11-летнего возраста, уже весной 1882 года, Вася будет зачислен кандидатом на бесплатную вакансию в Ремесленное училище³⁴².

К июню 1881-го все трое гончаровских воспитанников были определены в учебные заведения. А поскольку занятия начинались уже в августе, то очередной дачный сезон в Дуббельне начался раньше обычного и проходил в приподнятой атмосфере. Тем не менее Иван Александрович пресекал попытки Сани (даже под предлогом уроков музыки у соседки) отлынивать от повторения с

³⁴¹ Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Т. 102, с. 458.

³⁴² И.А. Гончаров в неизданных письмах к графу П.А. Валуеву. – СПб., 1906, с. 64.

ним заданий по русскому и иностранным языкам. Но большую часть дня писатель проводил с Васей, ибо именно с ним ходил на пляж (для женщин власти отводили другие часы). Сообщая эти подробности о своем житье-бытье в письме к А.Ф. Кони от 5 июля, Иван Александрович шутливо заметил, что Васю, за хорошо сданные экзамены в школе, он произвел «в генералы»³⁴³.

6 июня следующего, 1882, года Гончарову исполнилось 70 лет, но для того, чтобы избежать юбилейных торжеств и шумихи, он опять в самом начале летнего сезона оказался со своей «командой» в Дуббельне. Извещая М.М. Стасюлевича, что именно здесь, на Рижском взморье, ему «стукнуло 70 лет», он пообещал уже к началу августа вернуться в Петербург и объяснил причину: «надо мальчика, брата моей маленькой фаворитки, закрепить в Ремесленное училище».

Казалось, что, пристроив на учебу всех троих детей покойного слуги, Иван Александрович мог считать свой гражданский долг выполненным. Но уже 22 мая 1883 года он представил своим душеприказчикам Марку Николаевичу Любощинскому (сенатору, дяде жены А.В. Никитенко) и Михаилу Михайловичу Стасюлевичу окончательный текст своего духовного завещания. Причем с важными объяснениями, почему в нем не упомянуты законные наследники – дети покойного родного брата, Александр и Владимир Николаевичи Гон-

³⁴³ Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Т. 102, с. 465.

чаровы: оба они имели «хорошие места в частной и коронной службе, следовательно, мои малые трудовые деньги не послужили бы к капитальному устройству их судьбы...

Между тем эти самые мои гроши, — продолжал писатель, — если я недолго проживу и они уцелеют до моей смерти, помогут поддержать целую семью, болезненную мать, вдову, усердно служившую мне, вместе с ее мужем, более 15-ти лет, с тремя малолетними детьми, из которых двое младших родились под моей крышей и все трое выросли на моих глазах... Всему кругу моих знакомых известно — я полюбил старшую девочку, как свою дочь, следовательно, и заслуги так называемого «доброго дела» я за собой отнюдь не признаю...»

Через неделю после завершения формальностей с этим завещанием, Иван Александрович — уже в Дуббельне, откуда 14 июня сообщает А.Ф. Кони: воспитанники укрепляют здоровье «и лет через 10, 15, может быть, скажут мне спасибо, если только вспомнят обо мне! Я все еще люблю этих ребят, особенно Саню, а всякая любовь, даже к чужому ребенку, стоит очень дорого. Зато она, хоть отчасти, чуть-чуть помогает тянуть воз жизни и терпеть до конца»³⁴⁴.

В письме от 28 июня Иван Александрович продолжает знакомить Кони с курортным житьем-бытьем: «Ни купаться, ни пить вод не смею,

³⁴⁴ Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Т. 102, с. 487.

беру тепловатые ванны... до обеда хожу, для мочиона, с маленькой своей командой в лес, пока Александра Ивановна «заправляет» окрошку, а затем дремлю и слушаю, как Лягуша (Лена. — **Ж.Т.**) читает по-французски и по-немецки, а Старик (Вася. — **Ж.Т.**) наизусть читает «Песнь о вещем Олеге»... В именины мои... дети нанесли мне, 24-го, цветов, Саня вышитые ею тайком туфли, а мать ее крендель. Я заказал два пирога, да еще один приятель прислал третий, а какой-то неизвестный прислал мне большой букет... Словом, именины на славу!»³⁴⁵

По возвращении в Петербург воспитанники Ивана Александровича обитают отдельно от него: Саня и Лена — в Ивановском интернате и Коломенской гимназии, а Вася — в Ремесленном училище. И все они ждут не дождутся следующей поездки на Рижское взморье. А с каким нетерпением ждал этой поры сам писатель, говорят строчки его письма из Дуббеля от 13 июня 1884 года к М.М. Стасюлевичу: «Моя команда не вся в сборе: нет мальчика Васи, оставшегося в своем Ремесленном училище до конца экзаменов. Они кончились 8-го, а его нет как нет!»³⁴⁶ Когда же пришла весть о том, что Васю отпустили и отправили поездом до Риги, Гончаров в тот же вечер поехал туда, вместе с ним ночевал в отеле и утром доставил в Дуббельн³⁴⁷.

³⁴⁵ Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Т. 102, с. 488.

³⁴⁶ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4, с. 153.

³⁴⁷ Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Т. 102, с. 493.

Между тем воспитанники выросли, и Сани на Рождество 1884 года Иван Александрович преподнес дамские золотые часы с золотой цепочкой. Неизвестно, что в тот праздник получила в подарок Лена, а вот в московском Литературном музее сохранилась книга «Пятнадцатилетний капитан» Ж. Верна с надписью: «Василию Трейгут. 25 декабря 1884 г. от Гончарова».

Лето 1885-го прошло в Дуббельне, как обычно, без происшествий, а вот следующее, в 1885-м, седьмом по счету дачном сезоне, Иван Александрович вспоминал с горечью: «Ах, зачем лето пришло и зачем я приехал сюда! Повторяю с тоской. А куда деваться и куда девать этих уже взрослых, чуждых мне, но все еще любимых мною ребят? Вы говорите, — писал он А.Ф. Кони 30 июня 1886 года, — что я нужен: ох уж это нужное! Пора бы к ним другого дядьку приставить, а я устал, не могу больше. Что это, ропот!!!... тсс... Не смею, молчу и продолжаю, по воле Провидения, исполнять долг нужного человека!»

Свой «долг» он исполнил и составлением разъяснений по некоторым пунктам своего духовного завещания, которые были изложены им в письме к М.М. Стасюлевичу от 9 октября 1886 года. Находящиеся в кабинете (в столе, шкафу) коллекции, различные безделушки, а также развешанные на стенах кабинета и залы картины и гравюры — раздать знакомым. «Я желал бы, — говорится далее в разъяснениях Ивана Александровича Стасюлевичу, — чтобы сами Вы для себя удержали Азиатский (Туркменский или Ташкент-

ский) Альбом, подаренный мне В.В. Верещагиным и состоящий из 16 превосходных фотографических снимков с его известных картин».

Мебель, работы когда-то знаменитого Гамбса, Гончаров просил продать, а вырученные деньги отдать, как он выразился, «туда, куда назначены и все мои гроши, т.е. вдове Трейгут с детьми». А уникальные сувениры, полученные им от Александра III и от почитателей его таланта, следовало передать в Императорскую Публичную библиотеку. Свои золотые часы с золотой цепочкой Иван Александрович просил отдать Василию. Что касается старшей воспитанницы, Александры, то подаренные ей раньше «кое-какие вещи» хранятся в письменном столе и они по праву принадлежат ей.

В уяснении характера отношений, сложившихся между Гончаровым и семьей Карла Трейгута, важную роль играет письмо Ивана Александровича от 22 июня 1890 года А.Ф. Кони из Старого Петергофа: «Дача моя оказалась хозяйственной, с довольно большим садиком, с верандой и беседкой. У меня внизу 4 комнаты с паркетными полами, да вверху у Александры Ивановны с детьми 4 или 5 комнат... Саня кончила курс в Педагогическом училище и удостоилась получить диплом из рук попечителя, Великого князя, а Леночка переведена в высший класс гимназии. Вася хотел поступить в военную службу, но по зрению и слуху оказался для нее слаб и теперь готовится у полковника Мирецкого куда-нибудь в другое место.

Я ослабел и едва держусь на ногах. Если б не Александра Ивановна, то мне пришлось бы очень

плохо. Но беда та, что и она еле ходит или вернее бегают сверху вниз и обратно! Дети ее подрастают, но пока она еще действует. Свернись она, — я останусь беспомощным сиротой! На родственников плоха надежда: один дурной и болтун, другие так себе: кто спился, кто нигилизму предан и все нарывают попользоваться от меня»³⁴⁸.

А 22 августа он обращается к М.М. Стасюлевичу с просьбой-напоминанием: «Вы как-то сказали, что когда Саня Трейгут кончит свои Педагогические курсы, то, может быть, у Вас найдется какое-нибудь место учительницы в начальных училищах. Теперь она получила уже свой диплом и ей пора приискать себе занятие. На первое время хорошо ей быть приходящей учительницей. Впрочем, об этом, если представится такой случай, лучше всего переговорить с ней самой или с ее матерью»³⁴⁹.

Но 22-летняя Саня сама решила свою судьбу: 29 апреля 1891 года она стала женой 29-летнего преподавателя консерватории Александра Дмитриевича Резвцова. На следующий же день Гончаров сообщил А.Ф. Кони: «Известная Вам с детства Саня Трейгут вышла замуж за своего учителя музыки, Резвцова, с которым вчера же уехала по Волге». В ответном письме Анатолий Федорович тепло поздравил: «Радуюсь, что Вашему любящему сердцу послано такое утешение. Стар-

³⁴⁸ Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Т. 102, с. 831.

³⁴⁹ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке..., с. 213.

шее дитя, которому Вы заменили отца, пестуном которого Вы были, – пристроено и вошло в колею, указанную Богом каждой женщине».

Спустя два с половиной месяца Иван Александрович сообщил Кони, лечившемуся за рубежом, что Саня с мужем после путешествия по Волге гостит в Костромской губернии. «Счастлива ли она? Спрашиваете Вы... Бог ее знает! Судя по письмам – да! Я потому распространился о ней, что Вы и к ней, и ко всем детям этим (Трейгут. – **Ж.Т.**) – были добры и ласковы!»³⁵⁰

Еще тогда, когда Саня жила дома, а здоровье Гончарова заметно ухудшилось, главной его помощницей в творческой работе стала 18-летняя Леночка Трейгут, которая исполняла роль секретаря. Благодарный писатель подарил ей рукописи последних произведений: «Май месяц в Петербурге», «Превратность судьбы» и «Уха» для напечатания «в ее пользу сначала в каком-нибудь журнале, а потом в издании общего собрания сочинений книгопродавца Глазунова или же у другого издателя»³⁵¹.

В конце августа 1891 года Иван Александрович, завершавший дачный сезон в Старом Петергофе, заболел воспалением легких. Через десяток дней, когда казалось, что болезнь отступила, он с Александрой Ивановной (у Лены и Васи шли уже занятия) перебрался к себе домой, на Моховую. Но недуг возобновился с новой силой, и ослабевший

³⁵⁰ Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Т. 102, с. 534.

³⁵¹ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. – М., 1980, с. 440.

организм не выдержал этого приступа: 15 сентября сердце великого писателя остановилось.

На завещанные им семье Трейгут деньги вдова Карла приобрела в Петербурге квартиру, в которую пускала постояльцев. После того как Елена тоже вышла замуж, а Василий посвятил свою жизнь офицерской службе, Александра Ивановна осталась одна. Впрочем, в Петербурге проживала ее сестра, с которой она поддерживала дружеские отношения.

В конце концов нашелся такой репортер, по фамилии С. Швейцер, который проведал, что семья Трейгут довольно долго проживала рядом с Гончаровым, и Александра Ивановна стала ему наговаривать свои воспоминания о нем. В них оказались небезынтересные описания особенностей характера и привычек Ивана Александровича, обстановки в его кабинете и некоторых деталей быта писателя. Но в изложении этих воспоминаний, появившихся в октябре 1907 года в «Биржевых ведомостях», а потом и в других изданиях, репортер подал некоторые факты так тенденциозно, что у читателей складывалось впечатление, будто знаменитый писатель являлся «нахлебником» вдовы Трейгут и что только она следила за могилой Гончарова и т.п.

М. Стасюлевич и А. Кони, прекрасно осведомленные о том, что Иван Александрович сделал все, что мог, для того, чтобы осиротевшая семья Трейгут не испытывала материальных лишений и дети получили достойное образование, подготовили возражения, как выразился Кони, «почтенной

Александре Ивановне». Во вступлении к этим возражениям, напечатанным в «Вестнике Европы» академик-юрист счел нужным сказать «несколько слов об аналогичности последней судьбы Тургенева и Гончарова, оказавшихся «нахлебниками»...³⁵²

И уж кто-кто, а Кони и Стасюлевич не раз вчитывались в строки духовного завещания Гончарова, в которых объяснялось, почему все свое наследство он передает не родственникам, а детям покойного камердинера: «Я от старости и скуки занялся тройкой чужих, случайно попавших мне под руку детей, отдал их по школам – и считаю долгом предоставить им, по окончании ученья, небольшие деньги, какие после меня останутся, чтобы обеспечить им первые шаги в жизни».

Эту мысль, что «тройка чужих детей» попала к нему на попечение после смерти камердинера Карла Трейгута, Гончаров неоднократно подчеркивал в своих письмах к Кони, Стасюлевичу и Великому князю Константину Романову. Неоспоримо также и то, что наряду с Саней, писатель в равной мере по-отечески занимался обучением и воспитанием всей этой тройки чужих детей. Но так как первый ребенок Трейгутов – Саня – раньше других стала его любимицей и он в письмах к друзьям даже называл ее «фавориткой», да и в духовном завещании отдал ей некоторое предпочтение, то нашлись деятели, которые породили

³⁵² М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. – СПб., 1912, с. 482.

байку, будто бы эта воспитанница является его дочерью.

Но и со сменой поколений эта молва сохранялась, и ей поверил даже такой опытный музейный работник, как Марк Харитонович Валкин. Правда, в своей статье «Тайна великого писателя», опубликованной в журнале «Мономах» (2004, № 2, с. 44-46), он высказал гипотезу о том, что матерью Сани является какая-то неизвестная женщина, а семья Трейгут, по просьбе Гончарова, официально удочерила девочку. Эту гипотезу уважаемый Марк Харитонович строил из расчета, что Саня родилась в 1871 году, когда Трейгуты уже служили у писателя. Но ведь из публикации гончарововеда М.Б. Ждановой о семье Трейгут известно, что Саня родилась в апреле 1869 года, то есть до того, как Иван Александрович познакомился с ее родителями, приглашенными к нему на службу В. Лукьяновой осенью того же года³⁵³. Тогда же он впервые мог и увидеть их первого ребенка.

В заключение справедливости ради надо отметить, что вдова камердинера Александра Ивановича Трейгут сохранила часть мебели из кабинета писателя, а также некоторые его личные вещи и подарки. После ее смерти, наступившей в 1917 году, хранительницей гончаровских реликвий являлась Саня – Александра Карловна Резвцова.

³⁵³ И.А. Гончаров. Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. – Ульяновск, 1998, с. 332.

В 1918 году от воспаления легких скончался ее муж, а сама она умерла от инсульта в 1928 году в Костроме, когда жила у своей дочери-учительницы Зои Александровны. Эстафету же по сохранению семейных реликвий принял сын Александры Карловны Борис Александрович Резвцов, а после кончины последнего – его вдова Нина Николаевна и сын Николай Борисович Резвцов, доктор военных наук, которые передали большинство дорогих реликвий создававшемуся в Ульяновске в 1982 году Музею И.А. Гончарова. Сердечная им благодарность.

Глава 25

ОСНОВАТЕЛЬНИЦА ГОНЧАРОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ А.А. ЗНАМЕНСКАЯ

На рубеже 1880-1890-х годов, как и в эпоху крепостного права, в России вновь стала модной проблема народного просвещения. Печать как правого, так и левого толка, оживленно обсуждая возможность введения обязательного всеобщего обучения, сообщала о состоявшихся в различных городах и весях чтениях для народа, изданиях для него дешевых книг и т.п. А 15 мая 1890 года министр внутренних дел утвердил-таки «Правила о бесплатных народных библиотеках и порядке надзора над ними».

Несмотря на наличие таких возмутительных указаний, как недопущение в бесплатные народные библиотеки научно-естественных, философских и литературно-художественных журналов («Вестник Европы», «Русская мысль» и др.) и даже многих произведений Л. Толстого, Тургенева, Гончарова, Достоевского, эти «Правила» были все же шагом вперед, ибо допускали с разрешения начальства создание библиотек и читален.

В Симбирске этим разрешением воспользовались Александра Александровна Знаменская и Лидия Николаевна Сахарова, давно вносившие лепту в дело народного просвещения в качестве

попечительниц начальных школ. Их общественная деятельность нашла отражение в публикациях краеведов, но героиней этого очерка является А.А. Знаменская.

Ее предки, выходцы из Франции, давно осели в России. Достаточно сказать, что ее дядя Михаил Данилович Деларю был видным поэтом пушкинской эпохи. Родилась же она 31 декабря 1852 года в селе Макаровка Лаишевского уезда Казанской губернии, в имении отца, просвещенного чиновника. После домашней подготовки Александра Деларю занималась несколько лет в Казанском Родионовском институте благородных девиц. Однако вольнолюбивая и смелая ее натура не выдержала схоластического преподавания, придирок классной дамы, и отец забрал ее из института.

Ее домашним наставником стал выпускник физико-математического факультета Казанского университета 31-летний Федор Знаменский. Он был «незаконнорожденным» сыном европейски известного музыковеда, декабриста Александра Дмитриевича Улыбышева, потомка Дмитрия Донского. От брака с крепостной крестьянкой Улыбышев имел двух сыновей, которые при крещении получали фамилии и отчества своих крестных отцов. И так получилось, что отчество Федора стало «Павлович», а фамилия — «Знаменский». Родной же его брат по документам значился Иваном Сидоровичем Покровским.

За год занятий 17-летняя Александра Деларю и Федор Знаменский полюбили друг друга и в мае

1869 года поженились. В конце этого же года лекарь Иван Покровский уволился из армии и с женой поселился в Симбирске, где быстро завоевал доверие горожан, в том числе и инспектора народных училищ И.Н. Ульянова. В 1872 году Федор и Александра Знаменские приобретают имение в селе Степное Анненково, где вскоре открывают на свои средства народную школу. Примечательно, что Александра Александровна была не только попечительницей школы, но и под руководством брата мужа Ивана Покровского стала врачом-дилетантом, оказывавшим безвозмездную медицинскую помощь сотням крестьян.

С 1883 года А.А. Знаменская, мать четверых детей, живет в Симбирске, где ее семья пополнилась еще двумя детьми. В круг ее ближайших знакомых входили: народная учительница Вера Васильевна Кашкадамова, жена врача Лидия Николаевна Сахарова, писатель В.Н. Назарьев с женой, а также Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы. Об отзывчивости Александры Александровны к чужой беде свидетельствовала Анна Ульянова. В январе 1886 года скончался И.Н. Ульянов, и материальное положение его семьи, в которой было шестеро детей, настолько пошатнулось, что старшая дочь Анна хотела прервать учебу на петербургских Бестужевских курсах, чтобы остаться с матерью в Симбирске. Вот тогда-то А.А. Знаменская предложила ей деньги «для окончания курса».

Александра Знаменская и Лидия Сахарова мечтали создать «Общество распространения на-

родного образования», которое занималось бы «устройством народных чтений, воскресных школ, библиотек и других вспомогательных средств образования». Однако правительство затягивало с разрешением на создание таких обществ, и тогда Знаменская со своими единомышленниками решила приняться за частичное выполнение намеченной обществом цели — устройство народной библиотеки-читальни в память И.А. Гончарова. В осуществлении этой мысли помогал приехавший летом 1892 года в Симбирск чиновник крестьянского банка 28-летний кандидат Петербургской духовной академии Михаил Федорович Суперанский. Опираясь на правительственный устав от 15 мая 1890 года, он составил устав для задуманной в Симбирске библиотеки-читальни.

«Губернатор, от которого зависело дать ход проекту, потребовал обеспечения библиотеки в виде 400 рублей деньгами и 200 томов книг, — вспоминала Знаменская. — Рассчитывая на поддержку людей сочувствующих, я гарантировала и то, и другое. Дело закипело. При горячем участии съехавшейся на праздники (рождественские. — *Ж.Т.*) учащейся молодежи очень удачно прошел благотворительный вечер и дал необходимые для начала средства. Путем воззваний, писем и просьб удалось собрать около сотни разного рода книжек, доставлена была из деревни пожертвованная мною небольшая библиотека в 300 томов, куплено несколько новых книг, выписано 2 газеты, и все было готово к разрешенному уже открытию биб-

лиотеки, но тут возникло новое затруднение: обещанное городом бесплатное помещение под библиотеку-читальню оказалось занятым, другого такого же в виду не имелось, а между тем расход на квартиру не входил в более чем скромный бюджет библиотеки. Новые пожертвования дали возможность обойти и это затруднение».

Александра Знаменская ни на кого не жалуется и никого не обвиняет, но за строками ее воспоминаний просматривается если не равнодушие, то недостаточное внимание отцов города к благородному начинанию Знаменской и ее друзей: ведь доступной библиотеки для податных сословий Симбирск не имел, да и память знаменитого своего уроженца Ивана Александровича Гончарова на родине ничем не была увековечена.

Можно представить приподнятое настроение А. Знаменской, Л. Сахаровой, М. Суперанского, М. Медведевой и их близких, когда 17 января 1893 года состоялось открытие первой в России (за исключением столичных) бесплатной библиотеки-читальни имени И.А. Гончарова. Приютилась она в квартире, нанятой за 8 рублей в месяц в доме на Панской (ныне – Энгельса) улице. Одна комната была отведена для читальни, другая – для сотрудников библиотеки. Обстановку составляли: книжный шкаф, некрашенный стол для читателей и два грубых на козлах стола для абонементов, покрытых красным сукном, 12 табуреток, две висючие керосиновые лампы. Единственное украшение – большой портрет Гончарова, исполненный масляными красками художником С.П. Жемчужниковым.

Штат состоял из заведующей – Знаменской, секретаря – Суперанского и библиотекаря – Марии Григорьевны Медведевой, которая получала 10-рублевое жалованье в месяц, а также сторожа.

С первого же дня работы библиотеки она была полна народу, преимущественно воспитанников народных училищ, которые «массою стояли даже в сенях и на улице, ожидая очереди». За первые два дня работы полки шкафа опустели и, по словам Знаменской, «наглядно и громко вопияли о назревшей в публике потребности в книге». Насколько успешно наша Гончаровская библиотека достигла своей цели, – отмечалось в казанском «Волжском вестнике» (1894, 30 марта), – видно, например, из следующего: Карамзинская библиотека, обладая капиталом в 17000 руб. и громадным запасом книг, при расходе в 1757 руб. и даровом помещении имела 553 абонента, и выдано было из нее книг 16507. Гончаровская же имела 864 абонента и 23829 выдач книг».

Летом 1893 года городские власти дозволили Гончаровской библиотеке разместиться в 5-м женском начальном училище, находившемся в бывшем доме Егорова. Кроме того, город выделил библиотеке пособие в 100 рублей. Александра Александровна и ее муж Федор Александрович внесли 200 рублей. Кроме того, Знаменская устраивает любительские спектакли и вечера, обращается с просьбами к иногородним благотворителям, колесит в тарантасе по городу с подписными листами, просит о взносах книгами и журналами. Начиная с 1894 года и городская дума повысила пособие библиотеке до 300 рублей в год.

Чуть ли не доброй половиной книг, поступающих в качестве пожертвований, не разрешалось пользоваться в народных библиотеках, и поэтому они без движения покоились в запасном фонде. Нетрудно представить настроение Знаменской, когда раздавались восклицания читателей: «И что это за библиотека, просил Некрасова — не дают, прашивал Достоевского — тоже, говорят, нет. Гончарова только «Фрегат «Паллада» предлагают, а еще Гончаровской прозывается!» Для того чтобы обойти подобного рода правительственные запреты, Александра Александровна весной 1899 года добивается разрешения открыть платную публичную библиотеку с читальным залом с платой за абонемент. 3 октября такая библиотека открылась в стенах Гончаровской библиотеки, то есть в одном зале, с одним и тем же составом библиотекарей.

С годами здоровье Знаменской, воспитывавшей и своих шестерых детей, начало сдавать, и 16 сентября 1901 года, в 10-ю годовщину смерти И.А. Гончарова, на торжественном заседании, посвященном его памяти, она предложила свою библиотеку-читальню имени знаменитого романиста городу и выразила убеждение: «Я верю, что дело это, проведенное мною с такими препятствиями и затруднениями, не заглохнет в руках моих деятельных преемников, но будет расти и развиваться в интересах читателя и города. И это будет наидостойнейший способ почтить память нашего знаменитого согражданина великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова».

Принимая бесценный дар, руководство Думы попросило учредительницу и заведующую библиотекой составить отчет за истекший год. Александра Александровна сделала большее: она написала историю возникновения и развития Гончаровской бесплатной библиотеки-читальни.

А 24 апреля 1904 года неутомимая просветительница подарила городу и второе свое детище, носившее официальное название «Библиотека А.А. Знаменской». Благодарные власти присвоили Александре Александровне звание почетной попечительницы объединенной библиотеки и перевели книжные фонды в просторное помещение на Покровской улице (ныне Л. Толстого, 66). Руководство библиотекой принял на себя гласный городской думы врач Иван Иванович Стеклов, который сделал все, чтобы благородное дело, начатое Знаменской, развивалось в интересах малоимущих граждан города.

Опуская другие подробности жизни и деятельности А.А. Знаменской (с ними можно познакомиться в моей книге «Симбирск и симбиряне», Ульяновск, 1997), замечу только, что замечательная просветительница, поплатившись за свое участие в освободительном движении ссылками и тюрьмами, остаток своей жизни отдала работе Центральной городской библиотеки имени Гончарова и Карамзина. О конце ее жизненного пути газета «Заря» (орган Симбирского губкома РКП (б) и губисполкома) 3 марта 1922 года сообщила читателям: «В 2 часа ночи на 28 февраля скончалась от сыпного тифа основательница Гончаровской библиотеки Знаменская».

Чуть ли не доброй половиной книг, поступающих в качестве пожертвований, не разрешалось пользоваться в народных библиотеках, и поэтому они без движения покоились в запасном фонде. Нетрудно представить настроение Знаменской, когда раздавались восклицания читателей: «И что это за библиотека, просил Некрасова — не дают, прашивал Достоевского — тоже, говорят, нет. Гончарова только «Фрегат «Паллада» предлагают, а еще Гончаровской прозывается!» Для того чтобы обойти подобного рода правительственные запреты, Александра Александровна весной 1899 года добивается разрешения открыть платную публичную библиотеку с читальным залом с платой за абонемент. 3 октября такая библиотека открылась в стенах Гончаровской библиотеки, то есть в одном зале, с одним и тем же составом библиотекарей.

С годами здоровье Знаменской, воспитывавшей и своих шестерых детей, начало сдавать, и 16 сентября 1901 года, в 10-ю годовщину смерти И.А. Гончарова, на торжественном заседании, посвященном его памяти, она предложила свою библиотеку-читальню имени знаменитого романиста городу и выразила убеждение: «Я верю, что дело это, проведенное мною с такими препятствиями и затруднениями, не заглохнет в руках моих деятельных преемников, но будет расти и развиваться в интересах читателя и города. И это будет наидостойнейший способ почтить память нашего знаменитого согражданина великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова».

Принимая бесценный дар, руководство Думы попросило учредительницу и заведующую библиотекой составить отчет за истекший год. Александра Александровна сделала большее: она написала историю возникновения и развития Гончаровской бесплатной библиотеки-читальни.

А 24 апреля 1904 года неутомимая просветительница подарила городу и второе свое детище, носившее официальное название «Библиотека А.А. Знаменской». Благодарные власти присвоили Александре Александровне звание почетной попечительницы объединенной библиотеки и перевели книжные фонды в просторное помещение на Покровской улице (ныне Л. Толстого, 66). Руководство библиотекой принял на себя гласный городской думы врач Иван Иванович Стеклов, который сделал все, чтобы благородное дело, начатое Знаменской, развивалось в интересах малоимущих граждан города.

Опуская другие подробности жизни и деятельности А.А. Знаменской (с ними можно познакомиться в моей книге «Симбирск и симбиряне», Ульяновск, 1997), замечу только, что замечательная просветительница, поплатившись за свое участие в освободительном движении ссылками и тюрьмами, остаток своей жизни отдала работе Центральной городской библиотеки имени Гончарова и Карамзина. О конце ее жизненного пути газета «Заря» (орган Симбирского губкома РКП (б) и губисполкома) 3 марта 1922 года сообщила читателям: «В 2 часа ночи на 28 февраля скончалась от сыпного тифа основательница Гончаровской библиотеки Знаменская».

Незадолго до первой годовщины со дня ее кончины общественность Симбирска довольно широко отметила 30-летие Гончаровской библиотеки. Газета «Экономический путь» 30 января 1923 года под заголовком «Праздник просвещения» поместила заметки читателей, которые высоко оценивали создание А.А. Знаменской первой в провинциальной России бесплатной библиотеки-читальни в память И.А. Гончарова. Краевед Б. Путилов с глубочайшей признательностью назвал эту библиотеку «почти единственным общедоступным пролетарским рассадником просвещения. Ярким моментом в жизни библиотеки было празднование 25-летия ее в 1918 году. На нем присутствовала учредительница Гончаровской библиотеки А.А. Знаменская».

В 1924 году Центральная городская библиотека им. Гончарова и Карамзина получила статус губернской и вместе с некоторыми другими книгохранилищами заняла все помещения бывшего Дома дворянского собрания на Новом Венце, а 21 января 1925 года на их основе был создан Дворец книги им. В.И. Ленина. Мемориальная доска, установленная в главном зале, гласила, что в состав Дворца книги вошли Карамзинская и Гончаровская библиотеки, а также Губернская центральная библиотека, Центральная детская библиотека и Губернский коллектор. По справедливости же следовало бы упомянуть и публичную библиотеку А.А. Знаменской, фонды которой, как и основанной ею Гончаровской, тоже стали неотъемлемой частью, правопреемницы Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина.

Глава 26

ПЕРВЫЙ ГОНЧАРОВЕД СИМБИРСКА

Еще при своей жизни автор «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва» пользовался большим уважением земляков. Оно проявилось, в частности, в стремлении комитета Карамзинской общественной библиотеки иметь в зале заседаний портрет романиста, жертвуемые им книги помещались в отдельный шкаф. А редакция «Сборника исторических и статистических материалов о Симбирской губернии» 1868 года при составлении подборки биографий замечательных уроженцев края (Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, Н.М. Языкова и других) сочла необходимым включить единственное жизнеописание здравствующего писателя – Ивана Александровича Гончарова. Просьба о доставлении его в редакцию была передана через старшего брата романиста – преподавателя классической гимназии Николая Александровича, и писатель прислал автобиографию (написанную от третьего лица), которая без подписи появилась в «Сборнике» в 1868 году.

Неудивительно, что после кончины Ивана Александровича Гончарова, наступившей 15 сентября 1891 года, земляки – почитатели его таланта – решили увековечить его имя неординарным, общественно значимым образом. Уже в 1892 году

известная в Симбирске просветительница Александра Александровна Знаменская и ее единомышленники добиваются от властей разрешения на устройство в городе библиотеки-читальни в память И.А. Гончарова. В осуществлении этой цели активное участие принял приехавший весной того же года из Петербурга на должность бухгалтера губернского отделения Крестьянского поземельного банка 28-летний Михаил Федорович Суперанский. Опираясь на правительственные узаконения, он составил Устав библиотеки и в качестве ее секретаря, вместе с ее учредителями, 17 января 1893 года приветствовал читателей (первой в провинциальной России) бесплатной библиотеки-читальни имени И.А. Гончарова. Для Суперанского служение этой библиотеке стало началом многолетней исследовательской работы, посвященной жизни и творчеству романиста, работы, плоды которой дают право называть его первым гончарововедом Симбирска. Все современные гончарововеды используют его труды, в той или иной степени говорят о нем как о человеке и исследователе, и тем не менее биографический очерк о нем, опирающийся на документы, еще не написан. Не претендуя на всестороннее освещение жизни и деятельности Михаила Федоровича, остановлюсь лишь на тех страницах его биографии, которые представляются наиболее существенными.

Михаил Федорович Суперанский родился 1 (13) ноября 1864 года в селе Ладва Олонецкого уезда Олонецкой губернии, очевидно, в семье священнослужителя, ибо в Олонецкой (Петрозаводской)

духовной семинарии он учился на казенном содержании, как, впрочем, потом и в Петербургской духовной академии, которую окончил в 1889 году со степенью кандидата³⁵⁴. Пастырская служба его не прельщала, а вакансий по духовно-учебной службе не оказалось, и 25-летний кандидат занялся тем, что больше всего влекло, – историей, социологией, литературоведением, подрабатывая, как и в студенческие годы, случайными заработками, главным образом, как внештатный сотрудник газет и журналов. Поиски постоянной работы завершились 1 апреля 1892 года назначением Михаила Федоровича бухгалтером симбирского отделения Крестьянского поземельного банка, и уже в середине мая он оказался в незнакомом волжском городе.

Почему выбор пал на Симбирск? А.В. Суперанская, его внучка, полагала, что переезд из Петербурга произошел вскоре после женитьбы Михаила Федоровича на выпускнице высших женских (Бестужевских) курсов Александре Григорьевне Садовниковой, когда появилась необходимость в постоянном заработке, а он-то, мол, нашелся в Симбирске. Однако документы областного госархива, в частности, метрическая книга симбирской Никольской церкви, свидетельствуют, что 29-летний М.Ф. Суперанский 20 января 1893 года вступил в законный брак с 21-летней домашней учительницей девицей Александрой Григорьевной Садовниковой³⁵⁵.

³⁵⁴ ГАУО. Ф. 126, оп. 27, д. 718, л. 5.

³⁵⁵ ГАУО. Ф. 126, оп. 27, д. 718, л. 31.

Безусловно, что знакомство между ними состоялось еще в Петербурге, когда Михаил Федорович и Анна Григорьевна были студентами. Но первой, в 1890 году, в Симбирск приехала бестужевка, а Суперанский последовал туда уже вслед, чтобы быть рядом с любимой девушкой и навсегда связать с ней свою судьбу.

По существовавшим узаконениям Михаил Федорович после трудоустройства обязан был возместить духовному ведомству затраты на казенное содержание в духовных семинарии и академии. Однако святейший Синод, учитывая, что «оклад бухгалтера незначителен», удовлетворил просьбу Суперанского и постановил: 270 рублей за обучение в Олонецкой семинарии – сложить, а уплату 900 рублей в пользу столичной академии рассрочить на десять лет.

В течение трех лет Михаил Федорович безвозмездно исполнял обязанности секретаря Гончаровской библиотеки. Кроме того, он выступал с публичными лекциями, сборы от которых пополняли ее скудную материальную базу. Как истый поборник просвещения Суперанский обобщает опыт работы Гончаровской библиотеки и в 1894 году издает в Симбирске брошюру «Как открывать и устраивать народные библиотеки и читальни», которая станет настольным руководством для просветителей не только Симбирской, но и других губерний.

Личный же, весьма скромный, бюджет Михаил Федорович по-прежнему старается пополнять за счет публикации в печати своих библиографи-

ческих и критических статей и заметок. Так, в 1894 году в симбирском журнале «Городской и сельский учитель» (издание Анастасиева) он помещает свою рецензию на книгу очерков швейцарского профессора-философа К. Гилети «Счастье» (в переводе А. Острогорского), призывавшего своих читателей к «отрешению от эгоизма и к труду на пользу ближних». В феврале 1895 года Суперанский испрашивает у банковского начальства разрешения быть редактором учреждаемой дворянкой Е.В. Горчаковой новой «Симбирской газеты»³⁵⁶. Но тогдашний Симбирск, в отличие от соседних Казани, Пензы, Самары, Саратова, еще не созрел для появления частной независимой общественно-политической газеты...

И все же 1895 год привнес в общественную деятельность Михаила Федоровича нечто новое и отрадное: только что созданная по инициативе губернского предводителя дворянства Владимира Николаевича Поливанова Симбирская губернская ученая архивная комиссия (СГУАК) избирает Суперанского своим действительным членом. С этой поры историческое и литературное краеведение становится неотъемлемой частью внеслужебных занятий Суперанского. С присущим ему глубоким проникновением в суть заинтересовавшей его проблемы Михаил Федорович занялся изучением архивного дела и уже в 1897 году выступил на заседании СГУАК с обстоятельным докладом «К вопросу о разработке и описании архивов Сим-

³⁵⁶ ГАУО. Ф. 126, оп. 27, д. 718, л. 32.

бирской губернии», получившим одобрение краеведов. А к 250-летию со дня основания Симбирска выходит в свет его брошюра «Симбирск и его прошлое (1648-1898 гг.)».

В юбилейном году произошла перемена и в его служебной деятельности: оставив банковскую должность, он занял пост чиновника особых поручений казенной палаты³⁵⁷. К этому времени Михаил Федорович в совершенстве освоил все виды банковского счетоводства и делопроизводства, а также оценок как покупаемых имений, земель, любой недвижимости, так и экономического положения покупателей. В качестве эксперта приходилось выезжать в командировки по губернии. Новая работа отбирала много сил и времени, но она позволяла безбедно содержать семью, в то время как Александра Григорьевна после рождения сына Игоря летом 1893 года вынуждена была быть домохозяйкой.

Размышляя над тем, как растить сына, Михаил Федорович штудировал педагогическую литературу и публицистику. Одним из итогов этой работы стала статья «Наше воспитание по сочинениям М.Е. Салтыкова», появившаяся в журнале «Воспитание» (1896, № 10). Как и жена, он считал разумную организацию досуга детей не менее важной задачей, чем классные занятия и выполнение домашних заданий. По инициативе четы Суперанских в Симбирске в 1902 году был создан «Семейно-педагогический кружок», членами ко-

³⁵⁷ ГАУО. Ф. 126, оп. 27, д. 718, л. 35.

торого на общественных началах были созданы библиотека детской литературы, игровые площадки. За небольшую плату дети учителей обучались рисованию, лепке, столярному и переплетному делу, шитью, музыке, пению, участвовали в любительских спектаклях. Зимой для них устраивались каток, елки, а летом – загородные прогулки³⁵⁸.

Вместе с женой и ее подругами по педагогической работе Михаил Федорович принял деятельное участие в возглавляемом А.А. Знаменской «Обществе взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Симбирской губернии». Это общество оказывало учителям и их семьям денежную помощь, договаривалось с врачами о даровом лечении своих членов, помогало в приобретении литературы, содержало интернат в городе для детей сельских учителей, а в 1900 году даже открыло дешевый дом отдыха для труженников народной школы в селе Матюнино³⁵⁹.

Членство в семейно-педагогическом кружке и «Обществе взаимного вспомоществования учащим и учившим в Симбирской губернии» позволило Михаилу Федоровичу глубоко изучить школьную жизнь и стать ее историком. В 1905 году он создает очерк «Быт учащихся в начальных школах Симбирской губернии», в котором на фактах показывает справедливость слов А.П. Чехова, что учитель

³⁵⁸ Суперанская А.В. Семейно-педагогический кружок. Краеведческий отдел Ульяновской обл. научн. б-ки им. В.И. Ленина. Папка «М.Ф. Суперанский».

³⁵⁹ Трофимов Ж. Симбирск и симбиряне. – Ульяновск, 1997, с. 332.

в России живет бедно, «в одиночестве, в глухом углу, без книг и без просвещения». А в следующем году выходит уже монография «Начальная народная школа в Симбирской губернии». В последней книге на основе архивных документов, мемуаров, а также бесед с учителями-ветеранами Суперанский пришел к выводу, что все успехи земской школы в 70-80-х годах связаны с «энергией и беззаветной преданностью делу И.Н. Ульянова». И первым в России сравнил просветительскую деятельность Ильи Николаевича с деятельностью на ниве просвещения Л.Н. Толстого в Тульской и барона Н.А. Корфа в Екатеринославской губерниях³⁶⁰.

Это была открытая хвала отцу Александра Ульянова, казненного за участие в покушении на жизнь Александра II, и Владимира Ульянова — лидера большевиков в революции 1905 года. Поступить так, да еще в момент, когда в стране победила реакция, мог только честный и смелый деятель, преданный делу освобождения своего народа от самодержавного деспотизма и всех видов угнетения. Свою приверженность светлым идеалам Михаил Федорович без обиняков выразил в заключительной части книги о симбирской начальной школе: «Уже занялась заря свободы. Свободный же народ не может оставаться «темным», неграмотным народом. Он должен иметь свободную, не стесненную полицейскими и профессиональными требованиями школу, сообщающую не одну грамотность, а и развитие, которое

³⁶⁰ Суперанский М. Указ. соч., с. 326.

освободило бы его от вековых предрассудков и суеверий»³⁶¹. Так решительно защищал просветитель земскую школу от нападок апологетов церковно-приходских школок.

Еще более обличительный характер имели статьи Суперанского, печатавшиеся в столичном журнале «Образование» под псевдонимами («Р» и др.). Так, в письме «Банкротство хозяев», написанном в связи с самоубийством земского начальника Буинского уезда Симбирской губернии А.В. Михайлова (запутавшегося в долгах), Михаил Федорович приводит примеры того, как и другие земские начальники, назначавшиеся только из дворян-землевладельцев, «весьма свободно обращались с суммами волостных управлений и крестьянских обществ», не делая различия «между этими суммами и собственными средствами». А некоторые из этих дворян-начальников занимались «спекуляцией по скупке земель», пускали «в рост», то есть под ростовщические проценты, собранные крестьянами гроши на постройку школы, приобретали хлеб для сельчан по одной цене, а им ссужали по более высокой, пользовались бесплатно земскими лошадьми, хотя получали из казны разъездные деньги.

Обобщающий же вывод нашего публициста о дворянстве уничижителен: «... Как сословие, какими бы оно правами и привилегиями ни обладало, никогда в России не умело воспользоваться своим благоприятным положением для того, чтобы принести стране существенную пользу — доста-

³⁶¹ Суперанский М. Указ. соч., с. 326.

вить ей блага гражданской свободы, экономического довольства и просвещения... Честность, дарования и способности к знанию – не монополия дворянства, – все это также свойственно и презираемой им «толпе»³⁶².

Сам же Михаил Федорович не чурался и сверхурочного труда, чтобы только обеспечить своей семье безбедное существование. Осенью 1906 года он по совместительству за 300-рублевое годовое жалованье устраивается в Мариинскую женскую гимназию преподавателем истории словесности и в первом же учебном году завоевывает уважение глубоким знанием отечественной литературы, прекрасным изложением материала и гуманным отношением к воспитанницам³⁶³. Подобные лестные отзывы о Суперанском-словеснике мне довелось слышать в 1965 году из уст его ученицы, учительницы-пенсионерки Александры Федоровны Храмцовой. Наглядное же представление об эрудиции Михаила Федоровича дает его обстоятельный очерк «Из поволжской старины», опубликованный в августовском номере «Исторического вестника» за 1907 год.

В разделе очерка «Симбирцы-писатели» он рассказывает о литературной жизни нашего города конца XVIII – первой половины XIX столетий – о семье Тургеневых, Н.М. Карамзине, И.И., М.А. и Ф.М. Дмитриевых, Н.М. Языкове, И.А. Гончарове, П.В. Анненкове, Д.И. и Д.Д. Минаевых, К.И. Невоструеве. Повествование это ведется

³⁶² Суперанский М. Указ. соч., с. 69.

³⁶³ ГАУО. Ф. 148, оп. 1, л. 3.

архилаконично, но весьма емко. Так, коснувшись проблемы «Гончаров и Симбирск», Михаил Федорович сказал главное: родной город писателю «дал материал для художественных произведений и положил начало развитию его духовных сил; а живя впоследствии вдалеке от Симбирска, он поддерживал переписку со своими родственниками». Напомнив, что еще в 1901 году, «по случаю десятилетия со дня смерти Гончарова, Симбирская архивная комиссия возбудила ходатайство об открытии всероссийской подписки на сооружение ему в Симбирске памятника», Суперанский с иронией процитировал отрицательный ответ министра внутренних дел о преждевременности ходатайства об увековечении памяти Гончарова: «Известность его как писателя и заслуги его на этом поприще едва ли приобрели настолько распространенное во всех слоях населения значение, чтобы было своевременным в настоящее время возбудить вопрос о почтении его памяти сооружением ему памятника путем повсеместного в империи сбора пожертвований»³⁶⁴.

Кто-кто, а Суперанский отлично ведал, что Иван Александрович Гончаров к 1901 году уже вошел в четверку великих романистов – вместе с Л. Толстым, Тургеневым и Достоевским, – известных во всем мире. Не вступая в открытую полемику с министром, он подчеркнул, что пока «единственным памятником Гончарову в его родном городе остается бесплатная народная библиотека-

³⁶⁴ Исторический вестник, 1907, № 8, с. 512.

читальня его имени, открытая на частные средства в 1893 году, если не считать таковым знаменитый «Обрыв». Но Михаил Федорович не ограничился констатацией недооценки власть имущими необходимости достойного увековечения памяти великого писателя и с присущей ему энергией и настойчивостью принялся за сбор документов и материалов для жизнеописания Ивана Александровича. Уже в февральском номере «Вестника Европы» за 1907 год появляется публикация «Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии».

Исходя из того, что «впечатления детства и юности всегда сильны, глубоки, оставляют наиболее заметные следы в духовной жизни человека, налагают неизгладимую печать на его интеллектуально-моральный облик», Суперанский начинает свое документальное повествование с представления читателям «Летописца», который в семье вели несколько поколений Гончаровых. Благодаря этому (подаренному СГУАК племянником романиста А.Н. Гончаровым) уникальному источнику стали известны достоверные сведения о предках, родителях и всех членах семьи Ивана Александровича, а также некоторых событиях в их жизни с 1732 по 1851 год. Публикация в «Вестнике Европы» ввела в научный оборот все три «Автобиографии» Ивана Александровича, а также его письма в Симбирск к своей сестре А.А. Кирмаловой. Наконец, достоинством этой работы Суперанского стал его анализ гончаровских воспоминаний «На родине», в ходе которого вносились фактические уточнения, скажем, в образ ничтожной фигуры «Бравина», ибо в ней симбиряне лег-

ко угадывали в действительности прогрессивного деятеля князя М.П. Баратаева³⁶⁵.

Продолжение публикации «Ив. Ал. Гончаров. Новые материалы для его биографии» появилось в «Вестнике Европы» через полтора года (в №№ 11 и 12 за 1908 год). На сей раз поклонники таланта великого романиста познакомились с воспоминаниями его племянника А.Н. Гончарова, написанными незадолго до своей смерти по просьбе Суперанского. Умиравший мемуарист обладал чрезвычайно желчным характером и без должного уважения относился не только к знаменитому дяде, но и к собственному отцу – учителю словесности классической гимназии, изображая его ненормально рассеянным человеком, чуть ли не пошлостью. Михаил Федорович в таких случаях явного искажения в мемуарах исторической правды давал необходимые комментарии, делая тем самым оправданным сам факт их публикации.

В ходе поисков материалов для биографии И.А. Гончарова Михаилу Федоровичу удалось собрать, как это видно из его письма от 11 января 1909 года к редактору «Исторического вестника» С.Н. Шубинскому, «значительное количество фотографий Ив. Ал-ча, его близких родственников, дома, где он родился, и т.п. Кроме того... удалось найти писанные масляными красками портреты: 1) его матери и 2) его знаменитого «крестного» – Якубова»³⁶⁶.

³⁶⁵ Вестник Европы, 1907, № 2, с. 316.

³⁶⁶ Отдел рукописей РНБ. Ф. 874, № 118, л. 986.

20 января 1911 года В.Н. Поливанов сообщил на заседании СГУАК, что по просьбе М.Ф. Суперанского он «добыл копию с формулярного списка И.А. Гончарова, имеющую важное значение для полной биографии писателя, составлением которой в настоящее время занят Михаил Федорович. Кроме того, ему (Суперанскому. – Ж.Т.) обещана фотография дома Устинова в Петербурге на Моховой улице, где в течение долгих лет жил И.А. Гончаров. Затем начальник архива Министерства народного просвещения К.А. Военский обещал доставить некоторые письма И.А. Гончарова, также составителю его биографии»³⁶⁷.

На заседании СГУАК от 22 декабря 1911 года Михаил Федорович заявил коллегам, что «капитальный его труд – полная биография писателя – близится к окончанию». Однако комиссия, несмотря на приближающееся 100-летие со дня рождения романиста, пожелала издать к юбилею лишь популярную брошюру о Гончарове, «объемом не более 1¹/₂ листов для народа и школ»³⁶⁸. Таковую брошюру, «по готовым материалам, которые имелись у М.Ф. Суперанского», взялся написать член СГУАК В.А. Копосов, а оплату типографских расходов произвел Н.П. Пастухов.

Вклад же Михаила Федоровича в юбилейном 1912 году трудно переоценить. В столичном журнале «Русская школа» (№№ 5-6 и 7-8) он опубликовал обстоятельный материал «Воспитание Гон-

³⁶⁷ Отчет о деятельности СГУАК за 1911 год. – Симбирск, 1912, с. 38.

³⁶⁸ Столетие со дня рождения И.А. Гончарова. Юбилейное празднование в Симбирске. – Симбирск, 1912, с. 67.

чарова». В июньской книжке «Исторического вестника» появилось его письмо «О присылке неопубликованных материалов о Гончарове». СГУАК издала и составленный им «Каталог выставки в память И.А. Гончарова в Симбирске 5-6 июня 1912 года». В библиотеке-читальне им. И.А. Гончарова Михаил Федорович выступил 5 июня с речью о знаменитом писателе, особо подчеркнув, что он «является представителем истинного просвещения, — выразителем нелицеприятной правды в искусстве слова»³⁶⁹. А на следующий день, на публичном заседании СГУАК, где в числе гостей был академик-юрист А.Ф. Кони, Суперанский сделал доклад «Гончаров и Симбирск», подводивший итог его работы над биографией писателя.

В связи со знаменательным юбилеем Михаил Федорович обратился к В.Н. Поливанову с предложением выкупить бывший дом Гончаровых на Большой Саратовской улице у купца Балакирщикова³⁷⁰. Для подписных листов по сбору средств на сооружение памятника И.А. Гончарову, рассылавшихся по России, Суперанский написал краткую его биографию, в которой убедительно аргументировал необходимость поставить на любимейшем им месте — «на вершине Симбирской горы, называемой «Венцом», на краю «ОБРЫВА», дом-памятник, «обращенный главным фасадом на любимую им Волгу...»³⁷¹.

³⁶⁹ Столетие со дня рождения И. А. Гончарова. Юбилейное празднование в Симбирске. — Симбирск, 1912, с. 67.

³⁷⁰ ГАУО. Ф. 664, оп. 1, д. 40, л. 1.

³⁷¹ Бейсов П.С. Гончаров и родной край. — Куйбышев, 1960, с. 175.

Маститый гончаровед и в последующие годы продолжает знакомить читателей со своими новыми исследованиями. В 1913 году Михаил Федорович публикует в майском номере журнала «Современник» статью «И.А. Гончаров и Н.И. Надеждин», освещавшую отношения студента Московского университета Гончарова и одного из любимых им профессоров. В следующем году в столичном альманахе «Голос минувшего» (№ 7) появляется доброжелательная рецензия Суперанского на «Материалы для биографии и характеристики И.А. Гончарова», собранные французским литературоведом Андре Мазоном. В трудном военном 1915 году Михаил Федорович выступает на заседании СГУАК с докладом «Один из учителей И.А. Гончарова (протоиерей Троицкий)»³⁷², основанным на новых сведениях о содержателе за-волжского пансиона, в котором обучался в детстве будущий писатель.

В 1916 году Михаила Федоровича, завоевавшего за четверть века работы на налогово-финансовом поприще большой авторитет, переводят в Петроград. Объем его служебной деятельности, когда стране грозила экономическая катастрофа и безудержно росла инфляция, значительно вырос, и тем не менее Суперанский в часы досуга готовит к печати обобщающую работу по гончароведению. И уже в декабре 1916 года под редакцией известных литературоведов Е.А. Ляцкого, Б.Л. Модзалевского и А.А. Сиверса в столице

³⁷² Отчет о деятельности СГУАК за 1915 год. – Симбирск, 1916, с. 4.

выходит сборник по истории литературы «Огни», в котором исследователю из Симбирска было предоставлено 70 страниц.

В эту, можно сказать, книгу в книге Михаил Федорович включил 13 материалов, в числе которых оказались: «Третья автобиография» И.А. Гончарова и его формулярный список о службе, воспоминания Е.П. Левенштейн, сообщения о начале знакомства писателя с графиней Е.А. Толстой, о переводах сочинений Ивана Александровича на иностранные языки и его «приношениях» книг и журналов в симбирскую Карамзинскую общественную библиотеку.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Суперанский встретил лояльно и сделал все зависящее от него для стабилизации финансов Советской России. В 1918 году он вместе с правительством переехал в Москву, где напряженно трудился как финансист, читал лекции, писал пособия, разрабатывал инструкции, уставы и т.п. Его книгами «Положение о взимании налогов» (М., 1926), «Устав о государственном гербовом сборе» (М., 1926) и «Гербовый сбор. Курс лекций» (М., 1929) широко пользовались как специалисты, так и студенты учебных заведений экономического профиля.

Известный нам уже французский славист Андре Мазон, встречавшийся с Суперанским в Симбирске в 1912 году и в Москве в 1918-м, в воспоминаниях, написанных в 1964 году, назвал Михаила Федоровича «самым понимающим, самым ясновидящим и самым справедливым критиком трудов И.А. Гончарова». Очень высоко оценил он

и «колоссальную энергию», и преданность, с какими симбирский гончаровед «отдавался изучению и организации финансовой системы, денежного обращения и экономики Новой России... И ему как организатору экономики следует отдать такую же дань уважения, как и ему — литературному критику».

Внучке Михаила Федоровича, профессору-филологу А.В. Суперанской, из рассказов матери помнится, как дед мечтал, что «выйдя на пенсию, наконец займется главным делом своей жизни — научной биографией И.А. Гончарова. Но тяжелая болезнь помешала этому. Он умер 21 мая 1930 г. Его рукописи, а также другие материалы для биографии И.А. Гончарова приобрел Государственный литературный музей».

Но и те труды Михаила Федоровича, которые он успел обработать и опубликовать, являются весомым вкладом в гончароведение и заслуживают переиздания отдельной книгой и как дань нашего уважения и признательности первому симбирскому гончароведу-энтузиасту. Уверен, что настанет время для переиздания и его монографии «Начальная народная школа в Симбирской губернии», и остропублицистической работы «Социология Н.К. Михайловского» (СПб., 1901), в которой Михаил Федорович (под псевдонимом «С.П. Ранский») критикует идеолога либерального народничества за «недостаточное признание закономерности исторического процесса» и высказывает свои симпатии к «русским ученикам Маркса».

ЭПИЛОГ

Так уж случилось, что 4 апреля 2007 года – день сдачи рукописи этой книги в типографию «Печатный двор» – совпало с появлением в печати Указа Президента Российской Федерации Владимира Путина «О праздновании 200-летия со дня рождения И.А. Гончарова». Согласно этому Указу Правительство России образует организационный комитет по подготовке к празднованию юбилея в 2012 году, который должен разработать план основных мероприятий. Органам государственной власти регионов рекомендовано составить свои планы.

Мне довелось, начиная с 1962 года, когда в Ульяновске довольно широко отмечалось 150-летие со дня рождения Ивана Александровича, воочию видеть подготовку, а затем и проведение мероприятий, связанных с подобными юбилейными датами. В 1997 году удостоился чести быть членом областного оргкомитета и выступать на Международной Гончаровской конференции, посвященной 185-летию со дня рождения писателя. С учетом того, что более трех десятилетий являюсь членом научного совета областного Краеведческого музея И.А. Гончарова, считаю необходимым изложить и свои предложения в план подготовки к празднованию 200-летия со дня рождения нашего замечательного земляка.

В ходе подготовки к этому юбилею намечены капитальный ремонт и реставрационные работы в трехэтажном «доме Гончарова». В действительности внутри этого дома находится остов двухэтажного дома, в котором и родился великий писатель. Вид этого дома, благодаря сохранившейся фотографии, сделанной Г. Степановым в 1890 году, а также подробное описание строения, проведенное в 1860-х годах, позволяют восстановить отчий дом Гончарова в первоизданном виде. Если же этот вариант будет отвергнут, то имеется другой, менее затратный, и о нем писал краевед С. Сытин в статье «Из истории «дома Гончарова» в «Ульяновской правде» 26 июня 1983 года. Там, в частности, говорилось о необходимости «соединения первого и второго этажей первоначального здания и изоляции его от той части дома, которая была пристроена в 1898-1900 годах». С подобными предложениями и я выступал не раз, но они воспринимались как нечто «несвоевременное». Думается, что такое время сейчас наступило. В нынешнем же виде «дом Гончарова» в действительности является «домом купцов Юргенсов».

Работу по изучению жизни и творчества Ивана Александровича начали А.П. Александров и А.Ф. Суперанский еще в начале XX века, и продолжается она сотрудниками музея и краеведами нашего времени. Однако многие публикации стали библиографической редкостью, и лучшие из них следовало бы переиздать в виде сборников.

В 1996 году в «Ульяновском Доме печати» вышел в свет «Гончаровский летописец». Под-

готовку этого уникального текста и комментарии к нему провела Ю.М. Алексеева, которая от имени Музея И.А. Гончарова выразила надежду, что это издание начинает собою выпуск ежегодных альманахов «Гончаровский летописец». Увы, за прошедшие 11 лет второй выпуск «Гончаровского летописца» так и не увидел свет. Хочется надеяться, что начиная с 2007 года альманах станет неотъемлемой частью подготовки к 200-летию со дня рождения писателя.

К числу назревших и неотложных проблем относится и создание «Гончаровской энциклопедии», которая стала бы сводом сведений о жизни и творчестве писателя, его литературном и бытовом окружении, об отражении созданных им образов и сюжетов во всех областях искусства. В разработке словника этой энциклопедии, наряду с Гончаровской группой Института русской литературы (Пушкинский дом) АН РФ активное участие могут и должны принять сотрудники Ульяновского музея И.А. Гончарова, участники всероссийских, международных и областных гончаровских чтений, а также краеведы Москвы, Петербурга, других городов и весей, в которых трудился или отдыхал великий писатель. Думается, что уже в сентябре 2007 года, ко дню памяти И.А. Гончарова, первый вариант словника «Гончаровской энциклопедии» можно было бы обсудить на ученом совете Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова, с участием гончаровской группы Пушкинского дома.

Начиная с 17 июня 1979 года праздничные мероприятия под названием «День памяти И.А. Гончарова» проводятся в парке «Винновская роща». Основанием для проведения такого праздника стало «местное предание», будто бы замысел романа «Обрыв» возник у писателя в имении помещика Л.В. Киндякова, в котором, он якобы гостил целый месяц вместе со своим зятем-доктором П.А. Музалевским летом 1849 года. В семье Киндяковых «жило воспоминание» о том, что жена Киндякова, Анна Владиславовна, и ее две внучки стали прототипами бабушки, Веры и Марфиньки в «Обрыве». Но эти предания и «воспоминания» не выдерживают критики, ибо И.А. Гончаров никогда не гостил у Киндяковых. Главным прототипом «бабушки» стала мать писателя, а образы Веры и Марфиньки – собирательные. И уж во всяком случае – это не внучки Киндяковых. Тем не менее в Киндяковской роще писатель бывал, как и тысячи других симбирян, и живописная местность имения Киндяковых в той или иной мере описывается в «Обрыве».

К числу примечательных здешних памятников относится и беседка, установленная невдалеке от господской усадьбы Киндяковых. Мероприятия, посвященные памяти писателя, и впредь могут и должны проводиться в парке, именуемом «Винновская роща», но, главным образом, как праздник населения Железнодорожного района. В центральной же части Ульяновска, в лучших залах – в Ленинском мемориале, областном драмтеатре, областных научной и детской библиотеках

и др. — уместны постановки спектаклей и демонстрации кинофильмов, созданных по мотивам гончаровских романов, а также подведение итогов литературных конкурсов имени И.А. Гончарова и т.п.

Не могу не призвать власть предержащих к необходимости издания массовыми тиражами произведений великого писателя, а также книг о его жизни и творчестве. Гончаровская группа Пушкинского дома взялась за подготовку издания 20-томного полного собрания сочинений Ивана Александровича. За 10 с лишним лет в свет вышло 7 томов. Если такими темпами будут печататься и остальные тома, то издание завершится через 20 лет... Но беда еще и в том, что это собрание сочинений выпускается крошечным тиражом — в 1000 экземпляров, и в свободной продаже этих томов совсем не видно. А ведь в 1970-1980-х годах наших классиков издавали миллионными тиражами.

В связи с предстоящим юбилеем Ульяновский историко-литературный музей (Центр) И.А. Гончарова пополнится научными сотрудниками. В их число целесообразно ввести аспирантов, которые избрали диссертации по теме «Гончаров и Симбирск». Ветеранам этого музея, десятилетиями исследующим ее, следовало бы предоставить возможность работы в архивах, музеях и библиотеках обеих наших столиц. В преддверии славного юбилея Главное архивное управление, администрации национальных публичных библиотек Москвы и Петербурга, а также Пушкинский дом

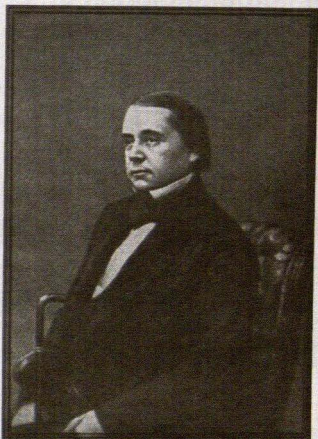
могли бы оказать безвозмездную помощь нашему Музею И.А. Гончарова.

Думается, что наступила пора, когда по Волге будет плавать комфортабельный теплоход «Иван Гончаров», когда именем выдающегося писателя-просветителя в его родном городе будут называть не казино, а учреждения культуры и образования...

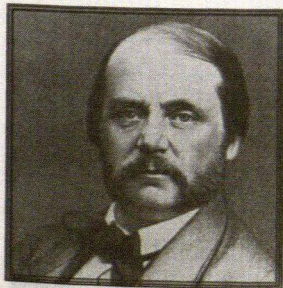
И последнее: я надеюсь, что доживу до того дня, когда выйдет 2-е издание книги «Наш Гончаров», в которую войдут новые результаты моих поисков о нашем великом земляке, и уже, может быть, не тысячным тиражом, и, следовательно, книга станет доступной широкому кругу читателей.

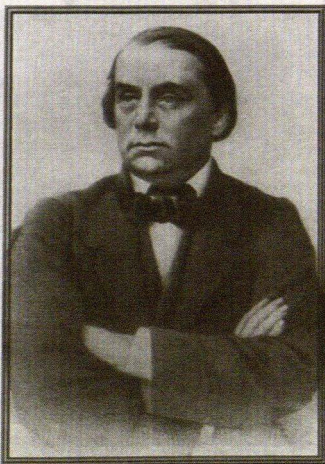
И.А. Гончаров. Портрет
работы К.А. Горбунова.
1848 г.

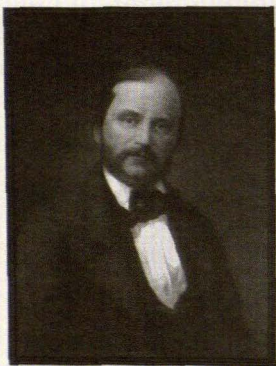
И.А. Гончаров.
Фото 1850-х гг.

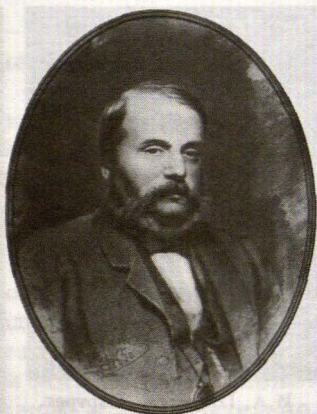
И.А. Гончаров.
Фото 1860 г.

И.А. Гончаров.
Фото 1850-х гг.

И.А. Гончаров. Портрет
работы Н.А. Майкова

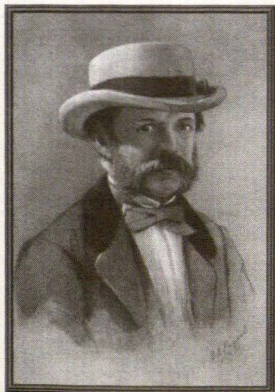
И.А. Гончаров. Портрет
работы И.Н. Крамского.
1865 г.

И.А. Гончаров. Фото 1862 г.

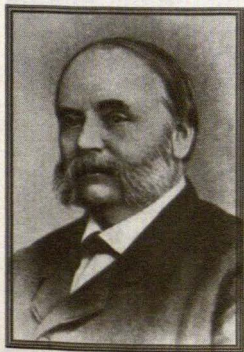
И.А. Гончаров. Фото 1862 г.

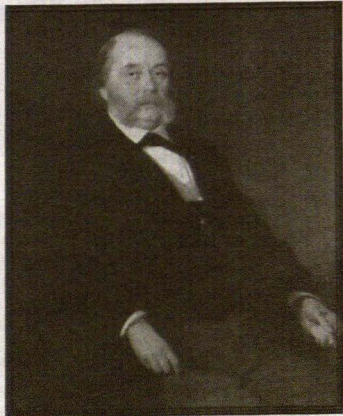
И.А. Гончаров. Портрет
работы И.П. Раулова.
1858 г.

И.А. Гончаров.
Фото 1870-1872 гг.

И.А. Гончаров.
Фото 1873 г.

И.А. Гончаров. Портрет работы
И.Н. Крамского. 1874 г.

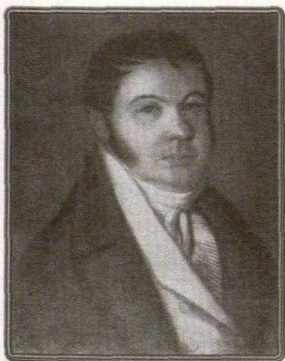
И.А. Гончаров.
Фото 1879 г.

И.А. Гончаров с собачкой.
Фото 1860 г.

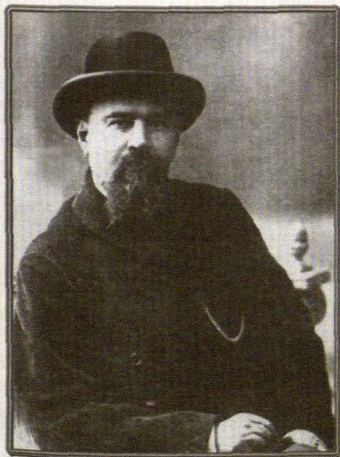
Первая страница
журнала «Нива».
№ 11, 1888 г.

Н.Н. Трегубов. Портрет
неизвестного художника

А.М. Гончарова,
мать писателя. Портрет
неизвестного художника

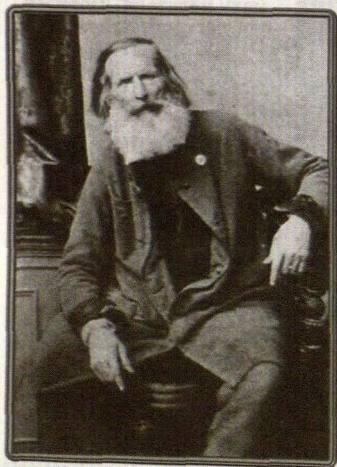
Д.А. Гончаров, родственник
писателя. Фото 1900-х гг.

Н.А. Гончаров.
Портрет неизвестного
художника

Симбирск. Дом городского общества. Фото 1900-х гг.

Н.А. Майков.
Фото 1870-х гг.

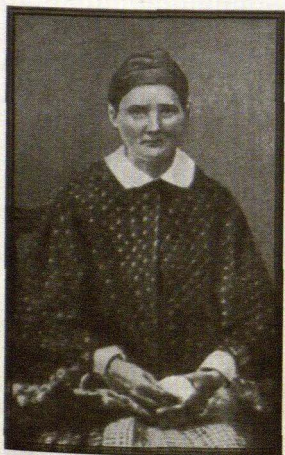
А.А. Знаменская.
Фото 1990-х гг.

П.А. Музалевский

А.А. Музалевская,
сестра писателя

Анна Михайловна,
няня Гончаровых

Е.П. Левенштейн,
племянница писателя

А.А. Кирмалова,
сестра писателя

В.Н. Кирмалов,
племянник писателя

Д.Л. Кирмалова,
жена В.М. Кирмалова

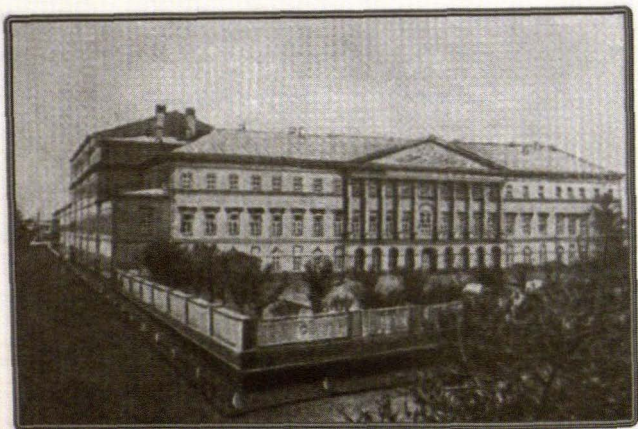
В.М. Кирмалов,
племянник писателя

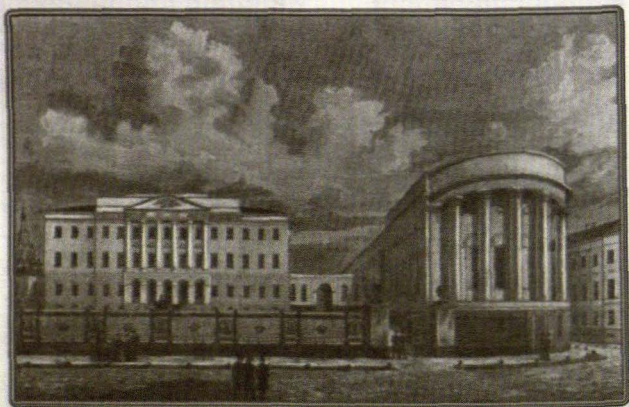
Дом, в котором родился И.А. Гончаров

Симбирск. Фото 1900-х гг.

Московское коммерческое училище

Московский Императорский университет

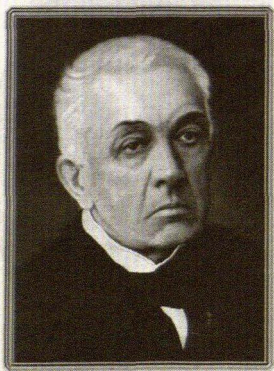
П.Н. Ивашев

П.М. Языков

Н.М. Языков

А.М. Языков

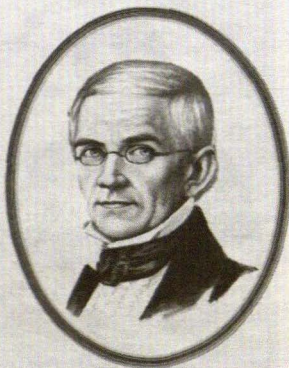
А.М. Загряжский
с семьей

Е.А. Загряжская

М.П. Баратаев

Д.П. Ознобишин

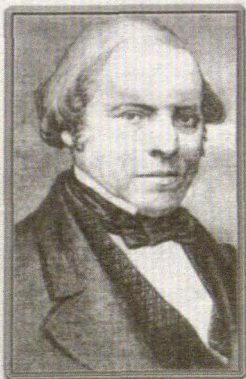
А.С. Пушкин

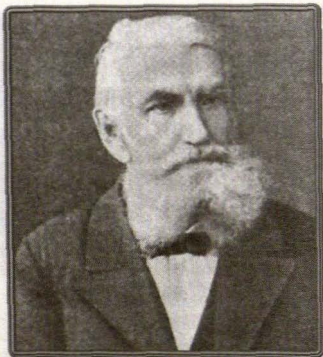
Князь Ю.С. Хованский

В.И. Живокини

Д.Е. Бенардаки

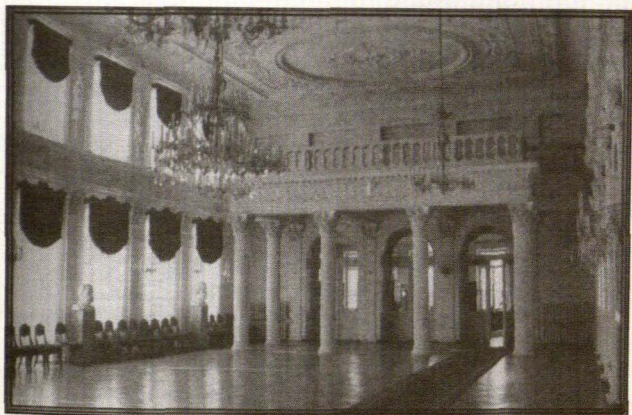
Г.Н. Потанин

М.Н. Островский

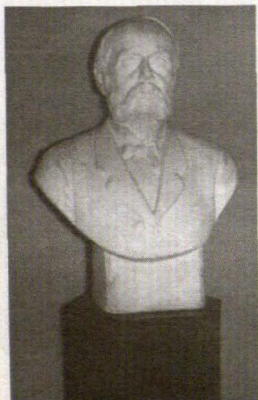
Памятник Н.М. Карамзину. За ним слева – Никольская церковь, а справа – дом губернатора. Фото 1900-х гг.

Бальный зал Дома дворянского собрания

Карамзинский сквер и губернская гимназия. Фото 1860-х гг.

Бюст И.А. Гончарова
работы скульптора
Л.А. Бернштама

Шкаф с книгами,
подаренными
И.А. Гончаровым

Дом дворянского собрания и Карамзинская библиотека.
Фото 1900-х гг.

Писатели – сотрудники «Современника», 1856 г.
Сидят: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.В. Дружинин,
А.Н. Островский. Стоят: Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович

Здание губернских присутственных мест

М.И. Чугунов

Н.А. Гончаров

Преподаватели Симбирской мужской гимназии.
Фото конца 1860-х гг.

Ф.А. Кони с сыном

П.В. Анненков

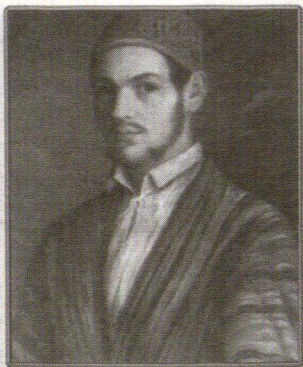
А.Ф. Кони

М.М. Стасюлевич

А.В. Киндякова

Л.В. Киндяков

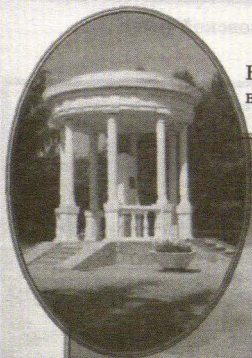
М.Ф. Суперанский

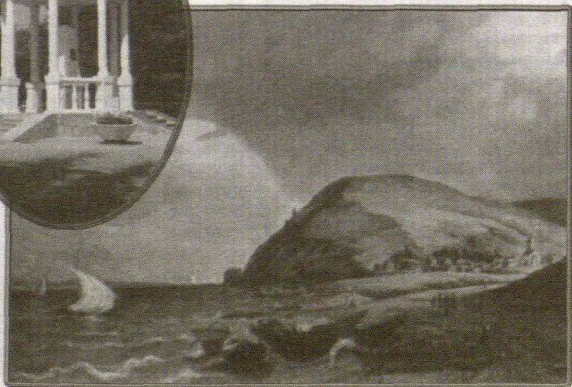
А.В. Суперанская

Сельцо Киндяковка. Фото 1912 г.

Беседка-памятник у обрыва
в Киндяковской роще

Сельцо Киндяковка. С картины А. Иванова

Господский дом в Киндяковской роще

Сельцо Киндяковка

А.И. Трейгут с детьми

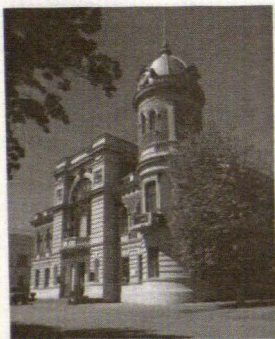
Е.К. Трейгут

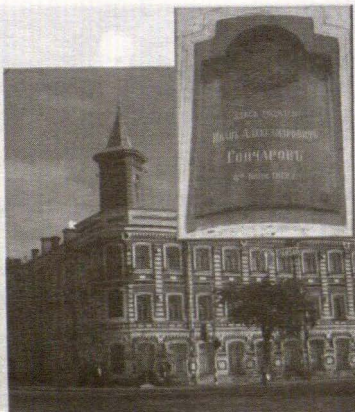
А.К. Трейгут

В.К. Трейгут

Дом-памятник
И.А. Гончарову

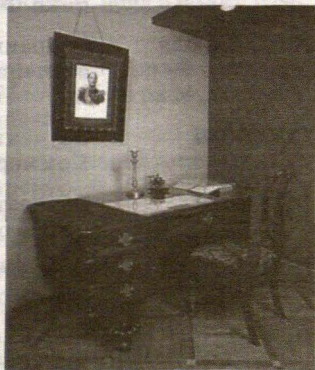
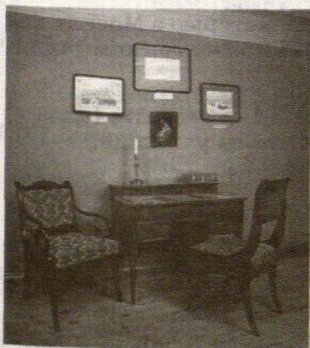
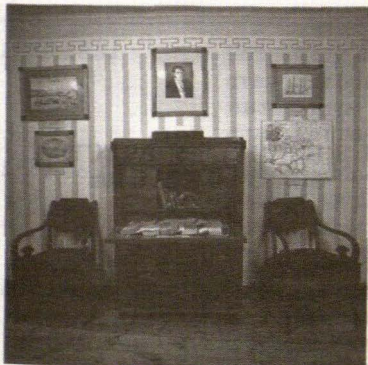
Дом Гончаровых

Памятник
И.А. Гончарову

Памятник
И.А. Гончарову

Фрагменты экспозиции в Музее И.А. Гончарова

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА И.А. ГОНЧАРОВА

1812,
6(18) июня*	– В Симбирске, в семье городского головы Александра Ивановича Гончарова и его супруги Авдотьи Матвеевны, урожденной Шахто-риной, родился сын Иван.
1819,
10 сентября	– Смерть А.И. Гончарова.
1820-1822	– Обучается в заволжском селе Архангельское в пансионе священника Ф.С. Троицкого.
1822, 8 июля	– Отправлен матерью в Москву для обучения в Коммерческом училище.
1822-1826	– Обучение в 1-м возрасте (классе) Коммерческого училища.
1826-1828	– Обучается во 2-м классе Коммерческого училища.
1828-1830	– Обучается в 3-м классе Коммерческого училища.
1830, июль	– Вышел из Коммерческого училища «не кончив курса», по прошению матери.

* В дальнейшем даты приводятся по старому стилю.

- 1830-1831* — Готовится в Симбирске вместе со старшим братом Николаем к вступительным экзаменам в Московский университет.
- 1831-1834* — Вместе с братом Николаем занимается на словесном (филологическом) факультете Московского университета.
- 1832, октябрь* — В № 15 журнала «Телескоп» напечатан перевод И. Гончарова двух глав из романа Эжена Сю «Атар Гюль».
- 27 сентября* — А.С. Пушкин посещает словесный факультет, и Иван Гончаров является свидетелем его спора с профессором М.Т. Каченовским о подлинности «Слова о полку Игореве».
- 1832-1834* — Посещает литературный салон артистки Малого театра М.Д. Львов-Синецкой.
- 1834, июль* — Окончание университета и отъезд в Симбирск.
- Поздняя осень* — Знакомство с губернатором А.М. Загряжским, и выполняет роль его «подставного» секретаря.
- 1835, май* — Отъезд с А.М. Загряжским в Петербург, где 18 числа определен в Департамент внешней торговли Министерства финансов канцелярским чиновником (переводчиком).

- Лето* — По приглашению художника Н.А. Майкова преподает его сыновьям Аполлону и Валерьяну латынь, русскую литературу, эстетику. В литературно-художественном салоне Майковых знакомится с писателями, художниками.
- 1838, 2 апреля* — В № 12 рукописного журнала Майковых «Подснежник» помещена юмористическая повесть И. Гончарова «Лихая болезнь».
- 1839, 4 июля* — В рукописном альманахе Майковых «Лунные ночи» поместил свою повесть «Счастливая ошибка».
- 1842* — Написал юмористический очерк нравов из чиновничьего круга «Иван Савич Поджабрин».
- 1843* — Пишет фрагменты фельетона «Письма столичного друга провинциальному жениху».
- 1844* — Прекращает работу над романом «Старики».
- 1845, начало года* — Читает в салоне Майковых первые главы романа «Обыкновенная история».
- 1846, март* — Знакомство с В.Г. Белинским, который горячо одобряет «Обыкновенную историю».

- 1847,
начало марта — В № 3 журнала «Современник» опубликована первая часть «Обыкновенной истории».
- 8 апреля — В № 4 «Современника» опубликована вторая часть романа.
- 1849, 28 марта — В «Литературном сборнике» Н.А. Некрасова опубликован «Сон Обломова. Эпизод из неоконченного романа».
- Апрель — Кончина в Симбирске крестного отца детей Гончаровых Н.Н. Трегубова.
- Июнь-сентябрь — Пребывание у родных в Симбирске. Работа над «Обломовым». Задуман роман «Художник» («Обрыв»).
- 1851, 11 апреля — Кончина А.М. Гончаровой, матери писателя.
- 1852, 7 октября — Отправляется в кругосветное путешествие на фрегате «Паллада» в качестве секретаря вице-адмирала Е.В. Путятина.
- Ноябрь — Посещает Лондон.
- 1853, 18 января — Посещение острова Мадера.
- 10 марта — У мыса Доброй Надежды.
- 19-29 марта — В Капской колонии.
- Весна, лето — Плавание по Индийскому и Тихому океанам, с посещением портов Танжер, Сингапур, Гонконг.
- 9 августа — Прибытие в японский порт Нагасаки. Ноябрь, декабрь — участие в экспедиции в Китай.

- 1854, 24 января – Эскадра покидает Нагасаки.
Январь-май – Дальнейшее путешествие по маршруту: Ликейские острова, Манила, остров Батан, стоянка в Пио-Квинто, остров Гамильтон, съемка берегов Кореи.
22 мая – «Паллада» вошла в Императорскую гавань.
Август – Гончаров сухопутным путем отправляется из Аяна в Якутск.
31 декабря – Приехал в Иркутск.
- 1855, 25 февраля – Возвращение в Петербург.
- 1856, 19 февраля – Определен цензором Петербургского цензурного комитета.
- 1857,
июль-август – Отдыхает и лечится в Мариенбаде, работает над «Обломовым».
- 1858, осень – Выходит из печати книга Гончарова «Фрегат «Паллада».
- 1859 – В №№ 1-4 журнала «Отечественные записки» напечатан роман «Обломов».
- Май* – В «Современнике» опубликована статья Н.А. Добролюбова «Что такое обломовщина?».
- 1860, 1 февраля – Согласно прошению, оставляет службу цензора.
25 февраля – В «Современнике» напечатан отрывок из «Обрыва» – «Софья Николаевна Беловодова».
- Начало мая* – Отъезд за границу, где продолжал работу над «Обрывом».

- 1861, 21 января – В № 1 «Отечественных записок» опубликован отрывок из «Обрыва» – «Бабушка», а в № 2 от 24 февраля – отрывок «Портрет».
- 1862, 16 мая – Прибыл в Симбирск, где гостил в семье Музалевских.
- 11 июля – Отплыл из Симбирска на волжском пароходе по маршруту Казань – Нижний Новгород. Накопление материалов для работы над «Обрывом».
- 29 сентября – Назначен редактором газеты «Северная почта».
- 1863, июнь – Сложил с себя обязанности редактора «Северной почты»; назначен членом Совета по делам книгопечатания.
- 1866, ноябрь – Опубликовал в № 234 газеты «Голос» свою «Заметку по поводу юбилея Карамзина».
- 1867, 29 декабря – Согласно своему прошению, вышел в отставку «по расстроенному здоровью»; в этот же день выслал в Симбирск брату Николаю свою «Автобиографию» для публикации в «Сборнике исторических и статистических материалов Симбирской губернии».
- 1868, осень – Закончил писать «Обрыв».
- 1869, январь – Начал публикацию «Обрыва» в «Вестнике Европе».

- 1870, февраль — Вышло отдельное издание «Обрыва».
- 1872, март — В «Отечественных записках» напечатан этюд «Мильон терзаний».
- 1873-1874 — Пишет очерк «Поездка по Волге». Работает над статьей об А.Н. Островском и статьей «Христос в пустыне. Картина г. Крамского». Вышел из печати сборник «Складчина» (в пользу голодающих), в подготовке которого активно участвовал Гончаров.
- 1873 — Написал статью «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв».
- 1878, июнь — Умер слуга Гончарова Карл Трейгут.
- Август — Закончил писать «Необыкновенную историю».
- 1879, июнь — В № 6 журнала «Русская речь» опубликовал статью «Лучше поздно, чем никогда».
- 1880, январь — В «Русской речи» опубликовал очерк «Литературный вечер».
- Декабрь — Вышла из печати книга Гончарова «Четыре очерка», в которой были опубликованы «Заметки о личности Белинского».

- 1881, осень — Дарит Карамзинской общественной библиотеке в Симбирске около 700 книг и журналов.
- 1882, 31 декабря — Чествование Гончарова по случаю 50-летия его литературной деятельности.
- 1884 — Выходит в свет первое Собрание сочинений Гончарова в 8 томах.
- 1887, апрель — В № 4 «Вестника Европы» опубликован очерк «Из университетских воспоминаний».
- 1888 — В №№ 1-2 «Вестника Европы» напечатаны воспоминания Гончарова «На родине». Очерк «Слуги» печатается в журнале «Нива» (№№ 1-3).
- 1889, март — В № 3 «Вестника Европы» опубликовал статью «Нарушение воли».
- 1891, январь — В № 1 журнала «Русское обозрение» помещен очерк «По Восточной Сибири».
- Лето — Продиктовал Елене Трейгут очерки «Уха», «Май месяц в Петербурге» и «Превратности судьбы».
- 15 сентября — в 12-м часу дня сердце Ивана Александровича Гончарова перестало биться.
- 19 сентября — Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

УКАЗАТЕЛЬ НЕКОТОРЫХ ИМЕН, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

Аксаков Николай Тимофеевич (1797-1882) – брат С.Т. Аксакова, предводитель дворянства Симбирской губернии, обладатель крупной личной библиотеки. 114

Александров Петр Александрович (1864-1930) – журналист, краевед, автор статей об И.А. Гончарове. 253, 287

Алексеева Юлия Михайловна – старший научный сотрудник Ульяновского музея И.А. Гончарова. 13, 237

Андреев-Бурлак Василий Николаевич (1843-1889) – гениальный актер, создатель Пушкинского театра в Москве, писатель. 18, 193, 265

Анненков Павел Васильевич (1812-1887) – прозаик, критик, близкий знакомый И.А. Гончарова. 111, 113, 124, 127, 194, 302

Арнольд Всеволод Николаевич (1907-1985) – автор трудов по истории Симбирска и Самары. 285

Барышев Ефрем Ефремович (1813-1881) – поэт, драматург и переводчик, товарищ И.А. Гончарова по учению в Московском коммерческом училище. 66, 71

Баратаев Михаил Петрович (1784-1856) – князь, участник Отечественной войны 1812 года, симбирский губернский предводитель дворянства, ученый-нумизмат. 157, 158, 163

Бейсов Петр Сергеевич (1907-1976) – доцент Ульяновского пединститута, автор книги «Гончаров и родной край». 10, 113, 152, 153, 185, 200, 237, 276

Белинский Виссарион Григорьевич (1811-1848) – великий критик. 76

Бенардаки Дмитрий Егорович (1799-1870) – поручик, откупщик в Симбирской губернии, создатель судостроительного завода в Сормово, прототип Костанжогло в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. 21, 162-180

Бенземан Иван Адольфович (1815-1860) – академик архитектуры, автор проекта Дома дворянского собрания в Симбирске. 112

Бестужев Андрей Васильевич (1780-1840) – управляющий Симбирской удельной конторой, знакомый семьи Гончаровых. 85, 96

Богданов Модест Николаевич (1841-1888) – воспитанник Н.А. Гончарова по гимназии, зоолог, географ, детский писатель. 18, 191

Валкин Марк Харитонович (род. в 1922 г.) – директор Областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. 13, 322

Вяземский Петр Андреевич (1793-1878) – князь, поэт и критик. 17, 97, 150, 222

Гончаров Александр Алексеевич (1817-1868) – симбирский купец, сын двоюродного брата писателя. 285, 289

Гончаров Александр Иванович (1754-1819) – отставной капитан, городской голова Симбирска, купец 3-й гильдии, отец писателя. 27-29, 33, 36

Гончаров Дмитрий Александрович (1863-1918) – выпускник Симбирской гимназии, врач, племянник двоюродного брата писателя. 284-293

Гончарова Авдотья Матвеевна (1785-1851) – мать писателя. 27, 33, 34, 36, 49, 67

Гончарова Александра Александровна (1818-1896) – сестра писателя, в замужестве Музалевская. 120, 133, 144

Гончарова Анна Александровна (1815-1898) – сестра писателя, в замужестве Кирмалова. 144

Готорн Натаниэль (1804-1864) – американский писатель. 24, 210-215, 230

Григорович Дмитрий Владимирович (1822-1899) – уроженец Симбирской губернии, писатель. 230

Давыдов Денис Васильевич (1784-1839) – герой Отечественной войны 1812 года, поэт, военный писатель. 13, 93

Демиховская Ольга Аверьяновна – кандидат филологических наук, автор трудов об И.А. Гончарове. 75, 182

Дружинин Алексей Васильевич (1824-1864) – писатель, критик. 229

Егорова Нина Михайловна – старший научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова, автор статей об И.А. Гончарове. 13, 16, 73, 74

Ефремова Юния Дмитриевна – племянница Е.П. Майковой, один из ближайших друзей И.А. Гончарова. 106, 117, 131

Жданова Маргарита Борисовна – директор Ульяновского музея И.А. Гончарова, автор статей об И.А. Гончарове. 13, 322

Живокини Василий Игнатьевич (1801-1874) – актер Малого театра. 18, 141-143

Загряжская Каролина Осиповна – жена А.М. Загряжского. 83, 146-160

Загряжский Александр Михайлович (1796-1883) – симбирский губернатор, дальний родственник жены А.С. Пушкина. 17, 20, 62, 83, 146-161

Знаменская Александра Александровна (1852-1922) – основательница бесплатной библиотеки-читальни им. И.А. Гончарова в Симбирске. 324-332

Зотов Александр Иванович (1809-1881) – городской голова Симбирска, купец, механик-самоучка. 136

Ивашев Василий Петрович (1797-1840) – декабрист. 14, 114

Ивашев Петр Никифорович (1767-1838) – генерал-майор, сподвижник Суворова, отец декабриста. 14, 43

Каменецкий Тит Алексеевич (1790-1844) – директор Московского коммерческого училища. 54

Карамзин Владимир Николаевич (1819-1879) – сын писателя и историка, сенатор, почетный член Карамзинской общественной библиотеки. 297

Карамзин Николай Михайлович (1766-1826) – писатель, историк. 7, 93, 109, 297

Каченовский Михаил Трофимович (1775-1842) – профессор-историк Московского университета. 78

Киндяков Александр Львович (1805-1884) – майор кавалерии, владелец сельца Киндяковка. 245-261

Киндяков Лев Васильевич (1770-1860-е) – майор артиллерии, знакомый М.Ю. Лермонтова. 245-261

Кирмалов Виктор Михайлович (1834-1912) – племянник писателя. 24

Кирмалов Владимир Михайлович (1840-1906) – племянник писателя. 24

Кирмалов Михаил Максимович (1793-1850) – помещик, муж сестры писателя Александры. 118

Кирмалова Варвара Михайловна (1843-?) – племянница писателя. 24

Кирмалова Екатерина Михайловна (1845-1910) – племянница писателя. 24

Кони Анатолий Федорович (1844-1927) – юрист, писатель, друг И.А. Гончарова. 25, 97

Кони Федор Алексеевич (1809-1879) – университетский знакомый И.А. Гончарова. 72

Косолапова Дарья Михайловна – вдова симбирского купца, приемница Ивана Гончарова. 31

Левенштейн Евдокия Петровна (1849-1911) – приемная дочь А.А. и П.А. Музалевских, автор воспоминаний о писателе. 138

Левицкий Сергей Львович (1819-1870-е) – известный фотограф. 23, 227-234

Лизогуб Иван Николаевич (1800-е – 1840-е) – губернский архитектор, автор проектов здания библиотеки в честь Н.М. Карамзина, Гостиного двора. 90

Лобкарева Антонина Васильевна – заведующая Музеем И.А. Гончарова, автор статей о писателе. 13

Лошиц Юрий Михайлович – писатель, автор книги «Гончаров» (М., 1977). 11

Львова-Синецкая Мария Дмитриевна (1795-1875) – актриса Малого театра, хозяйка литературного салона. 72

Майков Аполлон Николаевич (1822-1897) – поэт, цензор. 7

Майков Владимир Николаевич (1826-1885) – журналист, переводчик. 108

Майков Леонид Николаевич (1839-1900) – историк литературы, академик. 108

Майков Николай Аполлонович (1794-1873) – художник, глава известного литературного салона. 98

Майкова Евгения Петровна (1803-1880) – жена Н.А. Майкова, поэтесса, переводчица. 108, 111

Мартынов Павел Любимович (1847-1921) – известный краевед Симбирска. 237, 288

Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835-1889) – поэт-сатирик, драматург. 7, 13, 174, 266, 271

Минаев Дмитрий Иванович (1807-1876) – подполковник, переводчик «Слова о полку Игореве». 13, 19, 189, 283

Музалевский Петр Авксентьевич (1801-1877) – хирург, муж Анны Александровны Гончаровой. 18, 47, 236-237

Надеждин Николай Иванович (1804-1856) – профессор Московского университета, редактор журнала «Телескоп». 77

Некрасов Николай Алексеевич (1821-1878) – поэт, редактор журналов «Современник» и «Отечественные записки». 129, 181, 223

Никитенко Александр Васильевич (1804-1877) – критик, цензор, профессор русской словесности. 133, 143, 175, 223

Никитенко Софья Александровна – дочь А.В. Никитенко, один из самых близких знакомых И.А. Гончарова. 175, 223

Ознобишин Дмитрий Петрович (1804-1877) – поэт, переводчик, общественный деятель Симбирска. 13, 22, 114, 216-226

Островский Александр Николаевич (1823-1886) – великий драматург. 114, 129

Панаев Иван Иванович (1812-1862) – писатель, со-редактор Некрасова по «Современнику». 129

Победоносцев Петр Васильевич (1771-1843) – профессор российской словесности в Московском университете. 76

Посъет Константин Николаевич (1819-1903) – участник путешествия на фрегате «Паллада», впоследствии министр путей сообщения.

Потанин Гавриил Никитич (1823-1910) – домашний учитель в семьях Гончаровых и Минаевых, впоследствии писатель. 18, 23, 33, 42, 181-188, 268

Путятин Ефим Васильевич (1803-1883) – вице-адмирал, начальник экспедиции на фрегате «Паллада». 129

Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837) – величайший поэт. 78, 97, 161, 179, 296, 302

Рыбасов Александр Петрович (1907-1961) – автор книги «И.А. Гончаров» (М., 1957). 12, 14, 70, 71

Рудольф Аделаида Карловна (1825-?) – сестра жены Н.А. Гончарова. 194, 277

Рудольф Эмилия Карловна (1828-?) – сестра жены Н.А. Гончарова. 194, 277

Садовников Дмитрий Николаевич (1847-1883) – воспитанник Н.А. Гончарова по Симбирской гимназии, известный поэт. 268

Смирнова Ирина Вениаминовна – старший научный сотрудник Ульяновского музея И.А. Гончарова, автор статей по теме «И.А. Гончаров и Симбирск». 13, 136

Соковнин Николай Михайлович (1836-1890-е) – воспитанник Н.А. Гончарова по Симбирской гимназии, общественный деятель. 19

Соколовский Николай Михайлович (1834-1890-е) – воспитанник Н.А. Гончарова по гимназии, юрист и публицист, первый критик «Обломова» в печати. 6, 18, 24, 199-209, 269

Солоницын Владимир Андреевич (1808-1850) – сослуживец И.А. Гончарова в Петербурге, литератор. 98, 100

Старчевский Альберт Викентьевич (1818-1891) – писатель, автор воспоминаний о семье Майковых. 98

Стасюлевич Михаил Михайлович (1825-1911) – историк, публицист, редактор журнала «Вестник Европы». 25

Степанов Николай Александрович (1807-1877) – известный художник-карикатурист. 119

Стогов Эразм Иванович (1797-1880) – жандармский штаб-офицер в Симбирске, автор воспоминаний, дед Анны Ахматовой. 88, 158, 164

Суперанская Анна Григорьевна (1872-1935) – общественная деятельница, педагог, жена М.Ф. Суперанского. 335

Суперанский Михаил Федорович (1864-1930) – чиновник, общественный деятель, первый симбирский гончаровед. 8, 9, 35, 43, 333-350

Толстая Александра Андреевна (1817-1904) – фрейлина императрицы, дружески относившаяся к А.И. Гончарову. 307, 308, 310

Толстая Елизавета Васильевна (1827-1877) – близкая знакомая Майковых, которой в середине 1850-х годов был сильно увлечен И.А. Гончаров. 227

Толстой Алексей Константинович (1817-1875) – поэт и драматург. 129

Толстой Лев Николаевич (1828-1910) – великий писатель. 129, 227

Трегубов Николай Николаевич (1774-1849) – крестный отец детей в семье Гончаровых, капитан-лейтенант в отставке. 6, 30, 31, 36, 153, 163, 183

Трейгут Александра Ивановна (1840-е – 1917) – жена слуги А.И. Гончарова. 304-323

Трейгут Александра Карловна (1869-1928) – старшая воспитанница писателя. 304-323

Трейгут Василий Карлович (1871-1913) – воспитанник писателя. 304-323

Трейгут Елена Карловна (1873-1943) – воспитанница писателя. 304-323

Трейгут Карл Людвиг (?-1878) – слуга писателя. 25, 304-323

Троицкий Федор Степанович (1792-1854) – священник, содержатель пансиона в селе Архангельском. 6, 19, 36, 40-47, 183

Троицкая Варвара Антоновна, урожденная Липман (1803-?) – жена священника, преподавательница французского и немецкого языков в пансионе. 39

Тургенев Иван Сергеевич (1818-1883) – великий писатель. 129, 175, 227

Уваров Сергей Сергеевич (1786-1855) – министр народного просвещения. 78

Хованская Екатерина Петровна, урожденная Ивашева (1811-1855) – жена Ю.С. Хованского. 14, 45

Хованский Юрий Сергеевич (1806-1868) – князь, юрист, симбирский помещик. 12, 32, 44-45, 82, 89

Цейтлин Александр Григорьевич (1901-1962) – литературовед, автор монографии «И.А. Гончаров». 12, 13, 82

Чернышевский Николай Гаврилович (1828-1889) – писатель, философ. 19, 189-198, 212, 283

Чугунов Михаил Иванович (1825-1880) – преподаватель Симбирской мужской гимназии, прототип Леонтия Козлова в романе «Обрыв». 275-284

Шевырев Степан Петрович (1806-1864) – поэт, критик, профессор Московского университета. 78, 81

Юргенс Аксель Карлович (1862-1917) – симбирский купец, инициатор расширения дома Гончаровых в 1889-1900 годах и установления на нем мемориальной доски в память И.А. Гончарова. 352

Языков Александр Михайлович (1799-1874) – брат поэта, общественный деятель Симбирска. 263

Языков Александр Петрович (1831-1896) – племянник поэта, председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки. 263, 299

Языков Михаил Александрович (1811-1885) – друг И.А. Гончарова. 104, 263

Языков Николай Михайлович (1803-1846) – выдающийся поэт-лирик, основатель Карамзинской общественной библиотеки. 52, 93, 213

Языков Петр Михайлович (1798-1851) – брат поэта, известный геолог, председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки. 263

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Часть I	
Глава 1. Раннее детство	27
Глава 2. В заволжском пансионе	38
Глава 3. В Московском коммерческом училище	49
Глава 4. В Московском университете	69
Глава 5. «Подставной» секретарь	82
Глава 6. Переводчик становится писателем	96
Глава 7. После 14-летнего отсутствия	108
Глава 8. Из кругосветного путешествия – в Симбирск	120
Глава 9. Последнее пребывание на родине	133
Часть II	
Глава 10. Губернатор Загряжский	146
Глава 11. «Откупщик» Бенардаки	162
Глава 12. «Воспоминания» Гавриила Потанина	181
Глава 13. Николай Чернышевский – гость Николая Гончарова	189
Глава 14. Симбирянин Н. Соколовский – первый критик «Обломова»	199
Глава 15. Подарок племянницам	210
Глава 16. Дмитрий Ознобишин и братья Николай и Иван Гончаровы	216
Глава 17. Три визита в фотоателье С.Л. Левицкого	227
Глава 18. «...Алаевы встречаются на каждом шагу...»	235
Глава 19. Киндяковка и Киндяковы	245
Глава 20. Замечательный чудак	262
Глава 21. О прототипе Леонтия Козлова в романе «Обрыв»	275
Глава 22. Дмитрий Гончаров – родственник романиста	284
Глава 23. Почетный член Карамзинской общественной библиотеки	294
Глава 24. Воспитанники И.А. Гончарова	304
Глава 25. Основательница Гончаровской библиотеки А.А. Знаменская	324
Глава 26. Первый гончаровед Симбирска	333
Эпилог	351
Иллюстрации	357
Основные даты жизни и творчества И.А. Гончарова	382
Указатель некоторых имен, встречающихся в тексте	390

ТРОФИМОВ
Жорес Александрович

НАШ ГОНЧАРОВ
Поиски. Находки. Исследования
Книга издана в авторской редакции

Дизайн обложки **Л.С. Шестакова**
Верстка: **А.Б. Кузина**
Технический редактор **И.Ю. Горбунова**
Корректор **С.А. Тынарахтына**

Сдано в набор 9.04.2007. Подписано в печать 7.05.2007
Формат 70x100 1/32. Бумага офсетная № 1
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,125
Тираж 1000 экз. Заказ № 1422. Цена договорная

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

nr 2010

Село Киндяковка. Фото 1912 г.

nr 2019

50 =

VP

